

Макс Мах

Последний III

Продолжение приключений графа Ингвара Менгдена четвертого своего имени.

Макс Мах
Последыш III

Двадцать третье июня 1983 года

Встречу организовали в Ниене^[1] в ресторане «Фортеция» на Крестовском острове^[2]. Занимались этим шведы: то ли телохранители принцессы, то ли люди из службы охраны Шведской короны. В любом случае, кто-то из них заказал анонимно все четыре отдельных кабинета, находившихся на антресолях западной стороны общего зала, а кто-то другой открыл в семь часов вечера портал прямо во второе из этих относительно небольших, но со вкусом обставленных помещений — в так называемый «Финский будуар». Бармин же объявился в ресторане за несколько минут до этого, — в 18.57 по местному времени — переместившись прямо в смежный «Финскому» кабинет.

На самом деле, он прилетел в Ниен накануне и по случайному капризу — сбивая возможных преследователей со следа, — вселился в гостиницу Англитер, где представился никому ничего не говорящим именем: Игорь Старосельский из Новгорода. В этом мире на постоянных дворах еще не начали спрашивать документы, подтверждающие личность постояльца, так что можно было назваться, кем угодно, хоть Донкихотом Ламанчским. Тогда же накануне вечером, Ингвар съездил на такси в ресторан «Фортеция», где человек майора Злобиной заранее заказал ему столик на галерее, совсем недалеко от назначенных местом встречи отдельных кабинетов. Так что, Бармин осмотрелся, вкусно поужинал, — кухня в ресторане оказалась выше всяческих похвал, — прошелся между делом по антресолям и заглянул в кабинет, носивший название «Ингерманландский покой». Там в это время «выпивали и закусывали» два его телохранителя, так что он спокойно, без суеты и с подробностями изучил место, куда ему предстоит переместиться на следующий день вечером. Теперь он мог прыгнуть сюда прямо из своего гостиничного номера, что было весьма удобно, но главное — безопасно.

Вернувшись на постоянный двор за полночь, Ингвар почти сразу лег спать, а весь следующий день гулял по городу, который в его прежней жизни назывался Петербургом, хотя сам Бармин родился и вырос в Ленинграде. Кое-что оказалось очень похоже на то, что он помнил по дням своей молодости, зато другое — нет. Здесь не было, например, Зимнего дворца и арки Главного штаба, но Невский проспект и Петроградская сторона оказались похожи на себя в другом мире, как две капли воды. В общем, впечатлений было много, и все они были более, чем странные. Не плохие, нет, но растревожили они Игоря Викентиевича не по-детски. Заставили вспомнить прошлое в другом мире и в другую эпоху, когда он был так же молод, как Ингвар Менгден сейчас, и учился в 1-м медицинском институте. Даже сердце от тоски защемило, хотя ностальгировать, по большому счету, можно было только о молодости, которой у него и теперь было в избытке. Тем не менее, — волновался или нет, — к семи вечера он был готов к встрече, собран, сосредоточен, подобающе одет, — темно-серый костюм, черная рубашка и темно-фиолетовый галстук, — и смог наконец сформулировать для себя, чего он ожидает от знакомства с герцогиней Сконе. Вернее, так: чего бы хотел от этой встречи он сам, — как ни странно, интуиция подсказывала, что невеста ему подходит, но не объясняла отчего так, — и чего от этих переговоров и от самой принцессы следует ожидать на самом деле. В любом случае, просто не будет, а там, как пойдет.

«На тебя уповаю, Альфёдр, — подвел Ингвар итог своим тревогам, — береги нас в этой жизни Вератюр!^[3]»

Шаг, и он уже не в гостиничном номере, а в «Ингерманландском покое». Короткий взгляд на телохранителей, — типа, «*Что, как?*» — и Бармин вышел на галерею. Здесь в креслах сидели двое: изящная девушка, являвшаяся боевиком майора Злобиной, и авантажный средних лет мужчина — телохранитель принцессы. Оба подали знак «путь свободен» и, сделав несколько шагов по галерее, Ингвар в сопровождении «Лизы» и «Михаила Карловича» вошел в «Финский будуар». Часы показывали 18.59, и ждать долго не пришлось. Открылся портал, и в сопровождении телохранительницы в кабинет вошла герцогиня Сконе.

Фотографии не ввали. Бармин увидел перед собой молодую — максимум двадцатипятилетнюю, — красивую женщину. Если забыть, что она кронпринцесса, вполне могла стать кинозвездой и сниматься в блокбастерах со Статен-Айленда^[4], потому что Ульрика Катарина герцогиня Сконе была похожа на Шарлиз Терон начала двухтысячных, уже не девочка, но еще отнюдь не женщина бальзаковского возраста. Впрочем, принцесса была, пожалуй, несколько выше любимой актрисы Бармина, и грудь у нее явно была полнее. И еще стоило, наверное, обратить внимание на взгляд светло-зеленых глаз. Судя по их выражению, перед Ингваром стояла серьезная опытная женщина, которая была явно старше двадцатичетырехлетней Варвары и двадцатитрехлетней Елены.

— Ваше Высочество! — поклонился Бармин.

— Господин граф! — Протянула ему руку принцесса.

— Оставьте нас! — приказала она, едва Ингвар отнял губы от ее длинных и сильных пальцев лучницы и пианистки.

Обращалась она, понятное дело, к сопровождающим лицам, но переход от приветствия к приказу получился излишне резким, и Бармин внутренне поморщился. Начинали сбываться худшие его опасения. И, хотя Ингвар ничем, ни жестом, ни взглядом не выдал своей реакции, — в этом он был абсолютно уверен, — принцесса все-таки его настроение уловила.

«Чуткая женщина» — отметил он.

— Я сделала что-то не так? — спросила она, когда они остались наедине.

— Ну, что вы, Ваше Высочество!

— Значит, сделала, — признала она с легким вздохом сожаления. — Плохое начало.

— Нормальное, — чуть улыбнулся Бармин. — Присядем?

— Давайте перейдем на имена, — предложила она, усаживаясь в подвинутое Барминым полукресло.

— Ульрика Катарина?

— Просто Ульрика.

— Принимается, — подтвердил Бармин, устраиваясь напротив женщины. — Я Ингвар.

— Выпьешь что-нибудь? — к счастью в норне^[5] нет противопоставления местоимений «ты» и «вы», так что хотя бы над этим не надо было голову ломать. — Вино? Старка?

— Вино, разумеется.

— Разумеется, — поддержал Бармин, хотя и подозревал, что Ульрика достаточно взрослая девочка и предпочитает крепкие напитки. Однако положение обязывает, поэтому вино. — Белое, красное?

— Белое. Я правильно поняла, что ты не открываешь порталы, а телепортируешь

«броском»?

— Да, — подтвердил Ингвар, наливая в бокал принцессы сухое божоле. — С порталами у меня, если честно, дела обстоят не так, чтобы очень хорошо.

«Попросту, никак».

Он специально говорил на народном, чуть грубоватом норне. Хотел увидеть ее реакцию, и увидел, но только не понял, как именно она отреагировала. Это могло быть что угодно от презрения до иронии.

«Кого она видит перед собой? — спросил он себя, наливая в свой бокал не вино, а старку, ведь ему перед ней выпендриваться было незачем. — Что слышит, о чем думает?»

Бармин знал, — по крайней мере, предполагал с высокой долей вероятности, — что именно она видит, а видела она перед собой молодого парня. Девятнадцать лет, ни прибавить, ни убавить. Ни усов толком, ни бороды, так — вошедшая в моду в последнее время двухдневная щетина. Длинные светло-русые волосы, заплетенные в косицу, крупные, но хорошо очерченные черты лица, высокий лоб, крупный нос и тяжелый подбородок. Ну и серые глаза, разумеется. В общем, красавчик, но уж больно молоденький. Семнадцать лет разницы — это немало. Он ей в сыновья годится, а она собралась за него замуж. Но, с другой стороны, она, верно, читала его досье, да и дядюшка Виктор наверняка наболтал с три короба. Какой вывод сделала она из полученной информации?

Слово за слово разговорились, и Бармин сразу же обратил внимание на то, как изящно она обходит темы, на которые, по ее мнению, ему было бы трудно высказать собственное мнение. Театр и кино, современная литература, конный спорт и, к сожалению, многое и многое другое. Однако принцесса умела вести непринужденную беседу, избегая неудобных для Ингвара тем. Поэтому говорили о последних марках автомобилей, о магии и, разумеется, о предках-викингах. Тут он, худо-бедно, мог составить ей компанию. Но сколько веревочке не виться, а конец будет. На каком-то этапе беседы Бармин почувствовал острое желание, прекратить весь этот фарс. Ну, зачем, в самом-то деле, болтать ни о чем, если оба они знают, что не так с этим браком?

— Ты потрясающая женщина, Ульрика, — сказал он, переводя разговор в «конструктивную плоскость». — Красивая, умная и с характером. Практически идеальная невеста, но, боюсь, ничего у нас не получится.

О богатстве и знатности он умолчал, поскольку это были само собой разумеющиеся обстоятельства, а слово «боюсь» использовал, как фигуру речи, потому что, на самом деле, Ингвар не боялся и не сожалел. Нечего было тут бояться, и сожалеть было не о чем. Судьба.

— Могу я узнать, что тебя останавливает? — Похоже, его слова ее не удивили, но очевидным образом расстроили. Впрочем, она продолжала держать лицо.

«Зачем спрашивать, если знала заранее?» — Бармин был уверен, что его шведский дядюшка успел уже отчитаться перед своей «ясновельможной нанимательницей», и это, не говоря уже о досье на Ингвара Менгдена, которое у шведов наверняка уже имелось. Однако герцогиня Сконе все-таки пришла на встречу и спросила. Возможно, хотела услышать ответ из его собственных уст и в его исходной формулировке.

«Твое право, принцесса, если это действительно так!»

— Я никогда не соглашусь быть в доме на вторых ролях, — спокойно ответил Бармин на вопрос принцессы. — Я не хочу и не буду властвовать над тобой, как не буду унижать или пытаться подчинить любую из моих будущих жен, но я привержен принципу единоначалия. В семье должен быть один глава, один полюс власти, иначе нас ожидает бесконечная война.

Перетягивание каната — не тот спорт, которым я захотел бы заниматься на досуге.

— Да война в семье ни к чему хорошему не приведет, — согласилась Ульрика, впервые позволив чувствам отразиться в выражении ее лица. Она была огорчена и расстроена, возможно даже разочарована, и не хотела этого скрывать. — Я понимаю, тебя смущает мой возраст, моя дочь, мое воинское звание, мой статус принцессы крови.

— Ты удивишься, — покачал головой Бармин, — но нет. Практически ничего из перечисленного мне не мешает. Статус? Моя невеста — племянница императора и формально является правящей княгиней. Офицерское звание? Военная подготовка офицерского корпуса, на мой взгляд, значительно переоценена. Сильно она помогло тем бедолагам, которых я дважды раскатал в плоский блин в Надозерье? А ведь среди них было аж два настоящих полковника. — Это замечание не понравилось капитану-лейтенанту Сконе, но она, разумеется, промолчала. По факту он был прав, а что касается военных, имел право на них злиться.

— Дочка? — продолжал между тем Ингвар. — А что с ней не так? Она всего лишь маленькая девочка, которую при хорошем раскладе можно было бы удочерить. Твой возраст, по большому счету, тоже ерунда. Во всяком случае, в постели он мне точно не помешает, но мне вряд ли понравится, если жена станет относиться ко мне, как мать к неразумному и неопытному сыну.

— Но совет от меня ты бы принял? — уточнила принцесса. Она уже справилась со своей первой реакцией и старалась перевести конфликт интересов в конструктивный диалог.

— Наедине, — кивнул Ингвар. — С признательностью. Я ведь не зазнавшийся сопляк с раздутым Эго. Я признаю, что многого не умею, не знаю и не понимаю. Поэтому я с благодарностью приму любую помощь и готов обсуждать с женой любые вопросы, которые поднимет она или которые я сочту нужным вынести на обсуждение. Но все это только наедине.

— Не перебивать тебя на людях, даже если не согласна, — кивнула она, входя в подробности. — Не перечить публично, не влезать туда, куда не звали, не распоряжаться тобой, не решать за тебя и не приказывать твоим людям. Я правильно понимаю?

— Совершенно верно, — согласился Бармин. — Эта форма поведения характеризует верную жену.

— Что-то еще?

— Я предоставляю женам полную свободу при условии, что они меня не компрометируют, не изменяют открыто, не поставив меня об этом в известность, и не рожают от других мужчин.

— То есть, если бы мы все-таки сговорились, я могла бы продолжать жить так, как привыкла?

— Смотря, что ты имеешь в виду под привычным укладом жизни.

— Встречи с друзьями, посещение вечеринок, показов мод, театральных премьер...

— На здоровье, — пожал плечами Бармин. — Когда-нибудь я сам с удовольствием составлю тебе компанию. Но, если тебе лучше одной, значит так тому и быть.

— Щедро!

— Я же сказал, полная свобода в рамках приличия.

— Значит, я смогу продолжить работать в своем ателье? Моделировать женские платья, выставлять свои коллекции на показах мод, пилотировать самолеты и вертолеты...

— Если тебе это нравится.

— Что ж, скажу прямо, Ингвар, ты более, чем щедр. Пожалуй, в ответ я могу постараться...

— Меня не устраивает слово «стараться», — перебил ее Ингвар, который, будучи психиатром хорошо понимал, в чем состоит разница между «стараться» и «делать».

— Ладно, — задумалась на мгновение женщина. — Что скажешь о принятии мной обета по старому семейному праву?

— Предлагаешь сечь тебя за каждое нарушение границ? — усмехнулся Бармин, вспомнив это самое «варяжское семейное право», с которым по необходимости ознакомился только недавно.

— Если по-другому проблему не решить, — пожала она плечами. — Унизительно конечно, но зато действительно. Две-три порки, и я начну сначала думать, а потом уже говорить или действовать.

«Она что, мазохистка, что ли?» — удивился Бармин, но, представив, как проходит розгами по голому задку этой скандинавской красавицы, должен был признать: что-то в этом есть. Да, болезненное, темное, но, тем не менее, притягательное.

— Что ж, — сказал он вслух, — можно считать, что с этой проблемой мы справились. Не верю, что у тебя это получится с первой попытки, но лиха беда начало. Главное — личное желание и взаимопонимание, а оно у нас, похоже, есть.

— Ты умнее и настойчивее, чем говорили мне наши шпионы, — грустно усмехнулась принцесса. — Кстати, если хочешь курить, кури. Табачный дым мне не мешает, привыкла, знаешь ли.

— Спасибо, — поблагодарил Ингвар, но закуривать не стал. Курил он, в основном, для удовольствия, но привыкания пока не замечал.

— У тебя действительно есть шрамы от пулевых ранений? — неожиданно спросила герцогиня Сконе.

— Три, — кивнул Бармин. — На бедре, на животе и на груди, но пока мы не настолько близки, чтобы их показывать.

— Мне сказали, что ранение в грудь было смертельным... — продолжила принцесса, сделав вид, что не заметила его иронии.

«Хочет выяснить силу моего Дара? Как там говорила Варвара? Гроссмейстер, кажется...»

— Я тоже что-то такое слышал, — подтвердил Бармин вслух. — Моя старшая сестра — неплохая целительница. Но давай вернемся к самому главному вопросу, почему именно я? В чем интрига?

— Ты согласишься, если я скажу, что ты просто понравился мне, как мужчина?

— Допустим, — согласился Бармин. — Молодой любовник, то да се... Но этого явно недостаточно для брака.

— Сплочение сил Севера перед грядущей мировой войной?

— Серьезная причина, но не думаю, что стратегический союз между империей и королевством Швеция невозможен без династического брака, тем более, что, имея в виду княгиню Полоцкую, я женюсь всего лишь на племяннице императора, что не превращает меня автоматически в члена императорской фамилии.

— То есть, без веской причины, объясняющей мое желание выйти замуж именно за тебя, наш брак невозможен?

— Так и есть, — подтвердил Бармин. — Объясни, зачем это нужно лично мне?

Если брать в расчет только голые факты, то Бармин в истории с попаданием и вселением выглядел так себе. Плыл по течению, брал что дают и даже лапками, как рекомендовал граф Толстой, не сучил. Одним словом, слабак и размазня. Ни воли, ни ума, ни решительности. Но это, если смотреть на ситуацию глазами диванных стратегов, для которых такие переменные, как титул, молодость, физическая сила и мощный колдовской Дар — это основное, остальное само как-нибудь устроится. Вот только Игорь Викентиевич уже давно не мальчик, молоко у него на губах успело обсохнуть, и «*опыт, (сын) ошибок трудных*» подсказывал, «*торопиться не надо*». И еще кое-что немаловажное: он умел и любил думать. Смотрел, видел, взвешивал и решал, и решения эти были в каждый момент времени вынужденными, но при том оптимальными. Переть с пустыми руками на бегемота или носорога — занятие неумное, даже если выглядит образцом лихости и мужества. Ну, и куда ему было лихачить? В чужом мире, не зная правил игры и фактов первостепенной важности, — например того, кто ему друг, кто — враг, а кто, и вовсе, просто мимо проходил, — с неустоявшимся и до конца не освоенным Даром, Бармин не мог принять ни одного решения без того, чтобы не накосячить. Потому и не торопился говорить «нет» тогда, когда осведомленные в деталях взрослые предлагали ему то или это. То есть, будь он юным долбоебом, наверняка, взбрыкнул бы, и с вероятностью в сто процентов огреб бы по первое число. Но, на поверку, он был старым тертым мужичком еще той, советской закваски, с полуторным набором шариков и роликов в башке, — и это по самому скромному подсчету, — и бесценным опытом выживания сначала в одном «обществе равных возможностей», а затем — в другом. Сделать без блата карьеру в СССР было непросто, в Америке — еще труднее, но он свое все-таки взял. Без революций и скандалов, без воплей на перекрестках и баррикадных боев, но своего добился. И теперь его прежний опыт подсказывал: не торопись, Игорь, приглядывайся, оценивай и думай, и действуй только тогда, когда уверен в том, что делаешь, или тогда, когда край, и тебе, по большому счету, уже все равно, поскольку, что ни сделаешь, хуже уже не будет.

Поэтому оглядываясь назад, на все эти считанные месяцы, прожитые в чужом мире и в чужой шкуре, Бармин считал, что с задачей выживания, — то есть, инфильтрации, легендирования и первичной рекогносцировки, выражаясь языком шпионов и разведчиков — справился на «ять». Ольгу разоблачил и превратил из противника, пусть не в друга, но, как минимум, в союзника. Бабку перевоспитал и под Глинских в конечном итоге тоже не лег, перетянув настроенную против него Варвару на свою сторону. И подход, следует заметить, нашел правильный — через Елену, которую купил с потрохами, предложив больше, чем обещал ей Нестор. И дальше, шаг за шагом, тут и там, помаленьку и полегоньку он перетягивал одеяло на себя, но не совершал резких движений. И вот он результат: дедово наследство при нем, невесты одна к одной, но дело, естественно, не в их красоте, — хотя и она имеет место быть, — а в том, что одна Мария не просто с лихвой компенсирует упущенную в браке с бесприданницей Еленой выгоду, а в том, что, благодаря этому союзу, он получил поддержку одного из самых сильных людей империи. Конечно заслуга в этом целиком принадлежит самому князю Северскому, мотивы которого отнюдь не очевидны, но правда в том, что, если бы не было роялей в кустах, — любил Бармин этот термин, почерпнутый на просторах русскоязычного интернета, — он бы попросту не выжил. Уконтропупили бы болезного, ободрав для начала как липку, и весь сказ. Поэтому Бармин помощь такого рода унижительной для себя не считал и принимал, что называется, с благодарностью.

Однако предложение шведской короны имело совсем другой характер, и тут следовало крепко подумать на тему, а нужен ли ему этот подарок судьбы, и, если действительно нужен, то зачем. В этом вопросе возможны были, разумеется, варианты, но один плюс у этого брака был наверняка. Породнившись со шведским королевским домом, Ингвар приобретал сильного и независимого от империи союзника, хорошо уравновешивавшего такого политического тяжеловеса, как брат императора князь Северский. Имелись у этого союза и экономические выгоды. Не смотря на цейтнот, Бармин успел выяснить кое-что интересное о личном состоянии и приданном герцогини Сконе, и это кое-что выглядело весьма многообещающе. И все-таки, все-таки... Грызло его некое сомнение, связанное с тем, что он никак не мог понять истинных мотивов кронпринца Карла Августа. Ему-то Менгден зачем сдался? Вопрос не праздный, и от ответа на него многое зависело, хотя интуиция и утверждала, что *«надо брать»*. Чаша весов, таким образом, застыли в шатком равновесии, — со всеми измысленными его мозгом «Pro et contra»^[6] — и оставалось всего лишь узнать, для чего он им всем сдался, тогда и решение будет проще принять.

Бармин не был уверен, что ему это действительно нужно. Лестно, конечно, жениться на сестре короля. Приданное опять же. Политические связи. И все-таки, все-таки... Сомнений было все еще больше, чем нужно, чтобы принять положительное решение.

«Тогда, зачем я сюда приехал, вообще?»

Затем, — шепнул тихий голос прямо ему в мозг, — что случайными такие предложения не бывают.

«То есть, предлагаешь жениться?» — прямо спросил Ингвар, понимая уже, кто это пожаловал на их со шведкой тайную встречу.

Предлагаю рассмотреть предложение по существу, — продолжил нашептывать тихий голос. — Подвоха или обмана я здесь не чувствую.

Весь этот диалог занял не больше мгновения, и Ульрика его, разумеется, не слышала.

— А что, если это что-то вроде государственной или родовой тайны? — спросила она, продолжая разговор.

— Воля твоя, Ваше Высочество, — пожал Ингвар плечами, — но кота в мешке я не куплю. Другое дело, если это действительно нечто настолько серьезное, что с одной стороны объясняет решимость шведской короны в отношении меня, а с другой стороны, является, скажем, родовым секретом. В этом случае, обещаю жениться на тебе, даже если это не покажется мне серьезной причиной. Но должен заранее предупредить, всякая ерунда, типа гномьих кладов и пиратских сокровищ, меня совершенно не интересует, и все остальные договоренности, в частности вопрос о первенстве в семье, повторному обсуждению не подлежат.

— Жестко, — прокомментировала принцесса. — но знаешь, теперь я точно хочу выйти за тебя замуж.

— Я не против, — улыбнулся ей Ингвар. — Так в чем все-таки причина?

— Считается, что Ваза получили благословение Тора в XI веке, — начала Ульрика без какого-либо предисловия или вводной фразы, — но правда в том, что, даже если эта история отражает имевшее место событие, настоящих Ваз нет уже почти триста лет. То есть, по закону мы, разумеется, относимся к этой династии, по праву наследования, но не по крови. Кровь у нас другая.

— Извини, Ульрика, но я не понял. — Бармин, и в самом деле, что называется не въехал. — Династия — это же и есть кровь, разве нет?

— Усыновления, — подсказала принцесса. — Измены, разбавление в браке...

— Ах, вот оно что! — сообразил наконец Ингвар, вспомнив по случаю историю, которая приключилась в его мире с династией Романовых, в которых исконно русской — романовской — крови, в конце концов, почти не осталось. — Извини, не сразу дошло. Продолжай, пожалуйста.

— Мы не Ваза, но существует другая династия, род Стенкилей, к которому мы принадлежим по праву крови. Мы с братом ведем свой род от Магнуса Хенриксена^[7]. Магнус был датским лордом и последним из своего рода, кто правил Швецией, хотя и недолго. Всего чуть меньше года. Однако дело не в этом, а в том, что на его прадеда Инге Старшего снизошло благословение богини Вар^[8], которая родила ему дочь. Думаю, что ты знаешь, о чем идет речь, ведь Менгдены тоже удостоились Благословения богини.

— Да, — подтвердил Бармин достаточно равнодушно, чтобы сбить собеседницу со следа, — я читал об этом в «Истории семьи Менгден». Но не вижу связи с нашей свадьбой.

— Увидишь, — усмехнулась в ответ принцесса. — И зря ты пытаешься меня обмануть. Ты знаешь, о чем идет речь, а я знаю, почему.

— Как-то я запутался во всех этих «я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

— Знаешь, почему князь Северский вернул тебе замок Менгденов?

«О! — восхитился Бармин. — Еще одна версия? Жажду услышать!»

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет, — сказал он вслух, — но я с удовольствием послушаю твою версию событий.

— Таких замков, Ингвар, в Европе всего несколько. И те, кому следует, знают их все наперечет. Твой Усть-Угла ничем в этом смысле не отличается от нашего Роннебю слот^[9] близ города Роннебю^[10]. Такой же древний, и стоит над «Горячей скалой». Он всем хорош, но почти восемьдесят лет в нем никто не жил. Я имею в виду аристократов, хозяев. Слуги там жили, но не постоянно, и время от времени менялись. Но с тех пор, как родилась я, все изменилось. Меня привезли в Роннебю, когда мне еще и года не было. И замок меня принял. С тех пор там постоянно живут люди, и никто не болеет и не сходит с ума, но это только до тех пор, пока я жива и приезжаю туда хотя бы раз в несколько лет. Князь Северский не мог жить в Усть-Угле, не мог никого там надолго поселить, а весь край крепко завязан на замок. С тех пор, как погиб твой дед, среднегодовая температура в радиусе примерно пятисот километров от замка упала на четыре градуса и продолжала постепенно уменьшаться. Урожайность всего, что растет, упала уже почти на треть, участились зимние грозы и наводнения... Есть данные об ухудшении радиосвязи... И, наверное, еще что-то. Вот почему новый император тебя помиловал, а князь Северский вернул тебе Усть-Углу.

«Если это правда, — почти с неприязнью и к будущему тестю, и к сидящей перед ним женщине подумал Бармин, — то действительно многое объясняет. Не отменяет другие причины, но объясняет откуда ноги растут... Вот же суки!»

— С твоим замком то же самое? — спросил вслух.

— Было, — кивнула женщина. — Сейчас уже больше тридцати лет, как выправилось. Я появилась.

«А на братьев моих, сыновей Андрея Романовича, выходит, Усть-Угла не реагирует... Дара нет! Моего Дара!» — понял он.

Ну, в самом-то деле, чего дурью маяться! Не мог князь Северский не знать, кто отец его сыновей, а если знал, то не мог не попробовать передать столь ценное имущество одному из

сыновей Сигурда. Дружба дружбой, как говорится, а табачок врозь.

— Я бы на тебе женился Ульрика, — за один только этот рассказ, но все-таки хотелось бы понять, при чем здесь наша свадьба?

— Ну-ну, — принцесса смотрела на него со скепсисом, который, однако, не отменял ее нешуточный интерес к визави. — Ты уверен, что родился на острове?

— Подозреваешь, что мне больше лет, чем задекларировано официально?

— Чем черт не шутит...

— Многие сомневаются, но, увы, — усмехнулся Бармин. — Придется тебе, принцесса, выйти замуж за ребенка.

— То есть, ты согласен?

— Буду, когда закончишь свой захватывающий воображение рассказ.

— Я носитель Дара, но мне нет хода к Источнику, а ты... Ты можешь?

— Мы говорим о тебе, — напомнил Бармин.

— Есть мнение, — начала Ульрика по новой, — что если сойдутся два носителя Дара...

— Мнение? — поинтересовался Ингвар.

— Утверждение, дошедшее в рукописи тринадцатого века. Есть и подтверждение. История случилась в XVI веке. Не у нас, во Франкии. Сейчас этой семьи нет, а их Источник исчез. Но тогда все сработало. В общем, с высокой долей вероятности наш с тобой общий ребенок получит доступ к Источнику в Роннебю. Но брак должен быть законным...

— Чтобы твой брат мог усыновить или удочерить носителя родовой магии, — закончил за нее Бармин.

— Да, — подтвердила принцесса.

— Я дал слово, значит, женюсь, — встал Бармин из кресла. — Можешь готовить брачный контракт. Увидимся на коронации.

— Просто уйдешь? — Ульрика тоже поднялась из кресла и встала напротив Ингвара.

— Что-то еще? — Честно сказать, мысли Бармина были уже заняты другим.

— Поцелуй... — подсказала принцесса. — Возможно, два... Если понравится. Надо же попробовать...

— А если войдем во вкус? — усмехнулся он в ответ.

— Сегодня обойдемся без секса, но на коронации в Гетеборге... все возможно.

— Ты права, — улыбнулся он шире. — Поцелуй. Один.

И с этими словами шагнул ближе и, взяв Ульрику за плечи, привлек к себе. Поцелуй получился достойный. Не больше, но и не меньше.

Двадцать пятое июня 1983 года

Домой в Усть-Углу Бармин вернулся не сразу. Сначала заглянул, — в четыре быстрых перехода, — в Надозерье, проверил, как продвигаются восстановительные работы, положил букет цветов на могилу бабушки и ушел в Новгород, — еще две телепортации, — где потратил почти полдня на решение нескольких юридических и финансовых проблем, требующих его личного присутствия. Заодно зашел по случаю в центральное отделение Новгородского Великокняжеского банка и забрал из своего сейфа некоторые драгоценности и два артефакта, в которых не смог разобраться в прошлый раз, но которые понадобились ему теперь в новых обстоятельствах. Переночевал на постоялом дворе в Старой Руссе, — еще один «клик» — прогулялся анонимно аля Гарун аль-Рашид по Череповцу, — три перехода с двумя короткими остановками, — и по Вологде, до которой добрался рейсовым вертолетом, и двадцать пятого в пятом часу дня — как раз к обеду, — вернулся в замок.

Встретили его радостно, причем все без исключения: и домочадцы, и прислуга. Устроили по такому случаю праздничный обед, — это, разумеется, Елена с Варварой расстарались, — и после десерта, Ингвар пригласил всех своих женщин на приватную беседу в маленькую, уютную гостиную, примыкающую к его личному кабинету. Слуги подали чай, кофе и напитки и удалились, плотно прикрыв за собой толстые двери из зачарованного дуба, через которые, — спасибо магии, — невозможно было подслушивать.

Тем для обсуждения было ровно две, хотя, если честно, обсуждать здесь было нечего. Такие вопросы, являясь де факто главой рода, Бармин решал единолично, но при этом считал необходимым поставить остальных членов своей на ходу формирующейся семьи в известность о принятых им решениях.

— Завтра в замок приедет полковник Ковров, — сообщил он, сделав аккуратный глоток виски и доставая сигареты. — Его посылает к нам твой отец, Маша, — бросил быстрый взгляд на княгиню Полоцкую, получил ответную улыбку и продолжил излагать суть дела. — Полковник будет обучать вас, дамы, приемам боевой магии и заодно займется вашей физической подготовкой. Времена настали непростые, кое-кто из вас уже повоевал, — кивок в сторону Елены и Варвары, — и остальные тоже не застрахованы. Надо быть готовыми ко всему. Вопросы, комментарии, возражения?

— Создается впечатление, — усмехнулась в ответ Ольга, — что отец организовал тебе на Груманте настоящий университет.

— Я просто много читаю и быстро учусь, — парировал Ингвар.

— Возможно, — не стала спорить женщина. — Я ведь не в укор, а наоборот. Быть женой умного образованного человека куда как лучше, чем состоять при муже дураке.

— Тебе виднее! — съехидничал Бармин, вспомнив о планах покойной княгини Кемской и не к ночи помянутого папаши княжны Кашиной. Никто, кажется, не ожидал от него, что он вырастет на ссыльном острове хотя бы вменяемым, не говоря уже о большем, и Ольга знала об этом лучше других, поскольку именно ее готовили в жены «блаженному» Ингвару-недоумку.

— Как бы то ни было, — сказал он, возвращаясь к главному, — но древние не зря говорили, «*Si vis pacem, para bellum*». *Хочешь мира готовься к войне*. Боюсь, нам всем еще

придется повоевать, и я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас пострадал. Поэтому прежде, чем перейти к вопросу подготовки, скажу еще кое-что. Пока не сыграли свадеб, вы все свободны в своих решениях, но чем дольше мы остаемся вместе, тем уже окно возможностей. Пока еще можно отойти в сторону. Никто даже не осудит, все всё понимают правильно. Но, если не дистанцироваться от меня сейчас, потом будет поздно. Поэтому каждой из вас надо еще раз обдумать вопрос: а оно вам надо?

— Я твоя сестра, — пожала плечами Варвара, впрочем, ее глаза сказали кое-что другое. И, хотя все знали их с Ингваром секрет, произнести это вслух она пока не могла, потому что политес должен быть соблюден *«при любой погоде»*.

— Я не уйду! — почти одновременно с Варварой заявила Ольга.

— Я уже все решила! — вторила ей Елена.

Получилось, словно они произнесли эти слова хором.

— Ты дал слово моему отцу! — А это уже была Мария.

«Завидное единство! Вот бы все так оставалось и дальше!»

— Без обид, дамы! — сказал он вслух. — Нет — так нет. Но предложить-то я должен был?

— Предложил, — кивнула Ольга. — Продолжай, пожалуйста.

— Если вы остаетесь со мной, — вернулся Бармин к теме разговора, — то нам всем следует готовиться к бою. Князь Северский заверил меня, что полковник Ковров — лучший из лучших во всем, что касается боевой подготовки магов. Я вашей магией, милые, не владею, помочь не смогу, но постараюсь все-таки хотя бы время от времени участвовать в тренировках. Буду так же особо заниматься с Варварой. Если кто еще не знает, у нее, вроде бы, проснулся наш фамильный Дар. Пока слабенький, но, кто знает, вдруг разовьется? Было бы хорошо, потому что стихийная магия очень сильное оружие, и наш козырь в рукаве. Вопросы? Возражения?

— Нет? — улыбнулся Бармин, чрезвычайно довольный исходом «голосования». — Молчание знак согласия, значит, с первым вопросом все. Переходим ко второму. Но это, собственно, не вопрос, а важная информация. Шведская корона сделала мне официальное предложение взять в жены кронпринцессу Ульрику Катарину герцогиню Сконе. Она сестра Карла Августа IX Ваза, коронация которого состоится двадцать девятого ноября в Гётеборге. Там вы все сможете с ней познакомиться. Ну, а я с ней встречался пару дней назад, и мы пришли к согласию по всем пунктам.

— Кто она такая, вообще? — нахмурилась Ольга.

— Тебе же сказали, шведская принцесса, — не без иронии в голосе ответила ей Елена.

— Хотя бы красивая, — заинтересованно подалась к Ингвару Варвара, — или селедка вяленая?

«Селедка? — удивился Бармин. — Почему не вобла или тарань, не лещ, в конце концов, а именно селедка? Вяленая... М-да...»

Смысл был понятен, но выбор лексем озадачивал.

— Сколько ей лет? — А это уже Мария Полоцкая, ее-то по возрасту пойдешь перещеголай! Ну, если только не тащить в постель несовершеннолетних школьниц.

— Про нас ты с ней говорил? — задала самый важный вопрос Елена.

— За себя не волнуйтесь, успокоил женщин Бармин. — Ульрика женщина непростая, но мы пришли к консенсусу. Хозяин в доме один, и это я. С вами дружить, может быть, и не будет, — во всяком случае, не сразу, — но и на конфликт не пойдет. Теперь по пунктам.

Красивая. Зеленоглазая блондинка под метр восемьдесят. Офицер-резервист ВМФ Швеции, пилот вертолета. В мирной жизни занимается дизайном модной одежды для женщин.

— О! А вот это может быть интересно! — прокомментировала Варвара. — Так что там с возрастом?

— Возраст... Здесь, если честно, есть проблемы, — признался Бармин, — но деваться некуда, я дал слово.

— Так сколько ей? — нахмурилась Варвара. — Неужели старше меня?

— На двенадцать лет, — усмехнулся Ингвар. — По возрасту мне и Маше в матери годится, но делать нечего. Стерпится — слюбится. Привыкнем.

— Тридцать шесть лет? — переспросила Ольга. — Вдова или разведенка?

«Разведенка? — удивился Ингвар. — Что за лексика?!»

— Замужем не была, — пояснил он вслух, — но имеет двенадцатилетнего бастарда. Дочь.

— Так у нас что, первый ребенок в семье объявился? — хмыкнула Збаражская.

— Что у нее с магией? — спросила тогда Варвара.

— У нее такой же Дар, как у меня. Ранг, понятное дело, неизвестен, но утверждают, что не ниже одиннадцатого.

— Так ее тебе из-за этого сосватали! — ухватила Варвара главное.

— Да, — подтвердил Бармин, не имевший права вдаваться в подробности. — Есть мнение, что так удастся увеличить шансы на закрепление Дара в потомстве.

— В логике не откажешь, — неожиданно поддержала идею Мария. — Так что, нас всех пригласили в Швецию или только некоторых?

— Всех пригласили, — успокоил девушку Ингвар и тут же разъяснил свою позицию, — но я предпочел бы ехать туда, заранее оформив наши отношения.

— Так, когда будем жениться? — сразу же оживилась Елена.

— В сентябре и октябре, можно даже в начале ноября, — предложил Ингвар. — Даты можем согласовать хоть сейчас.

— Ты обещал мне свадьбу в Покров день^[11], — напомнила Мария.

— Значит, четырнадцатого октября, — кивнул, соглашаясь, Бармин. — А с Дареной 22 сентября^[12], тогда же Варвара выходит за Петра.

— Тогда, я чур на Осенины^[13]! — влезла Ольга.

— Значит, через два дня после Дарены, — уточнил Ингвар. — Устроим пьянку на неделю.

— Ну, тогда и меня возьмите в компанию, — усмехнулась Елена. — Тоже двадцать четвертого, но по северному календарю.

— Что-то скандинавское? — попробовал вспомнить Бармин.

— Не ломай голову, милый, — успокоила его княжна Збаражская. — Двадцать четвертое — это День Зимы или Зимние ночи. Подходящий день, чтобы вступить в брак.

«Даже так? — восхитился Бармин. — По северному календарю? Ничего не скажешь красиво!»

В целом, ему было грех жаловаться. Большой любви между его будущими женами пока не случилось, и было неизвестно, срастётся ли в дальнейшем. Но уже хорошо, что они были готовы сотрудничать и не вели военных действий. Во всяком случае Бармин на это сильно надеялся. Умные, понимают, что, как ни крути, а придется уживаться.

— Где будем играть свадьбы? — вопрос не праздный. Хороший вопрос, и задала его

Варвара.

— Здесь, в замке. — Это Ингвар давно уже для себя решил. Замок большой. Храм — загляденье. Даже священная роща есть. Безопасность опять же. Но кроме того, жен следовало «показать» Источнику. Хо́да им к нему не будет, но это не значит, что они не должны приобщиться к древней магии Усть-Углы.

— А знаешь, — снова вступила в разговор Ольга, — если мы уже об этом говорим. В языческих семьях принято выделять в доме женскую половину.

— А мы что, так и будем все жить вместе? — поинтересовалась Мария.

— Когда захотим, — пожал плечами Ингвар. — У тебя Маша есть свой замок в Полоцке^[14], в Витебске Узгорский^[15] замок, в Лепеле и Браславе тоже есть старинные замки. У Елены — Гольшаны^[16], у Ольги — Надозерье, у Дарены будет резиденция в замке Кошта в Череповце, ну и Петр с Варварой поселятся недалеко — в замке Устье^[17] или в ее замке в Крево^[18]. А здесь, в Усть-угле можно действительно устроить Женский двор.

— Ты нас прогоняешь? — нахмурилась Мария.

— Нет, конечно! — успокоил ее Ингвар. — Вы можете жить там, где захочется. В своих вотчинах или здесь, я приму любое ваше решение. Учтите только, что принцесса Ульрика тоже будет жить в Усть-Угле.

— Разберемся! — отмахнулась Елена.

— Отдай им Старый дворец, — внесла свою лепту Варвара. — Если привести его в порядок и реконструировать, будет не хуже Нового паласа.

— Отличная идея! — поддержал сестру Бармин. — Подыскивайте, дамы, подходящего архитектора, подрядчиков и реставраторов, и вперед. В Старом дворце изумительные фрески, резное дерево тоже дорогого стоит. Мозаичные полы... Если все это привести в божеский вид... Будет красиво и стильно. К тому же Старый дворец вместе с примыкающим к нему флигелем даже больше Нового. Там действительно можно устроиться со вкусом и размахом. Вот и будет вам женская половина, но без евнухов, разумеется, чай не басурмане!

* * *

За делами Бармин совсем забыл выяснить, кто соизволит осчастливить его предстоящей ночью.

«Ладно! — махнул он мысленно рукой, добравшись наконец до своих апартаментов. — Кто бы ни пришел, будет праздник. А если никто не придет, то выплюсь наконец. Спать иногда тоже надо».

На этой оптимистической ноте его размышления были прерваны. В его покои заявила Варвара, и это было отличным известием, но, как тут же выяснилось, он рано радовался. Его ожидало нечто гораздо более заковыристое, чем секс с родной сестрой.

— В полночь придет Мария, — сообщила Варвара «страшным голосом».

— Бедная девочка!

Если честно, Бармин плохо представлял себе, что ему с ней делать. С одной стороны, княгиня Полоцкая жаждала, как можно скорее расстаться с невинностью и встать на путь половых излишеств. Однако, оказавшись в объятиях Ингвара, тут же впадала в беспричинную

панику, и Бармин уже жалел, что не трахнул ее в тот первый раз, когда она была полна энтузиазма. А теперь, видят боги, у нее ровным счетом ничего не получается. Даже расслабиться как следует не может, не то, что отдаться по-человечески. Поэтому в голове Бармина созрел уже план, сделать это вообще без ее участия. Тут были, правда, возможны варианты. Первый — напоить девушку до невменяемого состояния и затем *«надругаться над беззащитным телом»*. Это был безболезненный способ расстаться с девственной плевой, но он категорически не понравился самой Марии. Она хотела, видите ли, запомнить этот момент на всю жизнь, и поэтому требовала, чтобы Ингвар *«распечатал ее силой»*. Тут конечно тоже имелись свои тонкости, поскольку можно было все сделать не то, чтобы совсем безболезненно, — на то и смазка, чтобы «двери не скрипели», — но и без травматизма. Однако Бармин-психиатр находил этот метод неподходящим в случае Марии. Запомнить-то она запомнит, но как бы не свихнулась на этой почве окончательно.

— Да, не волнуйся ты так! — успокоила его Варвара. — Мы с девочками все продумали. Есть еще один вариант!

— Да, ну?! И какой же?

— Втроем.

— То есть, как? — опешил Бармин.

— А так, что мы с тобой начнем, она подключится, увлечется и забудет бояться, а там само пойдет.

— Но это же разврат! — возмутился Ингвар.

— Кто бы говорил! — отмахнулась Варвара. — Ты еще прочти мне лекцию о нравственности и девичьей чести!

— А кстати, почему ты, а не кто-нибудь другой?

— Машка сама выбрала, — объяснила Варвара. — Сказала, что со мной у нее точно получится.

— И почему это? — усмехнулся Бармин, решивший, что спорить не будет, ибо бесполезно, а со своим стыдом он как-нибудь справится, в смысле, договорится.

— Я самая привлекательная на ее взгляд, в половом смысле, — объяснила Варвара выбор Марии.

«Американцы сказали бы сексапильная... Впрочем, русские теперь тоже так говорят. Но не здесь...»

— Ну, ладно тогда, — согласился с ней Бармин, обнимая и привлекая к себе, — с этим не поспоришь. Что есть, то есть. Притягательная.

— Не начинай! — остановила его сестра. — Успеет еще, ночь длинная. У меня есть еще кое-какие новости.

— Ты беременна? — Это было первое, что пришло ему в голову.

— С ума сошел?

— Тогда, о чем мы говорим?

— Вчера я в первый раз «услышала» замок, — с неподдельной гордостью сообщила Варвара.

— Уверена? — сразу же заинтересовался Бармин.

— Я заблудилась на цокольном этаже, — рассказала Варвара, — там за кухней такой лабиринт, просто черт ногу сломит. А он, я имею в виду, замок, взял и вывел меня. Подсказал дорогу. Без слов, но понятно. Как-то так!

— Умница! — искренне обрадовался Ингвар. Ведь если Варвара разовьет свой талант, у

Бармина появится в Усть-Угле настоящий помощник, способный дать отпор врагу и координировать оборону замка. — Значит, не зря старались.

— Ну, я тоже так думаю, — улыбнулась женщина.

— Что ж, я надеялся! — улыбнулся Ингвар своим мыслям. — Забавно получилось, Аря. Я, видишь ли, принес сегодня в замок одну вещь, вернее, две вещи. Надеялся, что когда-нибудь они тебе могут пригодиться. Но не думал, что так скоро. Подожди-ка пару минут.

Он быстро прошел в свою спальню и достал из сейфа науз^[19], сплетенный из кожаных ремешков, с вплетенными в него крошечными фигурками животных, отлитых из золота или выточенных из благородного берилла и изумрудов, и золотое кольцо, украшенное крупными темно-синими сапфирами и голубыми бриллиантами. Увидев его впервые, Бармин решил, что это ожерелье удивительно напоминает Брисингамен^[20], как его описывают поэты, но правда оказалась куда причудливей. Науз являлся мощным щитом, работавшим, правда, только на руке мага, имеющего Дар не ниже седьмого ранга, а кольцо усиливало стихийную магию пропорционально силе самого колдуна. Бармин хотел было примерить «брисингамен» на себя, но, увы, это был женский усилитель и на мужчине работать просто отказывался.

Следующие полчаса они с Варварой упражнялись в прекрасном, быстро выяснив, что со своими новыми аксессуарами она становится по-настоящему сильным бойцом, но главное — начинает лучше «слышать» Источник. Радости ее не было предела. Впрочем, Бармин ликовал никак не меньше. А потом пришла Мария, и всем стало не до шуток. Однако их усилия не пропали даром, и этой ночью княгиня Полоцкая наконец рассталась со своим девством, превратившись из девушки в женщину. На радостях она напилась до безобразия, окончательно расслабилась и, в конце концов, отрубилась. Так что продолжение банкета прошло уже без ее участия. Зато Ингвар и Варвара получили море удовольствия...

Четвертое июля 1983 года

Забавная ситуация. На дворе четвертое июля — Independence Day. В штатах сегодня праздник, парады с оркестрами и тамбурмажорками, крутящими в ловких ручках длинные жезлы, красные, белые и голубые воздушные шары, барбекю на заднем дворе и прочее все, о чем Игорь Викентиевич совершенно не скучал. И все бы ничего, но так совпало, что четвертое июля — это не только день «рождения нации», но еще и день рождения самого Бармина, которому как раз сегодня исполнилось бы семьдесят лет.

«Старый хрыч!» — не без едкой иронии усмехнулся Ингвар, рассматривая в ростовом зеркале красивого себя, молодого, высокого, светловолосого и светлоглазого, напоминающего чертами лица и сложением то ли русского богатыря, какими их показывали российские постперестроечные фильмы, то ли брутального голливудского викинга. У таких мужчин, как говорили в дни его первой молодости, харизма не уступает размерами Эго, а избыток тестостерона только что из ушей не льется.

«Я стар, — вспомнился вдруг старый анекдот про давным-давно забытого генсека Брежнева, — я стар, я суперстар!»

И словно в подтверждение этих слов, в ванную комнату вошла длинноногая, дивно сложенная молодая женщина с ликом пророчицы Деборы^[21], пронзительным взглядом темно-синих глаз и длинными волосами цвета вороного крыла. По утренним обстоятельствам, являвшимся прямым продолжением ночных безумств, княжна Кашина одеждой в присутствии Ингвара не заморачивалась, переходя из постели в ванну, как есть — а-ля натюрель. И в этом смысле, ее можно было понять. Ольге было, что показать, и было кому это продемонстрировать. Официально она все еще числилась невестой Бармина, а неофициально являлась его любовницей, перемежая постельные сцены, происходящие наяву, любовными схватками в своих наведенных снах. К слову сказать, это был редкий Дар, пользоваться которым княжна училась, что называется, на ходу и без отрыва от производства. Так что сны с каждым разом становились все более реалистичными, подробности — обескураживающе откровенными и не без извращений, а царящая в этих грезах атмосфера — откровенно порнографической. При этом реальность отнюдь не была прямым отражением грез. Наяву и желания, и возможности Ольги Кашиной были куда скромнее, а ее половое поведение не лишено даже некоторой доли стыдливости и целомудрия. Но, разумеется, не до такой степени, чтобы в присутствии любовника стесняться своей наготы.

— Нравлюсь? — спросила, заглядывая в зеркало из-за его плеча.

— Как всегда, — улыбнулся ей Ингвар. — Хочешь принять ванну? Марфуша как раз приготовила.

Марфуша — Марфа Подосенкова — сорокалетняя крепкого сложения женщина происходила из семьи потомственных слуг рода Менгден. Не крепостные, а свободные поморы из Мезени, они пошли в наем к Менгденам еще в XVIII веке и с тех пор жили в Шексне, имея там обширное подворье, служа в замке и приторговывая в принадлежащей семье рыбной лавке. Марфуша, одинаково хорошо говорившая на северном диалекте великорусского наречия, на норне и на *поморьской гаворе*^[22], пришла в Усть-Углу в составе

целой делегации потомственных слуг семьи Менгден на третий день после вселения в замок Ингвара и Ко. И как-то так получилось, что именно Марфа Подосенкова взяла на себя деликатную роль комнатной служанки в апартаментах Его Сиятельства графа. Там одними мужчинами было не обойтись, вот она и обслуживала хозяйских женщин и при этом никак не выражала своего отношения к происходящему в господских покоях и, что не менее важно, умела держать рот на замке, а язык за зубами.

— У нас есть время принять ванну? — удивилась Ольга.

Происходя из Латгалии, где у князей Кашиных были обширные вотчины вокруг города Креславль^[23], она никак не могла приноровиться к северным широтам, где ее внутренние часы то и дело сбились, особенно по утрам и, тем более, после бурной ночи.

— До завтрака еще два часа, — подсказал Бармин.

— О! — удивилась женщина. — Так рано!

— Хм, — сказала, пересекая ванную комнату по диагонали. Огромная ванна располагалась у противоположной стены рядом с окном, смотревшим в замковый парк.

— Есть у нас время на еще одно безумство, как думаешь? — оглянулась через плечо, элегантно перенося безупречную ногу через край ванны, что при ее росте являлось детской забавой. Княжна Кашина была выше всех остальных женщин Бармина и, по-видимому, не уступала в росте, а может быть, и превосходила принцессу Ульрику Катарину. Ингвар Ольгу, просившую теперь называть ее на северный лад Хельгой, линейкой не измерял, но на глаз получалось даже больше, чем метр восемьдесят. Ему — при его-то метре девяносто с гаком, — это, разумеется, никак не мешало, но многих других мужчин явно смущало.

— Извини, но нет! — охладил ее пыл Бармин. — Я пойду побегая перед завтраком и, если успею, позанимаюсь хоть немного на тренажерах. Форму, сама понимаешь, надо держать.

— То есть, того, что мы творили ночью, тебе для поддержания формы не хватает? — лениво поинтересовалась женщина, погружаясь в парящую воду.

— Это разные группы мышц, — усмехнулся в ответ Ингвар. — И кстати, пока не забыл. Ты что решила по поводу Большого Летнего Бала?

— Да вот даже не знаю...

— Чего именно?

— Хочу ли я встречаться с *тятенькой*, *маменькой* и *дорогой сестричкой*.

— Дело хозяйское, — пожал своими богатырскими плечами Ингвар, — но на мой взгляд, стоило бы появиться и поблистать. Всем назло.

— Назло? — задумчиво протянула Ольга/Хельга. — Назло — это можно. И платье у меня подходящее есть. Недавно пошила. Цвет карамель. У тебя в сокровищнице найдется что-нибудь подходящее на выход?

— Подберем!

С неделю назад он открыл перед своими дамами сокровищницу семьи Менгден. Не всю, разумеется, а некоторую ее часть, объяснив, что они могут пользоваться хранящимися в ней драгоценностями, хотя ни одна безделушка из родовой сокровищницы никогда не будет принадлежать ни одной из них лично. Эти драгоценности — нечто вроде «сокровищ короны». Они не отчуждаемы, пока существует семья Менгден. Их нельзя продать или подарить, и в этом смысле их защищает закон, распространяющий свое действие на все без исключения аристократические фамилии. Впрочем, после казни Карла Менгдена и осуждения Сигурда, сокровищницу легко могли разграбить, если бы не одно «но». Готовясь

к трудным временам, дед Ингвара Карл припрятал сокровища в тоннеле под Медвежьей башней. Ходу туда никому, в чьих жилах не текла древняя кровь, не было, и драгоценности дождались возвращения в Усть-Углу истинного графа Менгдена. Ему замок сам показал, где скрыт тайник и как его открыть.

И вот теперь Бармин решил, что пришло время вернуть драгоценности к жизни. То есть, позволить своим красавицам их носить. Он, вообще, старался дать своим женщинам, — невестам, а затем и женам, — максимум того, что было в его силах, не считая любви и заботы. Деньги и платья, драгоценности, апартаменты и породистые лошади на выезд, автомобильные кортежи, собственные резиденции. В особенности, это касалось Ольги и Елены, семьи которых не спешили раскошелиться, когда речь шла о невестах Ингвара. Отобрать что-нибудь у него — это да. А дать — извините. Пусть скажет спасибо за то, что они не препятствуют его матримониальным планам, и обходится тем, что есть. Но тут их ожидал сюрприз самого скверного свойства. Во-первых, у него и своего хватало, а во-вторых, Ингвар полагал, что за все в этой жизни надо платить, за жадность и подлость — тем более. И в этом смысле, главные неприятности ожидали князя Кашина. Со Збаражских что возьмешь? Небогатый подъяремный род, вассальная Глинским семья. К тому же родитель у Ели оказался тот еще сквалыга. Его Бармин планировал всего лишь «опустить», обстоятельно унизив публично, потому что как, бы ни был беден род Збаражских, выделить старшей дочери пусть небольшое, но уважительное приданное, он мог. Мог, но поскаредничал.

Другое дело Кашин. Этот был не только жмот, но и подлец, задумавший сыграть свою родную дочь втемную, а когда не вышло, организовавший покушение на Ингвара и Варвару. И вот этого Бармин ему не простит. Ольге он об этом конечно не рассказывал, — какой-никакой, но отец, — однако задание майору Злобиной дал: копать так глубоко, как получится, искать все, что может пригодиться. И госпожу Иванову вежливо попросил: присмотритесь, дескать, господа, к вложениям князя Кашина и к его предприятиям, нет ли в них, случаем того, чем можно поживиться в ущерб хозяину? Не исключалось так же силовое решение вопроса. Но это, разумеется, не сейчас, когда все слишком очевидно. Для такого богоугодного дела можно и подождать. Тем более, что месть блюдо, которое надо подавать холодным.

* * *

Все утро Бармин занимался делами. Совершенно новый опыт, правду сказать. До сих пор самым большим хозяйством, которым ему пришлось рулить еще в той, прежней, жизни, была кафедра психиатрии в университете Питтсбурга. Он ею однажды заведовал целых три года подряд. Не хотел этого делать, отбояривался, как мог, но пришлось, поскольку выбрали. Демократия, одним словом, но мороки с ней было столько, — не с демократией, разумеется, хотя и с ней тоже, а с кафедрой, — что Игорь Викентиевич успел утомиться на всю оставшуюся жизнь. Бюджет, гранты, штатные единицы, да мало ли что еще! Однако новый статус заставлял его заниматься именно теми делами, которые он в прошлой жизни на дух не переносил. На него разом и, следует заметить, совершенно неожиданно свалилось огромное хозяйство, и, хотя у Бармина практически на всех ключевых постах сидели уже

правильные люди, оставить все на самотек, — запустил и забыл, — он так и не смог. Приходилось «*держат* руку на пульсе», — а это отчеты, доклады и сообщения с мест, — вникать в детали, изучать вопросы. И значит, Ингвар должен был проводить совещания и брифинги, встречаться с людьми, изучать документы и принимать решения. В общем, от завтрака до обеда, а это, почитай, нормальный рабочий день без перекуров и не покладая рук. Правда, часов в одиннадцать утра к нему в кабинет нежданно-негаданно просочилась Ольга, но, к счастью, не для того, чтобы мешать и приставать, а напротив, чтобы помочь.

Княжна Кашина на полном серьезе предложила ему свою помощь, и Бармин не стал крутить носом. Дают — бери! Выделил ей сектор работы, — промышленный кластер в Яковцево, — и рекомендовал обратиться к кастеляну замка, чтобы тот подобрал «*умничке Хельге*» подходящее помещение под рабочий кабинет и нашел толковую секретаршу, — чтобы не утонула в бумагах и незапланированных встречах, — после чего связал напрямую с госпожой Ивановой и «умыл руки». Справится — замечательно, не справится — не страшно. Но, если дело все-таки пойдет, то через какое-то время можно будет расширить круг ее обязанностей, и значит, у Ингвара появится настоящий помощник не только по названию, но и по сути. А заодно, Ольга могла стать хорошим примером и немаловажным стимулом для всех остальных членов его маленькой, на ходу формирующейся семьи. У Елены и Варвары — тоже ведь есть высшее образование, а у княгини Полоцкой за тонкими изящными плечами остался один из лучших киевских лицеев для одаренных детей, так что пусть впрягаются. Хозяйство большое, есть чем заняться любой из них и всем вместе, да и скучать тогда ни у кого времени не останется. А занятые люди, — и в особенности, женщины, — не склонны творить глупости. У них на это просто не остается времени.

Итак, Бармин трудился на благо семьи от завтрака и до обеда, который, слава богам, прошел в удивительно спокойной и доброжелательной обстановке. Судя по всему, *девочки Менгдена* постепенно притирались друг к другу, и получалось это у них гораздо лучше, чем можно было ожидать. Вернее, чем мог себе это представить Бармин, по объективным причинам абсолютно не знакомый с этой стороной имперской жизни. Но это он, его женщины — совсем другое дело. Сказывалось воспитание и влияние многовековой традиции. Моногамные отношения в среде аристократов являлись непозволительной роскошью, и все это хорошо понимали. Так что, отношения постепенно выстраивались, жизнь продолжалась, а у Ингвара на «после обеда» было назначено еще несколько в разной степени важных, срочных или вовсе неотложных дел.

Во-первых, урок с Варварой, который должен был стать для них обоих совершенно особым событием. Во-вторых, примерка новых костюмов. Приедут портные, привезут всякого разного, и это будет то еще испытание воли, но положение обязывает. Граф Менгден не может дважды появиться в Обществе в одном и том же костюме, а у Бармина по планам в июле-августе сплошные мероприятия, и это, не считая осени, когда ему предстоят аж четыре свадьбы подряд и коронация Карла Августа в Гетеборге, после которой уже не за горами зимние праздники. И значит, Ингвару нужен полноценный гардероб, как минимум, на два-три сезона, и ничего из необходимого для выхода в Свет в магазинах готового платья не купишь. Все нужно шить на заказ. Дамам — радость, а Бармину — расходы и раздражение от бездарно проведенного времени. Но, увы, от этого никак не отвертеться, потому что, если назвался груздем, изволь соответствовать.

Ну, и наконец, в-третьих. Строго конфиденциальная встреча с хазарским беком Завулоном алп-Тарханом из Семендера^[24], а это, скажем прямо, дело совсем непростое,

поскольку Бармину для подобного рода встреч тупо не хватало знаний и опыта. До сих пор переговоры с сильными мира сего и с ценными специалистами проходили, можно сказать, в тепличных условиях и, в основном, по их инициативе. Однако теперь все обстояло иначе. Он стал, наконец, самостоятельным игроком, — ну или был на пути к такому положению дел, — и никто больше не приходил к нему со щедрыми подарками, пора было искать свою выгоду самому. Искать, находить и преумножать.

* * *

— Смотри! — сказал Бармин, подведя Варвару к одной из стен ее апартаментов. — Здесь есть дверь.

— Должна быть или есть?

Стена была самая обыкновенная: аккуратная каменная кладка, обычно скрытая за настоящим Туринским мильфлёром^[25] XVI века «Сцены из жизни сеньоров». Сейчас, когда Ингвар отогнул край шпалеры, Варвара могла видеть только древнюю кладку и ничего более. Но вопрос она задала правильный, есть или должна быть?

— Есть, — подтвердил Бармин. — Но ты ее пока не видишь.

Он чуть напрягся, посылая импульс в механизм замка, и стена раскрыла свой давний секрет. Дверь, — узкий и довольно низкий кусок кладки, — отошла внутрь и сдвинулась влево, открывая проход во тьму.

— Идем! — Позвал Бармин, проходя внутрь стены. — Не бойся, Аря. Бука живет в другом месте!

— С тобой я ничего не боюсь.

— Тем более! — Ингвар зажег «светлячка», подвесив крошечный фэйербол перед собой, и пошел вперед, подгоняя плавающий в воздухе колдовской огонек, освещавший стены и пол узкого прохода.

Бесстрашная Варвара, как и следовало ожидать, шла за ним и не жаловалась. Даже вопросов не задавала, и поэтому Бармин обо всем рассказывал ей сам. К чему интриговать без нужды?

— Сейчас, — говорил он, углубляясь в трехмерный лабиринт узких коридоров и винтовых лестниц, — дверь за нами закрылась, и мы идем тайными ходами замка, и заметь, здесь ты ничего не «слышишь». Не получаешь от замка никаких подсказок. На первый взгляд бесполезное знание, если ты не можешь им воспользоваться сама. Но это не так. Мы идем туда, где ты получишь позволение входить в лабиринт самостоятельно. Во всяком случае, я на это очень надеюсь. Поэтому дорогу запоминать нет смысла. Получишь благословение, замок сам покажет, куда тебе идти. Ну, а если нет, учи — не учи, ничего не поможет. Чужие не властны над этими ходами. Лабиринт не пропустит чужую кровь.

Итак, он вел ее к Источнику. Вернее, хотел попробовать получить для нее «код доступа», если и не к самому источнику, то хотя бы к нижним подземным уровням, где, если что, можно спрятаться и переждать опасность. Было там, на минус пятом уровне, такое место, которое иначе, как бункером не назовешь. Несколько довольно больших помещений, отделенных от обводного коридора толстой дверью, сколоченной из лиственничных досок и закрывающейся изнутри на железные засовы. В комнатах, простая, но основательная мебель:

столы, стулья и табуреты, скамьи, кровати и шкафы, все из дуба, кедра и лиственницы. В дальней части схрона нечто вроде кухни и кладовки, вполне приличный туалет в стиле начала двадцатого века и еще две двери с тамбуром, за которыми находится естественная пещера с озерцом-бассейном, в который под давлением поступает откуда-то снизу, — скорее всего, из подземного ручья, протекающего рядом с Источником, — горячая, наполненная магией вода. Еще один, но уже холодный ручей протекает в противоположном конце пещеры. В общем, отличное место, чтобы переждать идущий на поверхности бой.

Бармин обнаружил это укрытие «по наводке» замка, а когда нашел, сразу же понял, что в том или ином виде этот бункер существовал здесь со времен строительства замка. Этот же, последний по времени вариант убежища был оборудован где-то лет шестьдесят-семьдесят назад, то ли дедом Ингвара Карлом, то ли прадедом-тезкой. Бармина озадачил лишь вопрос, как? Но чуть позже среди документов, хранящихся в одном из подземных тайников, он нашел не только описание убежища, но и ответы на все возможные вопросы и недоумения. Оказывается, он мог провести в лабиринт любое количество сторонних людей, но выйти они смогут только вместе с ним, и, если таково будет его желание, забудут и то, где были, и то, чем они там занимались. Так обеспечивался ремонт подземных ходов и лестниц, так же оборудовалось убежище. Таким же образом можно было принести сюда припасы, одеяла и все прочее, что необходимо, чтобы переждать «ненастье». Сюда, в случае по-настоящему серьезной опасности, Ингвар предполагал спрятать своих женщин, но выйти без его помощи они смогут только через один из подземных ходов, тот, что выводит в подвал ничем не примечательного дома в старой Шексне. Однако войти через него обратно в замковые подземелья попросту невозможно. Магия не допустит, потому что это выход, а не вход. Именно поэтому Бармин хотел попытать счастья с Варварой. Если у нее будет самостоятельный доступ в убежище, она сможет, — если вдруг вспыхнет бой, — увести под землю всех остальных женщин, а потом точно так же вывести их оттуда, и во время этой гипотетической заварухи ему не придется думать еще и об их безопасности.

— Как айсберг...

— Что, прости? — переспросил Ингвар, уловивший шепот Варвары буквально на границе слуха.

— Я говорю, похоже на айсберг, — повторила она свою мысль чуть громче. — Сверху один замок, снизу — другой.

— Да, — согласился Бармин, представив нарисованную Варварой картинку. — Есть в этом что-то.

— Нервничаешь? — спросил через мгновение, оглянувшись через плечо.

— Ты бы на моем месте не стал?

«Наверное, стал бы, будь я действительно на твоём месте», — мысленно признал Бармин, но он знал простую истину: никто никогда не бывает на чужом месте. Место всегда свое, нравится это тебе или нет. Этому научила его довольно-таки длинная жизнь. Семьдесят лет — не кот насрал!

— Я бы нервничал, — признал он вслух. — На своем месте. Точно так же, как ты нервничаешь на своем.

После этого короткого обмена репликами они молчали большую часть пути, но, когда миновали первые ворота, — тяжелую каменную плиту, запиравшую спуск по винтовой лестнице, — Варвара снова нарушила повисшую между ними тишину:

— Умом я понимаю, что ты младше меня на шесть лет, — сказала она, положив руку

ему на плечо. — Но чаще всего об этом забываю. Не помню, когда это случилось в первый раз, но с тех пор, по ощущениям, ты гораздо старше меня, опытнее, мудрее. В общем, я это к тому, что ты должен знать, любовь — это важно и очень дорого для меня, и все-таки важнее другое — ты глава моей семьи, моего рода и моего клана. Это не информация к размышлению, Инг. Это *ad notam*^[26]. Просто, чтобы ты знал.

Пока Варвара говорила, Бармин молча смотрел на нее поверх плеча. В свете колдовского огонька ее лицо казалось таинственным и прекрасным, как лик истинной валькирии. Во всяком случае, именно такой он вообразил бы какую-нибудь Гондукк или Регинлейв^[27], если бы захотел представить себе облик этих дев-воительниц.

— Спасибо! — сказал он, когда она замолчала. — Это очень много значит для меня, Аря. Ты моя семья, и я рад, что мы вместе. Пойдем!

Следующим через какое-то время нарушил молчание Бармин.

— Сейчас мы уже глубоко под руслом реки, — объяснил он Варваре, показав на изменившийся характер кладки стен. — Эта часть лабиринта очень древняя. Возможно, она существует со времен Бера Менгдена и его сына Ретвина Копье Богини. А это, ни много ни мало, XIII век.

Варвара на его слова лишь тяжело вздохнула, но комментировать не стала, и они пошли дальше, пока не спустились на дно «горячего» колодца со стенами, от которых веяло замогильным холодом и древним ужасом. Здесь Источник остановил их, просто закрыв намертво проход в кольцевой коридор.

«Ей нельзя» — возникла в голове чужая „мысль“, похожая своей „нечленораздельностью“ на ощущение или что-то вроде того. — *Один. Один. Один»*.

Сначала Бармин начал было спорить, приводя доводы в пользу того, чтобы их с Варварой пустили вместе, но Источник был непреклонен, и, более того, нарушив молчание, он впервые за все время, что они провели в лабиринте, обратился напрямую к женщине.

— Он говорит, мне нельзя, — неожиданно сказала Варвара. — Сказал, чтобы не боялась и ждала тебя здесь. Я остаюсь, и дальше ты идешь один.

— Вот так прямо и сказал?

— Ну, не этими словами, — пояснила Варвара. — Но идея была примерно такой. Остаться и ждать. Обещает, что все будет хорошо.

— Разговорился, — не без скепсиса прокомментировал Бармин.

— Вроде того.

— Будешь ждать?

— А есть выбор? — пожала она плечами.

— Я имел в виду, сможешь побыть здесь одна? — пояснил Ингвар.

И в самом деле, место было «стремное», лучше и не скажешь. Дно глубокого колодца, спускаться в который пришлось по коротким каменным ступенькам, торчащим прямо из стены, каждая сантиметров на 25–30 ниже предыдущей. Идти, что вниз, что вверх, приходилось держась за стену, иначе никак. А стена, сложенная из гладко отесанных, покрытых колдовскими символами и рунами каменных блоков, излучала такую стужу и такой inferнальный ужас, словно за ней находилось само царство мертвых. Но при этом воздух в колодце был не стылый, как можно было бы ожидать, а сухой и жаркий, как если бы они находились где-нибудь в пустыне, летом и под полуденным солнцем. Бармин был как-то на экскурсии в пустыне Мохаве, где температура воздуха поднимается до плюс пятидесяти. Так вот на дне колодца было, пожалуй, жарче.

— Иди! — повторила Варвара. — Не страшно. Я подожду.

— Держись! — улыбнулся Бармин и, обняв женщину, коротко поцеловал ее за ухом. — Молодчина!

Его одного Источник пропустил, и вскоре Бармин уже шел по спиралевидному коридору меж двух рядов мумифицированных мертвецов, когда-то давным-давно принесенных здесь в жертву, чтобы то ли защитить Источник, то ли чтобы защититься от него. Кто принес эту жертву и когда, Ингвар не знал, но судя по оружию и домашней утвари, сложенным под ногами закованных в цепи жертв древнего ритуала, дело происходило задолго до того, как в эти края пришел со своей дружиной конунг Бер Менгден по прозвищу Тяжелая рука.

— Хорошая девочка! — Голос раздался прямо за спиной, так что Бармину пришлось остановиться и повернуться к богине лицом.

Марена^[28] стояла в нескольких шагах от него, но в отличие от прошлого раза, собранные в толстую косу светло-русые волосы были уложены на голове в форме короны, и вместо снежно-белого богиня была одета сейчас в лазоревое платье. Тоже красиво, но совсем по-другому.

— Мне понравилась твоя сестра, — сказала, продолжая тему. — Молодец, что привел, но ходу ей сюда нет. Однако подземелья, так и быть, я ей открою. Подземелья, не тайники. Доступ к тайникам имеет только глава рода. Так было, так будет.

— Спасибо, Великая! — поклонился Ингвар.

— Даю благословение на все твои свадьбы, но знай, истинного наследника родит тебе только Варвара.

«Будут проблемы, — понял Бармин. — Придется усыновлять и договариваться с женами... Морока, конечно, немалая, но Благословение богини и доступ к родовому Источнику важнее!»

— Благодарю, госпожа моя Марена!

— На шведке женись, — продолжила между тем наставлять Бармина богиня, — но сюда ее не приводи. Ей ворожит другая Сила. Наследника шведскому королю родите. Их Источник оживет.

— Дары твои бесценны! — снова склонился в поклоне Бармин.

— После каждой свадьбы приводи молодую жену к колодцу, благословлю. Вниз не спускайтесь, им нельзя. Это только твоя сестра способна выдержать. Стойте там, наверху над колодцем.

— Спасибо, Великая. Можно спросить?

— Спрашивай.

— Где твой алтарь? Я бы хотел...

— Молодец, — впервые улыбнулась красавица. — Пойдем!

В прошлый раз Бармин прошел по коридору до самого конца, туда, где дорога неожиданно выводила наподобие невозможных фигур^[29] Эшера^[30] снизу вверх к самому началу пути. Это было странно, ведь проходя по коридору, Ингвар нигде не видел боковых ответвлений. Однако колдовство потому и называют колдовством, что невозможное становится возможным. Идешь вниз, а приходишь наверх. Оглядываешься, но хода, через который ты только что пришел, нет, как не было. Так вот все было здесь устроено. Но сегодня все случилось по-другому, и коридор вывел Бармина и богиню в просторный круглый зал сферическим потолком. Посередине зала находился алтарный камень, а по

периметру были расставлены бронзовые торшеры, в которых горел живой огонь.

— Жертвоприношения будешь совершать здесь, — показав на алтарь, объяснила Мара. — Подарки будешь оставлять перед камнем. Обращаться ко мне станешь, стоя на коленях. В библиотеке есть старая книга. Называется «Сказки прежних времен». В сказке с «Трех богинях» описаны подлинные ритуалы, но, если что, Источник подскажет. Иди! Сестра тебя уже заждалась.

«Она просто неподражаема! — оценил богиню Бармин. — Все четко и только по делу: круглое катать, квадратное — носить. Еще вопросы есть? Нет? Свободны!»

— Благодарю за встречу, Великая!

— Заходи еще! — улыбнулась в ответ Марена. — Но я к тебе смогу выйти не чаще одного раза в триместр.

Разговор с богиней оставил у Бармина странное ощущение, но по-другому, наверное, и не могло быть. Богиня? Серьезно?! Но, похоже, что, чем бы она ни являлась, на самом деле, — богиней, сверхчеловеком или Высшей сущностью, — она действительно существовала в этом мире. Впрочем, к этому Ингвар, худо-бедно, уже привык. Принял, как данность, притерпелся. Гораздо больше интересовал его сейчас совсем другой вопрос. Знает ли Марена, что, на самом деле, он не Менгден? Смутные воспоминания об их предыдущей встрече, — когда она лечила его от смерти, — как будто, указывали на то, что знает. Но, если так, то получается, ей все равно, кто живет в теле Ингвара Менгдена? Судя по всему, ей важна только «биология» — кровь Менгденов, выживание рода. И тогда возникает еще одно предположение, вполне логично вытекающее из сделанных им ранее допущений. А что если это именно Марена перенесла его сознание из одного мира в другой? Возможен ли, вообще, такой переход, это совсем другой вопрос. Однако допустим, что возможен, поскольку, по факту, жил Бармин там, а теперь живет здесь, заменив в этом красивом и сильном теле слабую и ущербную душу подлинного Ингвара Менгдена. Предположим, перенос возможен, вопрос — зачем? Ответ, вроде бы, лежит на поверхности: для сохранения рода Менгденов. Но кому конкретно нужен был дееспособный наследник Менгденов? Самому роду, заботу о котором богиня считает своей обязанностью, или лично ей? И вот тут были возможны варианты. Марена могла опекать Менгденов, поскольку дала слово их патриарху, или потому что речь идет о ее собственных потомках, но возможен был и другой вариант. Что если языческие боги теряют свою силу, и для того, чтобы выжить в конкурентной борьбе с другими религиями, им нужны последователи, то есть, те, кто безоговорочно в них верит, встречается с ними, приносит жертвы на алтарь своего божества? Возможно, Ингвар Менгден и его семья нужны ей для того, чтобы не исчезнуть самой?

Честно сказать, с тех пор, как Бармин оказался в этом странном «параллельно-перпендикулярном» мире, он успел получить уже массу новых, ни с чем ни сравнимых впечатлений. Магия — это раз. Великорусская империя — это два. И далее по списку: богиня Марена и колдовство, аристократия и замки, язычество и гаремы, всамделишные сибирские эльфы и оборотни с Большого Хингана. В общем, много такого, о чем он в своем прежнем мире никогда не думал иначе, как о фантазии, сказке или эпизоде давней истории. К этой же категории явлений относились и хазары. Бармин о них когда-то что-то такое слышал или даже читал, — у Пушкина, кажется, — но помнил только, что это был тюркский народ, принявший более тысячи лет назад иудаизм и этим сильно отличавшийся от всех прочих народов, проживавших в ту пору в европейской части СССР. Остальные перешли из язычества в христианство или ислам, и только хазары умудрились «перекреститься» в евреи. Вот, собственно, и все, что он о них помнил. Однако за те дни, что он прожил в замке Балта^[31] в Самкерце^[32] у сына князя Северского Федора, Ингвар познакомился с довольно большим количеством хазар, в основном, выходцев из каганата, в котором правил сейчас каган Вениамин VII. Каганат же, занимавший обширную территорию в междуречье Волги и Дона^[33], входил на правах вассального княжества в Великорусскую империю.

Хазары, с которыми столкнулся тогда Бармин, ничем существенно не отличались от татар, которых он неплохо знал по своей прежней жизни в Питере и поездкам в Казань. Среди них встречались как темноволосые, так и светловолосые, с восточным разрезом глаз и без, скуластые и нет. Среди его сокурсников был, например, один парень, — его звали Марат Хайруллин, — так у него, вообще, волосы были светло-русые, а глаза — голубые. С хазарами, как виделось Ингвару, происходило в этом мире тоже самое. То ли тюрки были такими изначально, то ли обрусели за тысячу с гаком лет совместного проживания, но по факту, иной раз от русских не отличишь. А вот бек алп-Тархан, происходивший из княжества Хамзин^[34], был совсем другим. Узкое смуглое лицо, орлиный нос, черные волосы и темные внимательные глаза, одним словом — кавказец. Высокий, худощавый мужчина средних лет, тщательно выбрит, хорошо одет. Ингвар сам пригласил его на личную встречу, а дело было так.

Когда Бармин вселился в замок Усть-Угла, то обнаружил в своих апартаментах два сейфа: один в спальне, другой в кабинете. Оба, разумеется, были пусты, а ключи от них лежали в левом ящике письменного стола. Ингвар, которому было теперь, что хранить в несгораемом шкафу, сразу же начал пользоваться обоими. В спальне он прятал драгоценности и артефакты, в кабинете — рабочие документы. Так продолжалось довольно долго после переезда в замок, пока Источник не показал ему, в чем заключается секрет большого сейфа, вмурованного в глубокую стенную нишу в кабинете. Оказывается, у этого сейфа имелся «брат-близнец», скрытый в тайнике на минус пятом уровне подземного лабиринта. Но фокус заключался в том, что, применив особый колдовской приказ, который мог отдать только глава рода, их можно было менять местами. И, когда Бармин вернул в кабинет тот сейф, что все эти годы находился в подземельях, оказалось, что он отнюдь не пуст. В нем не было драгоценностей или артефактов, кроме одного — управляющего

перстня главы рода Менгденов. Этот перстень, хорошо известный в истории уже на протяжении почти семисот лет, был сделан из зачарованного древнего золота из Земли Скрелингов^[35] и крупного черного сапфира с вырезанным на нем гербом Менгденов. Перстень считался пропавшим, но, как оказалось, был всего лишь хорошо спрятан. А вот про все остальное, что хранилось в сейфе, никто ничего не знал. Во всяком случае, Бармин об этом пока ни от кого не слышал.

В сейфе хранились документы: рабочая тетрадь Карла Менгдена, дневники Рода, куда каждый глава семьи записывал все самое важное, что приключилось за годы его правления, и кожаные папки с досье на все тридцать семь основных семей империи. За неимением времени, руки у Бармина пока не дошли до большинства документов, собранных в этом сейфе. Но вот рабочую тетрадь деда и прилагавшийся к ней гроссбух с подробностями, относящимися к коротким записям, сделанным в тетради не только Карлом Менгденом, но и его сыном Сигурдом, внимательно просмотрел. Ну, что сказать! Несмотря на то, что со смерти деда прошло уже двадцать четыре года, многие записи оставались актуальными. Тайные договоренности с другими родами, суммы денег, негласно предоставленные займы тем или иным лицам, подставные компании, занимавшиеся полуправильным бизнесом едва ли не на всех материках, кроме Антарктиды, и многое другое, что со временем могло дать Бармину еще больше денег и власти, если воспользоваться всем этим с умом. И вот среди прочего, Ингвар нашел в документах деда информацию о тайной договоренности между родом Менгденов и родом алп-Тарханов из Семендера. Дед оказал бекам серьезную помощь деньгами и влиянием, когда они вошли в конфликт с собственным князем. То есть, алп-Тарханы являлись должниками Менгденов, причем честь в этом случае, как отмечал дед, была даже важнее, чем денежный долг. Поэтому, собственно, Ингвар и обратился к беку, — его титул был приравнен в империи к баронскому, — с предложением встретиться и возобновить дружбу между семьями.

— Рад приветствовать вас у себя в замке, Завулон-эфенди^[36]! — вежливо поздоровался Ингвар.

Вообще-то, Бармин так и не выяснил, как правильно обращаться к гостю, адон^[37] или эфенди. Но «эфенди» показалось ему более знакомым.

— Здравствуйте, граф! — чуть улыбнулся в ответ бек. — Зиновий Яковлевич, если не возражаете. Барон, тоже можно. Или майор. Мы давно живем в империи, и я прекрасно понимаю, что здесь не княжество и даже не каганат.

По-русски алп-Тархан говорил практически без акцента.

— Тогда, пожалуй, Зиновий Яковлевич, — согласился Бармин. — А я, соответственно, Ингвар Сигурдович. Чай, кофе? Что-нибудь покрепче?

— Возможно, позже. Время уже позднее, а меня в Вологде ждут жена и дочь. Взял их с собой, знаете ли, посмотреть на северные земли.

— Вы оставили их на постоялом дворе?

— Да, — подтвердил бек. — Итак?

— Извините, что задерживаю, — Бармин уловил тонкость момента и решил поверить своей интуиции, — но, может быть, вы примете мое приглашение погостить в моем замке? Отсюда легко добраться до Ниена, Москвы и Новгорода.

— Вы очень любезны, — чуть улыбнулся собеседник. — Но мы практически не знакомы. Не знаю, уместно ли в таком случае воспользоваться вашим гостеприимством.

— Мой дед дружил с вашим отцом, Зиновий Яковлевич.

— Это так, — кивнул бек, — но это была их дружба.

— Возможно, — предположил Бармин, — наша начнется с этой встречи? В замке собралась сейчас хорошая компания: моя сестра и три мои невесты. На днях обещали приехать из Самкерца князь Федор Северский-Бабичев с супругой и, возможно, нас навестит певица Натали.

— Натали? — удивился бек. — Та самая? Мои женщины буквально сходят по ней с ума!

— Тем более, приезжайте! — улыбнулся Бармин. — Натали моя двоюродная сестра.

— Что ж, это меняет все, — кивнул мужчина. — И все-таки прежде я хотел бы завершить деловую часть нашей встречи.

— Что ж, — усмехнулся Бармин, повторив слова хазарина, — предлагаете обойтись без восточных эквивоков?

— Я полжизни провел на Западе, — объяснил тогда бек. — Звание майора я получил в готском иностранном легионе. Привык, знаете ли, к западному подходу в ведении дел.

— Тогда к делу, — кивнул, соглашаясь, Бармин. — Мне нужна военная сила. Времена выдались непростые, и я пытаюсь усилить свои позиции в империи и в регионе. Знаю, что дед, в свое время, оказал вашему роду серьезную помощь, но я говорю сейчас не об ответной любезности. Я хочу предложить взаимовыгодную сделку. У вас в Хамзине, как я знаю, имеет место перенаселение.

— Семья большая, — признал бек, с интересом рассматривая Ингвара, — земли мало. Кавказ.

— Здесь, конечно, не юг, — продолжил Бармин. — Земли похуже, климат тяжелый, но я могу выделить под заселение довольно большой кусок земли по южному и восточному берегу Белого озера. Вот посмотрите, — развернул он на столе карту графства. — В Нижней Мондومه^[38] живет сейчас меньше тысячи человек, в Белоозеро^[39] — около восьми тысяч, в Ухтоме^[40] и ста человек не набирается. Есть еще несколько совсем крохотных деревенок, а вокруг одни леса. Пахотные земли относятся к почвам с низким естественным плодородием, но при должной культивации приносят неплохие урожаи. Места много, территория, по большей части, принадлежит мне. Древесины и камня под строительство сколько хотите. В озере и в реке Шексна полно рыбы. Электричество в достатке: на Шекснинском водохранилище стоит гидроэлектростанция, а значит, можно развивать промышленность. Вот, собственно, и все.

Была, правда, еще одна деталь, о которой он не сказал вслух, — «охотничьи угодья», — но бек показался ему умным человеком, должен был догадаться сам: к северу от Белого озера и до самого Белого моря лежит дикий край, практически не тронутые людьми тайга и скалы. И, если у хазар есть хотя бы пара оборотней, — а это всегда только волки или медведи, — то им будет, где охотиться, не пугая при этом местных жителей.

— Большая территория, — оценил бек, исследовав карту. — Какой статус предлагаете?

— Имею право основать новое баронство, но, разумеется, с полным вассалитетом.

— Вассалитет — это понятно. Гербовая палата подтвердит титул?

— Это исконное право моей семьи. Тем более, что за последние двести лет здесь пресеклось полтора десятка дворовых^[41] и рыцарских родов и три баронских ветви. Свежая кровь графству не помешает.

— Как местное население примет иноверцев?

— Важный вопрос, но не для этой местности, — объяснил Бармин. — Чудь — язычники, из русских — язычников больше половины, северяне — это потомки тех, кто

пришел сюда вместе с моим пращуром из Скандинавии, — тоже язычники. А у язычников, насколько я понимаю, с *вашими* проблем нет. Впрочем, у православных теперь, вроде бы, тоже. Так что не вижу причины для беспокойства.

— Что ж, тогда, пожалуй, я могу рекомендовать так же своего младшего брата и племянников. Это вместе с их кланниками и кровниками еще порядка ста семей. Около тысячи человек, из которых около полутора сотен — активные бойцы. Процент магов в наших семьях колеблется от пятнадцати до двадцати. И еще я бы просил принять, но отдельно от баронства, семью Тухчар. Их всего полтора ста душ. Крепкий род, но у них наследование идет по женской линии... Надеюсь, вы понимаете.

Бармин понимал, поскольку читал в записках деда. Женская линия означала, что оборотнями в семье рождаются только девочки. Мальчики — пассивные носители гена оборотничества.

— Много их? — спросил он.

— Сейчас семеро молодых, — ответил бек, — и две старухи. Во главе семьи стоит Субат-ханум дочь Парсбит.

— Я не против, но вы же понимаете, Зиновий Яковлевич, сначала я должен с ней увидеться. Все-таки они отдельная семья, и вы не можете принять вассалитет вместо нее.

— Она сейчас в Вологде. На постоялом дворе вместе с моей женой и дочерью.

«Предусмотрительно!» — усмехнулся про себя Бармин, но он действительно был отнюдь не прочь заполучить в свою команду семь самок кавказского барса ^[42]. Обратни, разумеется, крупнее обычных леопардов. Дед писал, что их самки в среднем имеют вес от шестидесяти пяти до девяноста килограммов и длину больше двух метров, не считая, разумеется, хвоста. Сильный и опасный зверь, способный жить в холодном климате. К тому же при обороте теряет лишь часть человеческой разумности, оставаясь, скажем так, хищным человеческим ребенком в возрасте семи-девяти лет. Опасней врага в горах или тайге представить себе трудно, но можно. Если верить энциклопедии, пещерные львы с Большого Хингана крупнее и сильнее.

— Тогда, передайте, пожалуйста, Субат-ханум мое приглашение разделить с моей семьей кров и стол, — сказал он вслух, и они с беком перешли к обсуждению конкретных деталей переселения и взаимных обязательств.

* * *

Ну что ж, одно дело читать о чем-нибудь в книге, и совсем другое — увидеть своими глазами. В прошлой своей жизни Бармин не раз и не два убеждался в справедливости этого мнения. Практически каждый большой город в Европе и США, шла ли речь об Амстердаме Лондоне и Флоренции, или Нью-Йорке, Чикаго и Сан Франциско, были ему заранее знакомы, благодаря книгам и фильмам. И все-таки каждый раз, когда он впервые приезжал в такое, вроде бы, хорошо известное ему место, становился для Бармина днем великих географических открытий. Древние были правы, когда говорили, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сущая правда, и теперь в этом новом чудном мире, Ингвар убеждался в этом снова и снова. Альва Екатерина Северская Бабичева уже рассказывала ему об оборотнях, и, кажется он был готов к встрече, тем более, что читал записки своего деда и

кое-какую доступную литературу вопроса. Однако действительность превзошла все его ожидания. Субат-ханум дочь Парсбит Тухчар оказалась высокой, крепкого сложения дебелой блондинкой где-то под тридцать, и значит, явно была старше заявленного возраста. Сильная, умная и опасная, какой и надлежит быть большой кошке. И еще одно замечание. Судя по цвету кожи, а она была у женщины снежно белой, платиновым волосам и янтарным глазам, Субат-ханум принадлежала к совсем другому этническому типу, чем тюрки или кавказцы. Было совершенно очевидно, что, когда бы это ни случилось, — тысячу или три тысячи лет назад, — ее племя откочевало на Кавказ откуда-то из Центральной, а возможно, даже из Северной Европы.

— Субат-ханум, — вежливо поклонился ей Бармин и вопросительно взглянул на руку женщины.

— Я не горская гаремная дура, — усмехнулась в ответ Субат-ханум и протянула Бармину руку, чуть шевельнув при этом пальцами. А говорила она, к слову, на безупречном норне.

— Рад вас приветствовать в своем доме! — ответил Ингвар, оторвавшись от ее руки. — Разрешите представить вам мою старшую сестру. Графиня Варвара Менгден, — чуть поклонился он сестре. — Мои невесты, — сделал он охватывающий жест. — Мария княгиня Полоцкая...

Так начался ритуал знакомства, завершившийся только тогда, когда все были представлены всем и чинно расселись за обеденным столом. Следует отметить, что жена и дочь бека алп-Тархана оказались красивыми восточными женщинами. Черные волосы, темные глаза, пухлые губы и аппетитные выпуклости во всех положенных местах. Не полные или, не дай бог, толстые, и не дебелие, крепко сбитые, как Субат-ханум, но обе обладали пышными формами, и при взгляде на них в голову приходил не совсем галантный эпитет — «сдобные».

«Ну, что ж, — пожал Бармин мысленно плечами, — с кем поведешься, от того и наберешься».

Волжские хазары были больше похожи на русских и татар, а прикаспийские, выходит, были типичными кавказцами. Но Ингвару это было неважно, он их звал к себе в графство не из-за внешнего вида, а из-за их способностей. Хазары отличные бойцы и к тому же не ленивы. Пшеницу сеять, допустим, не будут, да она на этих землях толком и не родится. Однако, если верить запискам деда, они мастера разводить овец и крупный рогатый скот. Оно конечно, местные условия сильно отличаются от предгорий Кавказа, но дед был уверен, что справятся. И скот разведут, и молочные фермы поставят, и сыры начнут производить, а если к тому же переведут сюда одно или два из принадлежащих им инструментальных производств, совсем хорошо! Доходы возрастут, население увеличится, да и об обороне не грех вспомнить. Этот последний пункт, намеченный в дневниковых записях Карла Менгдена буквально одной строкой, особо заинтересовал Бармина. Ему-то как раз, — в его особых обстоятельствах, — об укреплении боевого потенциала нужно было думать в первую очередь, а тут, спасибо деду, речь сразу о большой группе воев, имеющей в своем составе магов, оборотней и ветеранов джунгарских и кавказских^[43] войн.

Вообще, дед оказался потрясающим мужиком. Возможно, он просрал свою жизнь и погубил обоих своих сыновей и мать Ингвара, — хотя кто знает, каковы были причины его действий, на самом деле, — но, как теперь выяснялось, Карл Менгден играл в долгую. Он смотрел в будущее и умел думать на перспективу. Понимал, что, если проиграет, полетят

головы, и его собственная в первую очередь, но и отступить, по-видимому, не мог или не хотел. Знал, наверное, какую мразь собираются посадить на трон восточные княжества. В этом смысле, Бармин мог свидетельствовать перед богами, покойный император Константин не заслуживает даже нормального посмертия. Ни дна, ни крышке, сукиному сыну. Однако думать сейчас об этом мелком человечике, Ингвару не хотелось. Сдох, туда ему и дорога. А вот о деде, а Бармин чем дальше, тем больше воспринимал его именно, как своего родного деда, думал часто и с восхищением.

Карл Менгден учел все, и то, что земля, окружающая Усть-Углу, знает, кто ей хозяин, и то, что замок чужому не подчинится. Но вот деньги, документы и сокровищница могут легко стать объектом разграбления. Оттого и спрятал, да так, что найти их мог только истинный Менгден. В тайниках и в схронах под замком чего только не было. Даже долговые расписки многих и многих сильных мира сего, и компромат на них же. Деньги, к слову, там тоже нашлись, но это был не клад деда, а «заначка», сделанная на черный день пра-прадедом Ингвара. Граф Магнус Менгден считался сумасшедшим, что, возможно, соответствовало действительности. Однако, как бы то ни было, страх перед будущим заставил его сделать кое-что такое, что теперь могло пригодиться Бармину. Магнус наполнил два бочонка из-под вина золотыми монетами, а затем один из них спрятал под замком, а другой — отдал в рост банку Медичи^[44]. Первый так и стоял в глубокой нише на минус четвертом уровне, скрытый от посторонних глаз дверью, замаскированной под участок кирпичной стены. Ингвар в него заглядывал. Впечатляющее зрелище, если честно, но дела Бармина шли хорошо даже без этого золота, так что пусть стоит и дальше. А вот деньги, вложенные в банк Медичи приносили доход, которым пользовались и прадед Ингвар, и дед Карл. Бармин тоже мог теперь воспользоваться процентом с капитала, а накопало там, видят боги, немало. Но это было дело не сегодняшнего дня. Денег ему пока хватало, а в перспективе должны были появиться доходы с графства, которые раньше уходили князю Северскому: рента с капитала, недвижимости и земли, арендные выплаты, доходы промышленных и сельскохозяйственных предприятий и вассальная десятина. Так что вполне должно хватить на все его начинания.

Бармин кивнул мысленно, бросил короткий взгляд, охвативший их застолье целиком, и должен был признать, что увиденное нравится ему и в общем, и в частности.

Двадцатое июля 1983 года

Большой Летний бал по традиции устраивался двадцать четвертого июля в день Святой княгини Ольги, который, в свою очередь, являлся компромиссом между язычниками, полагавшими Ольгу великой языческой правительницей древней Руси, — особенно ее почитали северяне и западники, для которых Хельга «своя в доску», — и православными, упиравшими на то, что Ольга стала первой православной правительницей древнерусского государства. Эдакий день примирения под властной рукой великорусского басилевса. Бармин, было дело, предполагал эту великосветскую тусовку пропустить, — типа, не до танцев, — но не тут-то было. В Усть-Углу пришли официальные именные приглашения: Ингвару и всем без исключения его женщинам. Не как семье, поскольку семьей на данный момент являлись только они с Варварой, а индивидуальные, и тут уже, хрен, отвертись от монаршей милости. Так что пришлось ехать, тем более, что князь Северский лично гарантировал безопасность, как при перелете, так и в самом Новгороде. И это, как понял Бармин, не было каким-то исключением из правил, сделанным исключительно для него, любимого.

Императорские приемы, — большие и малые, официальные и частные, если такое вообще возможно в случае венценосца, — исторически являлись, чем-то вроде «водного перемирия»: воевать можно до или после бала, но не во время. Тоже касалось и покушений. Во всяком случае, последняя попытка свести счеты во время императорского приема произошла более ста лет назад, и ничем хорошим для инициатора конфликта не кончилась. Впрочем, как и для того, на кого покушались. Нападавшего, разумеется, судили и казнили, но жертву покушения к тому времени уже успели похоронить. Поэтому, исходя из принципа «доверяй, но проверяй», Ингвар, во-первых, вооружил всех своих красавиц защитными артефактами, — боевые в императорском дворце были строго запрещены, — во-вторых, заранее выслал в Ковенское палаццо, являвшееся резиденцией Менгденов в Новгороде, не только штат слуг, но и взвод охраны с тяжелым оружием, усиленный к тому же полудюжиной телохранителей и несколькими специалистами из службы безопасности, вместе с которыми в столицу прибыли так же майор Злобина и полковник Кальф-Калифа, и, в-третьих всех членов недосемьи Менгденов сопровождали личные телохранители, по двое на каждого. Исходя из принципа, что лучше перебдеть, чем недобдеть^[45] и кашу маслом не испортишь, чтобы не пришлось потом кусать локти.

Итак, они прилетели утром, — точнее, в 10:12 по Пулковскому меридиональному времени, — на своем собственном, украшенном гербом Менгденов^[46] шестидесятиместном конвертоплане Алерин-500^[47]. Стильная и удобная машина с отдельным салоном класса люкс на двенадцать кресел, роскошной туалетной комнатой, душевой кабинкой, камбузом и баром, мощная, надежная и к тому же хорошо вооруженная: 6×12,7 мм пулемётов в надфюзеляжной и хвостовой турелях с электроприводом, автоматическая четырехствольная 20 мм пушка в подфюзеляжном блистере^[48] и четыре ракеты класса воздух-воздух ближнего радиуса действия. И это, не считая двух ударных вертолетов сопровождения, шедших с ними от самой Усть-Углы. Так что путешествовали с комфортом и с ветерком, с охраной и слугами, а в аэропорту Новгорода их уже ожидал, поданный прямо к трапу, полноформатный

эскорт с броневиками и полицейским сопровождением. Выгрузились быстро, поздоровались со встречающими, Бармин выслушал короткий доклад майора Злобиной и дал отмашку на «начало движения».

Затем был длинный и несколько нервный рывок по шоссе от аэропорта в город, но там пришлось все-таки сбавить скорость, поскольку в узостях старой застройки сильно не разгуляешься, а Ковенское палаццо находится не где-нибудь, а в самом центре столицы, недалеко от Новгородского крома. Тем не менее, боги миловали. Попыток атаковать кортеж в движении не случилось, и где-то еще через полчаса машины одна за другой въехали в ворота резиденции Менгденов, обогнули дворец справа по объездной обсаженной старыми кленами аллее и остановились на заднем дворе, прикрытом от недобрых взглядов тремя шеренгами разросшихся в ширь дубов. Здесь выгрузились и, не задерживаясь, — ибо береженого сами боги берегут, — прошли в палаццо, где слуги, направляемые немолодым мажордомом, споро взялись разводить прибывших по приготовленным для них спальням.

Ковенское палаццо оказалось роскошным дворцом. Бармину, который приехал сюда впервые, оно напомнило виденные им во время путешествия по Италии генуэзские палаццо. Впрочем, строили это великолепное здание именно генуэзские мастера, только в отличие от самой Генуи, это был, что называется, новодел. XIX век, а не XVI и уж, тем более, не XIII.

Отметив, что интерьеры палаццо выглядят не только изысканно, — мебель в стиле ар-деко^[49], витражные необычной формы окна, потолочные росписи и шелковые обои, — но и ухоженно, Бармин кивнул одобрительно мажордому, помнившему еще Карла Менгдена, и, памятуя, что доброе слово и кошке приятно, сказал тому пару подходящих случаю одобрительных слов. Затем поинтересовался, как обстоят дела с поздним завтраком, — по случаю ранней пробудки, семья вылетела из Усть-Углы толком не поев, — выслушал краткий, но вполне удовлетворивший его отчет и, не заморачиваясь этикетом и законами приличия, подхватил под руку ожидавшую его Варвару и ушел с ней в графские апартаменты. Естественно, Бармин здесь прежде не бывал, и теперь был приятно удивлен тем, что предки не просто понимали толк в роскоши и комфорте, но и обладали отменным вкусом. Во всяком случае, все, что он здесь видел, — от планировки помещений и до последней мелочи, типа хрустальных стенных бра, — не просто радовало его эстетическое чувство, но также представлялось уютным, удобным и уместным. Впрочем, все это было неважно. Всего лишь необязательный фон для главного. А главное...

Едва за ними закрылась дверь, Ингвар привлек Варвару к себе и крепко поцеловал. Сильно, со страстью и надолго. Секунд на сорок-пятьдесят, пока хватило дыхания. Не у него, разумеется, у нее.

— Извини, не удержался, — улыбнулся, оторвавшись от ее губ. — Всю дорогу хотел...

— Конкретно меня или вообще? — «простодушно» поинтересовалась Варвара. Она, к слову, даже не запыхалась.

«Спортсменка!»

— Конкретно тебя.

— Тогда почему прервался? Я бы еще секунд тридцать вполне могла... Ныряю я на восемьдесят три секунды. Да и вообще, — усмехнулась вдогон, — всего один поцелуй? Серьезно? И это любовь?

— Предлагаешь опоздать на завтрак?

— Нет, пожалуй, — тяжело вздохнула Варвара, возвращаясь к суровой действительности. — Нехорошо получится... Но сегодня я ночую с тобой! — закончила она

свою мысль энергичным взмахом руки.

— Читаешь мысли, — улыбнулся ей Бармин, довольный тем, как легко и точно совпадают их желания по месту и времени. — Сам хотел тебе это предложить.

— А кстати, — Варвара отошла от Ингвара и встала перед ростовым зеркалом, проверяя, не растрепалась ли, случаем, ее прическа, вернее, не расплелась ли замечательная, всем на загляденье, коса, — давно хотела тебя спросить, да все как-то, знаешь ли, то недосуг, то неловко.

— Сегодня «ловко»?

— Сегодня снизошло вдохновение, — подмигнула ему через зеркало Варвара.

— Тогда, вперед! — он подошел к ней вплотную и взял в руки ее косу, длинную, — до поясницы, — толстую, причудливого плетения и того удивительного цвета, который, как объяснила ему недавно сама Варвара, назывался «*легендарный блонд*». То есть, на самом деле, так называлась франкская краска для волос, но у Варвары это был ее естественный цвет.

Бармин до последнего времени считал их обоих, себя и Варвару, — ну, и праматерь Марену заодно, — светло-русыми. Но, как говорят умные люди, век живи, век учись. Оказалось, что Варвара скорее блондинка, хотя блондинкой у них всегда считалась Елена. Однако его женщины ему все растолковали. Светло-русой с пепельным оттенком была Дарена Глинская, сам Бармин — скорее русым, чем светло-русым, а Варвара и Марена являлись настоящими блондинками. Елена же была той, кого называют золотистыми блондинками. Но, в любом случае, обе они, и Варвара, и Елена считались «натуральными блондами», хотя дурами, видят боги, ни разу не являлись. Умные, образованные женщины. Молодые и красивые, но тут, в этом мире, красивыми были практически все аристократки. Естественный отбор, здоровый образ жизни и магия поистине творят чудеса.

— Так что там с твоим вдохновением? — напомнил Бармин замолчавшей, было, Варваре.

— С вдохновением? — переспросила она. — Хотела тебя спросить, как ты справляешься с нашими хотелками? Ты же отдал нам право решать, кто с тобой в тот или иной день. А ты? У тебя что, нет своих желаний, настроений, предпочтений? Тебе что, все равного с кем, когда и как?

«Сгущает краски, разумеется, — отметил мысленно Бармин. — Но следует признаться, есть в ее словах сермяжная правда».

— Сложный вопрос, — поморщился Бармин. — Я, если честно, сам хотел поднять его перед общественностью, — усмехнулся не без горечи, — но ты меня опередила.

— Ладно, — продолжил, взглянув на часы. — Переодеваться нам не надо, любиться прямо сейчас, увы, не получится, так что можем поговорить и даже на завтрак не опоздаем.

Ингвар поискал взглядом, уверенный, что не может такого быть, чтобы в его спальне слуги забыли приготовить чего-нибудь эдакого, чем можно горло промочить, в прямом и переносном смысле. И в результате, нашел небольшой поставец [\[50\]](#) на высоких ножках, чтобы удобно было им пользоваться, не нагибаясь. Открыл, исследовал пытливым взглядом его содержимое и повернулся к Варваре:

— Аперитив или соком обойдешься?

— Какой там сок? — поинтересовалась женщина, не отрываясь от зеркала.

— Вишневый и земляничный, — пригляделся Бармин к бутылкам, похожим на пивные.

— Тогда земляничный.

— Пусть будет земляничный, — повторил он за ней, подхватывая соответствующую бутылку и сворачивая ей «головку».

— Мне самому это не нравится, — признал очевидное, наливая сок в толстостенный хрустальный стакан. — Но вдруг, если начну выбирать я сам, кому-то из вас это не понравится. День не подходящий или настроение не то, а «нет» сказать, вроде бы, неудобно. Или ссорится вдруг начнете. И так у нас не все гладко. Я же не дурак, все вижу и все понимаю, а тут еще ревность вмешается, обидки всякие, большие и малые... Помнишь, как на Машку все взъелись, когда она вас сонным зельем траванула?

«А что было бы, знай вы правду?»

— А ты? — спросила между тем Варвара, принимая у него стакан с соком.

— А что я? — Бармин вернулся к поставцу и, поколебавшись, все-таки не стал брать алкоголь. Налил себе в стакан вишневого сока и вернулся к ожидавшей его ответа женщине. — Я мужчина, Аря, а у мужчин, ты же знаешь, все по-другому. И физиология другая, и психология тоже. К тому же, вы все, как на подбор, красавицы, мне с любой из вас в постели хорошо. Но!

— Но? — очень серьезно переспросила Варвара, наконец поворачиваясь к нему лицом.

— Тебя, Аря, я люблю больше всех, но это, сама понимаешь, строго между нами. Ольга красивая, мне с ней хорошо, но любви между нами нет. А есть взаимовыгодный союз и секс по согласию и не без удовольствия. Машка, похоже, в меня действительно влюблена, и я ей симпатизирую, влюбляюсь, пожалуй, помаленьку. Чувство другое, не такое, как к тебе, но все-так скорее любовь, чем дружба. А вот с Елей у нас именно дружба... с бонусом. Секс нам дружить не мешает, а напротив, помогает.

— И все-таки? — Варвара настаивала, и он ответил.

— Сегодня я хотел тебя, — сказал Бармин, закуривая. — Хотел и хочу. К счастью, наши желания совпадают, но, в результате, разбираться с подругами придется тебе. Но вот, например, позавчера за ужином Машка как-то так ко мне повернулась, так посмотрела, что меня даже в жар бросило, но ночью ко мне пришла Ольга. И не то, чтобы я был ей не рад, но в тот раз я предпочел бы провести ночь с Марией. Однако полигамия, мне кажется, это не только секс. Прежде всего, сколько бы ни было женщин, мы семья, а в семье существует взаимная ответственность. Если я прошу вас соблюдать мир, как я могу не требовать того же от себя? Поэтому я промолчал и говорю тебе об этом сегодня, только потому что у нас с тобой зашел такой вот откровенный разговор.

— Придется с этим что-то решать, — задумалась Мария. — Это не дело, если ты каждый раз будешь идти нам навстречу, оставляя свои желания при себе. В конце концов, ты нас просто возненавидишь.

— Не драматизируй! — отмахнулся Бармин. — На вас можно обидеться, даже разозлиться, но ненавидеть? Это перебор!

— Значит, устроишь скандал, — пожалала плечам женщина, — что тоже не есть хорошо. И... Спасибо тебе. Ты мог всего этого избежать, если бы не предоставил нам такой свободы.

«Свободы? — повторил Бармин мысленно. — А что мне остается? Полигамия, черт бы ее побрал!»

Да уж, чем дальше, тем больше ему становилось ясно, что многоженство, — при всех своих неоспоримых преимуществах, — та еще головная боль!

Честно сказать, в прошлой своей жизни, Бармин этой темой никогда всерьез не интересовался, и голову себе «такими глупостями» не забивал, поскольку это было, скажем

прямо, неактуально. Тем не менее, у него имелась, разумеется, собственная точка зрения на проблему моногамии, но, по совести говоря, предмет обсуждения относился к тому джентельменскому набору любого русского интеллигента, в котором наряду с полигамией записаны вегетарианство, масоны и телепатия. Мнение есть, — так что при случае можно поддержать умный разговор за чашкой кофе или кружкой пива, — но не более того. И мнение это, если бы Игорю Викентиевичу задали подобного рода вопрос, сводилось к тому, что моногамия — явление исключительно культурно-историческое, то есть общественное, но никак не биологическое. Во всяком случае, это верно, как минимум, для большинства мужчин и женщин, которым только дай волю, тут же впадут в разврат, и не без удовольствия погрязнут в нем с головой. Не интересуясь этим вопросом специально, Бармин, тем не менее, как человек, почитывающий прессу, был знаком с некоторыми общеизвестными фактами. А факты эти не внушали даже осторожного оптимизма. Как помнилось Игорю Викентиевичу, опубликованные социологические исследования утверждали, что, то ли 60 %, то ли и вовсе 70 % мужчин и до 30 % женщин хоть раз в жизни, но изменяли своим более или менее постоянным партнерам. Он не помнил сейчас, чьи это данные: американские или российские, но предполагал, что в этом смысле разница между двумя великими державами невелика. И даже то, что мужчины изменяют женам в два раза чаще, чем жены мужьям тоже удачно вписывалось в социологическую теорию. Какими бы современными ни были люди двадцать первого века, мужчинам такие шалости прощались легче, чем женщинам. Бармин в свое время даже обратил внимание на то, что, если в книге, фильме или сериале изменяет супруг, то развитие сюжета часто предполагает его прощение в кульминации, но, если наоборот, то альтернатив разводу практически нет. Наверняка, кроме культуры и традиции был во всем этом и некий биологический момент. Все-таки физиология мужчин и женщин различается довольно серьезно, а уж физиология репродуктивной функции и того больше. Возможно, в этом и заключалась причина того, что мужики более склонны пойти налево. Но помнил Бармин и другое. Когда в Штатах вошли в моду поиски генетических родственников, случилось столько скандалов, что никто такого заранее даже представить себе не мог. Очень знаете ли, неприятно узнать лет в сорок или пятьдесят, что твой отец тебе вовсе не отец. Куда хуже, впрочем, было обнаружить, что трое твоих детей зачаты тремя разными мужчинами, и тебя в этом списке нет. Пришлось Бармину однажды приводить в порядок одного такого неудачника. Человек, узнав правду, пытался повеситься, но даже это у него не получилось, и в результате он попал к психиатру.

С другой стороны, Игорь Викентиевич знал, как минимум, четырех мужчин, живших одновременно с тремя женщинами. Вернее, трех, поскольку еще один имел — во всех смыслах, — не только жену и любовницу, но и любовника. Такой в современных понятиях был неутомимый бисексуал. Впрочем, у женщин такое тоже случается, пусть и реже. В студенческие годы была у Бармина подружка, которая одно время встречалась, имея в виду и секс, сразу с тремя парнями, да еще и с Игорем пару раз переспала исключительно по дружбе. И позже, уже как психиатр, — и в особенности, в Америке, — он таких случаев видел не два и не три. Там речь шла, правда, не о самом сексе, — все-таки Бармин классический психиатр, а не сексолог или, упасите боги, сексопатолог, — а о последствиях измен или отношений с двумя мужчинами одновременно. О чувстве вины, — типа, мужу случайно изменила и так семь или восемь раз подряд, — о конфликте между долгом перед семьей и супругом и неожиданно вспыхнувшим чувством к случайному таксисту или о разрушении привычной картины мира, в которой богом и обществом заповедано иметь в

каждый отрезок времени всего одного сексуального партнера, и лучше, чтобы это были официально признанные муж или жена.

Все это Бармин знал, но при этом никогда не задумывался над тем, как в реальности могла бы выглядеть узаконенная обществом и государством полигамная семья. Даже, читая о восточных гаремах в исторических книгах или любуясь картинами Энгра^[51], он не воспринимал все это по-настоящему всерьез. Есть и есть. Можно даже помечтать перед сном на тему «если б я был султан...». Однако рассматривать такую возможность в качестве реальной альтернативы тому мироустройству, к которому Игорь Викентиевич привык, что называется, с молодых ногтей, ему бы и в голову никогда не пришло.

Однако здесь, в иной реальности, являясь уже не постсоветским немолодым психиатром в эмиграции, Бармин столкнулся совершенно с другим устройством общества, другой моралью и культурой. Здесь многоженство являлось не роскошью, — типа, есть, потому что могу себе позволить, — и не социальным извращением, скрывающим гипертрофированное чувство собственности, а суровой необходимостью. Во всяком случае, для тех, кого здесь называют Хомо Магикус. Обществу и, прежде всего, высшему обществу, аристократам, являвшимся в этом мире элитой любого государства, были остро необходимы одаренные мужчины-маги, а их, как назло, рождается катастрофически мало. Как минимум, в три раза меньше, чем одаренных женщин. Отсюда и полигамия, вернее, институт полигамной семьи или, говоря языком востока, гарем. Ну, а если ты к тому же язычник и титулованный аристократ, которому нужны не только сами по себе жены, обладающие магией, но также их семейные связи, не говоря уже о приданном, то и выбора у тебя, собственно, нет. Однако устройство такой вот полигамной семьи и всегда-то представляет собой ту еще организационную проблему, а в случае Бармина ситуация осложнялась тем, что он женился на четырех женщинах практически одновременно, что, на самом деле, случалось в высшем обществе совсем нечасто.

В обычном случае мужчина увеличивает свою семью постепенно, последовательно и с перерывами, часто не на год, а на пять. Поэтому процесс затягивается иногда на годы и годы, и, значит, среди жен возникает естественная иерархия, — возраст, опыт, стаж, — и это многое решает в отношениях мужчины и его женщин, и между самими женщинами тоже. Но не только это отличает семью Бармина от иных имперских семей. В большинстве случаев речь, и впрямь, идет о гареме, и вся разница только в том, что в новое время в Великорусской империи уже практически не осталось настоящих, — на восточный лад, — гаремов, в которых, живут теремные затворницы, лишь пару раз в году, — да и то лишь по великим праздникам, — выходящие в свет. Свободы теперь у женщин, разумеется гораздо больше, но по-настоящему свободными они являются лишь в небольшом количестве случаев. В восточных княжествах намного реже, чем в западных, где брак иногда действительно становится практически равноправным. Такое положение вещей раздражает буквально всех: и консерваторов, которым искренно нелюб прогресс, и либералам, которые хотели бы дать женщинам, — всем и каждой, — как можно больше свобод, но, увы, добиться этого никому пока не удалось. Бармин же в силу обстоятельств и своего особого двойственного «Я», решил идти до конца, создав де-факто нечто вроде полиаморного^[52] брака. Практически, он предлагал своим женщинам род дружеского союза и полную свободу в выборе стиля жизни. Требование было одно, но кардинальное: не предавать. Пока ты член семьи и не объявила об обратном, мужу не изменять, — или, по крайней мере, делать это так деликатно, чтобы никто ничего об этом не узнал, — и, разумеется, не рожать от других мужчин. Брак-то не

католический, развод возможен точно так же, как и полное отселение. Живи отдельно и делай, что хочешь, но без скандала и без последствий в виде внебрачных детей. Хочешь ребенка от другого мужчины, флаг тебе в руки. Объявить о разводе дело нескольких дней, да и то большая часть времени уйдет на формальности, а не на объявление, как таковое.

— Итак, милые дамы, — Бармин закончил с отварной осетриной с хреном, промокнул губы салфеткой и, подняв взгляд, обвел им всех, собравшихся за столом, — какие будут предложения?

Вопрос касался светской жизни. Тут ведь как? Ну, ладно Бармин. Граф Менгден, известное дело, дикарь и заполярный маугли. Друзей у него, по сути, нет, есть одни лишь враги и немногочисленные союзники. Другое дело — его женщины. Они все, как одна, плоть от плоти мира сего, а, значит, знакомы, как минимум, с половиной молодых аристократов империи. С кем-то лучше, с кем-то хуже, а с кем-то, и вовсе, шапочно. И все-таки знакомы. Росли по соседству, вместе выходили в свет, — на бал дебютанток, например, или на дни рождения сверстников, — учились в одних и тех же лицеях, гимназиях и прочих академиях, пересекались в студенческие годы, учась, в основном, в университетах Пскова, Новгорода и Ниена, встречались в общих компаниях и подходящих им по статусу танцевальных клубах, кафе и ресторанах, все еще называвшихся в империи на старый лад чайными и трактирами. И все это, не считая ближних и дальних родственников, навестить которых по тому или иному случаю всегда входит в обязательную программу.

В практическом плане все это означало, что, приехав в столицу на Большой Летний бал, «семейство» Бармина не могло игнорировать своих светских обязательств, и значит, все вместе или порознь они должны были посещать различного рода мероприятия: коктейльные и танцевальные вечеринки, организуемые светской молодежью, и официальные приемы, устраиваемые старшим поколением. Да и просто сходить в гости, заглянув на огонек, или принять у себя малым составом. Тем более, теперь, когда нежданно-негаданно в Усть-Угле объявился новый граф Менгден, да при том не один, а с сестрой и невестами, одна из которых дочь *Самого!* В общем, приглашениями Ингвара и его «женский круг» начали заваливать сразу после Малого императорского приема. И на некоторые из этих приглашений стоило, как минимум, ответить. А ведь кроме всего прочего, объявившись в столице, нужно было, — обязательная программа, — нанести визиты кое-кому из родственников, не говоря уже о том, чтобы наладить отношения кое с кем из потенциальных союзников. Учитывая все это, прибыли они в Новгород загодя, — за три дня до обозначенной в императорском приглашении даты, — и предполагали задержаться в столице еще, как минимум, дней на восемь после бала, планируя устроить за это время также одну коктейльную вечеринку и один раут в Ковенском палаццо. *Noblesse oblige*, как говорится, да и связи нужны. Как без них? Поэтому планы на столичный визит были сверстаны еще в Усть-Угле, но это не значит, что в них ничего нельзя было изменить. Об этом Бармин, собственно, и спросил.

— Ко мне вечером должна приехать Кити Суворова, — откликнулась, опередив остальных, Елена, — с женихом и его первой женой. Будет мило, если ты к ним выйдешь, пусть и ненадолго.

— Кто у нее жених? — Бармин точно видел имя Екатерины Суворовой в списке «встреч и посещений», но подробности успел, естественным образом, позабыть. Как-то не до того было.

— Виктор Буксгевден, старший сын барона Буксгевдена, — пояснила Елена. —

Наверняка, еще и младших братьев притащит и сестру своей первой жены. А она у него, между прочим, из Ржевских. Старшая дочь князя Вячеслава Ярославовича.

— Ага, ага, — покивал Ингвар, сообразив наконец, о ком идет речь. — Извини, запамятовал. Выйду, разумеется. Как не уважить таких достойных людей. А к своим ты, когда?

— Да, сейчас и поеду, — чуть повела плечом княжна Збаражская. — Не скажу, что буду счастлива их лицезреть, но не навестить тоже нельзя. Общество может не понять.

— Хорошо, — кивнул Бармин. Ему было жалко Елену, но он понимал, в ее случае, не выполнить обязательную программу — откровенный моветон. — Хочешь, съезжу с тобой?

— Справлюсь, — отмахнулась Елена, — но за предложение спасибо. Ты лучший!

— Я знаю, — улыбнулся ей Ингвар.

— Аря? — повернулся он к сестре. — Ты, чаю, сразу же поедешь к Глинским?

— Да, — кивнула женщина.

— Тогда, может быть устроим вечером танцульки, — предложила Мария.

— Мы, вроде бы, не планировали, — засомневался было Бармин, но женщинам идея сымпровизировать с сейчас на сейчас незапланированную вечеринку неожиданно понравилась.

— А что! — вклинилась в разговор Ольга. — Отличная идея! Я сейчас как раз еду в ресторан на встречу выпускников. Могу подверстать всю компанию. Они все ребята более чем приличные. И есть пара-другая тех, с кем тебе, Инг, стоит познакомиться.

Бармин знал, что Ольга едет на встречу с однокашниками по университету, под которую был снят малый банкетный зал «Селигера» — одного из самых пафосных новгородских кабаков. Недешевое удовольствие, но, судя по всему, у кого-то из ее студенческих приятелей наличествует большая мошна.

«Связи? — кивнул мысленно Ингвар. — Связи — это хорошо. Они нам всем нужны!»

— С кем конкретно? — спросил вслух, желая уяснить спонтанно открывающиеся перспективы.

— Княжич Андрей Бельский, — начала перечислять Ольга, — он хоть и молод, а уже правая рука у своего отца, а это дальневосточный рыбный промысел и Ленское золото. Моя кузина Полина Кашина... Не волнуйся, Инг, — отреагировала она на реакцию Бармина, — никакой связи с моим папá. Это другая ветвь Кашиных. Их семья производит сложную машинерию: станкостроение, авиационные двигатели, подъемно-транспортное оборудование. И Поля, что важно, активно помогает отцу и старшему брату. Ну, и, наверняка, кто-нибудь еще придет, если их пригласить.

— Тогда, зови, — кивнул Бармин. — И озаботься приготовлениями. Вино, закуски, музыка... Что там еще?

— Не бери в голову, милый, — улыбнулась Мария. — Мы все устроим лучшим образом!

«Не брать в голову?»

Ну, он и не стал брать.

«Разберутся, не маленькие!» — кивнул мысленно, окончательно выбрасывая из головы мысли о вечеринке, и более к этому вопросу не возвращался.

Съел кусок пирога с брусникой, выпил чашку черного цейлонского чая, усугубил все это толикой коньяка и, сменив походно-полевой комплект, — джинсы, футболка и расстегнутая фланелевая рубашка навывпуск, — на светло-песочного цвета, официальный костюм, поехал наносить первый визит «должникам».

Дед оставил ему в наследство довольно толстую пачку долговых обязательств и расписок о получении срочных и строго конфиденциальных кредитов, сроки платежа по которым давно истекли. Срока давности у подобного рода документов, в принципе, нет, но проведенное майором Злобиной расследование показало, что некоторые заёмщики на данный момент уже недееспособны: сыграли в ящик или впали в маразм. А предъявить претензии их наследникам было нельзя в виду того, что расписки зачастую имели такой вид, — но, главное, такое содержание, — что для взыскания долгов пришлось бы обращаться в суд. Суд же в такого рода тяжбах дело долгое, хлопотное, и зачастую недешевое. Так что иной раз, взглянув на сумму долга, еще подумаешь, а стоит ли игра свеч?

И все-таки даже среди этих превратившихся в макулатуру бумаг, — как перлы в куче дерьма, — нашлись и такие договора, платить по которым будут вынуждены даже внуки и правнуки должника. Но в данном случае, имея в виду сегодняшний визит Бармина, дела обстояли куда лучше: граф Каменский был жив и здоров, и точно так же, как четверть века тому назад, возглавлял частный банк своего имени. Сумма, которую он задолжал Карлу Менгдену, для хозяина именного банка была не такой уж большой, — всего каких-то сто семьдесят пять тысяч золотом, — но получил ее Лев Петрович по-видимому в момент острого кризиса, когда деньги нужны ему были не просто срочно, а «прямо сейчас». Наверное, случился какой-то форс-мажор, вызвавший к тому же явное помутнение сознания, потому что в залог заемных денег банкир предложил такое, что стань об этом известно в Свете, от позора графу оставалось бы только застрелиться. В залоговом обязательстве черным по белому Каменский записал свою молодую третью жену. Трудно сказать, как бы повернулось дело, останься Карл Менгден жив, — скорее всего, как-нибудь договорились бы, — но дед умер на плахе. А вот документ никуда не исчез, терпеливо дожидаясь наследника Менгденов в тайном архиве под Медвежьей башней замка Усть-Угла, и вот дождался, не потеряв при этом ни на йоту своей скандальной актуальности, а значит и потенциальной ценности.

Деньги, как таковые, Ингвару были без нужды. Во всяком случае, накопившиеся проценты он, так и быть, готов был Льву Петровичу простить, но, разумеется, не задаром. Банк Каменского входил теперь в Ниенский банковский пул, — мощный банковский союз, влияние которого распространялось на весь Северо-Запад империи, — и Бармина устроили бы некоторые преференции, которые мог бы выхлопотать для него старый граф. Преференции эти, как объяснила Ингвару госпожа Иванова, даже в близко-срочной перспективе, — не говоря уже о дальнесрочной, — стоили много дороже, чем эти проценты, которых, следует сказать, набежало за четверть века совсем немало. Такая сумма и сама по себе серьезный довод, но расписка, — вернее, упоминание жены графа в весьма неудобном контексте, — в этом смысле была гораздо более действенным рычагом воздействия. С этим Бармин и отправился к графу Каменскому.

Разговор получился трудным и долгим, местами неприятным, едва не переходящим в обыкновенный лай, но, в конце концов, Ингвар банкира дожал, и они договорились, что Бармин получит требуемые преференции, зафиксированные в документе с подписями членов совета директоров и соответствующими печатями, и сто восемьдесят тысяч золотом, а Каменский избавится наконец от лежащего в архиве Менгденов компромата. На том и расстались, уложившись всего в три часа и десять минут, — так что перед возвращением домой, Ингвар успел все-таки заскочить ненадолго во дворец Несвитских, чтобы повидаться с княгиней Элеонорой-Анной, сохранившей для него наследие деда, и познакомиться заодно

с ее супругом Игорем Юрьевичем Несвицким. Знакомство чисто символическое, но Бармин понимал, символы — наше все. И тот, кто тебе пока никак не интересен, имея в виду самого Менгдена, — мальчишка, да еще и внук государственного преступника, — через какое-то время и в определенных обстоятельствах вполне может превратиться в значимую фигуру на имперской шахматной доске. Тогда-то это шапочное знакомство и пригодится: старому князю, чтобы напомнить юному наглецу, что знакомы давно и приходимся друг другу едва ли не родственниками, и самому Бармину, поскольку Несвицкие часть довольно обширного клана, имеющего большой вес на юге и юго-востоке империи.

В общем, Ингвар посидел с полчаса с сестрой одной из своих бабок, которых при узаконенном многоженстве у такого человека, как Ингвар Менгден, могло быть и пять, и шесть, и даже восемь. Но поскольку его дед был женат только трижды, то и бабушек у Бармина было всего четыре, причем родная со стороны отца умерла еще молодой. Зато у нее осталась сестра, и в случае Ингвара Элеонора-Анна повела себя в высшей степени благородно. Так что знак внимания — это минимум того, что мог сделать для нее благодарный «внучок». Попил чая с фисташковым печеньем, обменялся любезностями, рассказал коротко о планах на будущее, — четыре свадьбы как-никак, — пригласил в Усть-Углу, и, пожелав всего лучшего, откланялся. И вот, вроде бы, ничего особенного не делал, — не воевал, не выторговывал банковские преференции или еще что, — а устал, как собака. Княгиня была, разумеется, хорошим человеком, — во всяком случае для своего как бы внука, — но, судя по всему, являлась довольно сильным энергетическим вампиром, и за полчаса умудрилась выпить из Бармина едва ли не «ведро крови». Поэтому домой он сразу после визита к Несвицким не поехал, не хотел портить другим настроение, а на пару часов засел в гордом одиночестве, не считая телохранителей, в трактире «Чесма». Там под аперитив Бармин просмотрел несколько свежих газет, а затем, уже просто под живую музыку, — очень приличный струнный секстет, — основательно поел и выпил, вкусив полноценный обед из семи блюд, и в результате не только восстановил силы, но и вернул себе хорошее настроение, которое ему было сейчас остро необходимо, поскольку дома, в Ковенском палаццо, Бармина ждала успевшая уже набрать обороты танцевальная вечеринка.

* * *

Во дворце было шумно и весело. Громкая музыка, взрывы хохота, переключки мужских голосов и женский радостный визг. Впрочем, все это было ожидаемо, танцевальная вечеринка — это не чинный бал дебютанток и не великосветский раут. Для того люди и собираются, чтобы выпить, расслабиться и выпустить пар. Поразило Бармина другое: в бальном зале на втором этаже отжигал натуральный джаз-бенд в новоорлеанском колониальном стиле, а молодежь, парни и девушки от пятнадцати до двадцати пяти, свинговала так, как Бармин наяву не видел ни разу в жизни. Сейчас танцевали что-то вроде рок-н-ролла или буги-вуги. В силу своего возраста, — а он застал стилияг^[53] лишь на излете прекрасной эпохи, — Игорь Викентиевич эти танцы не различал, но зато умел что-то такое изображать под соответствующую музыку руками и ногами, хотя до местных хроноаборигенов ему было конечно далеко. Двигались танцоры легко и естественно, и, разумеется, — коли уж вышли танцевать, — без излишней скромности, не говоря уже о

застенчивости. Парни крутили девушек так, словно все они тут и не аристократы вовсе, а какие-нибудь цирковые акробаты. Выглядело это стильно, но несколько старомодно, поскольку для Бармина 50-е годы двадцатого столетия — это никак не 80-е. Зато излишней стыдливостью здесь никто не страдал, так что девица могла вдруг оказаться, сидящей верхом на шее у партнера, или в продольном шпагате между его же раздвинутых ног. Мужчины сходились петухами грудь в грудь, а девушки проделывали тот же фокус голубками, выставляя на показ свои прелести, по минимуму, от второго до четвертого размера. Всем было весело, все были счастливы и пьяны, и подола юбок то и дело взлетали чуть ли не выше головы, обнажая в большинстве своем длинные стройные ноги, — «Аристократия, однако!» — ну, и дорогое франкское белье заодно.

— Не знаю, кто ты такой, но хочу к тебе на ручки! — Бармин оглянулся на голос.

Фемина была юна, — лет семнадцать-восемнадцать от силы, — симпатична, совершенно ему незнакома и к тому же изрядно пьяна. Шампанское, как успел заметить Ингвар, лилось в его доме, что называется, рекой.

— Кто ты прелестный ребенок? — он чуть прищурился, отвечая ей в ее же манере.

— Я Ма ЭфБэ, — представилась девушка, — но можешь звать меня просто Ма. А ты кто?

Голос у нее был на удивление низким, да еще и с хрипотцой.

— Зови меня Инг, Ма! — улыбнулся Бармин и неожиданно понял, что тоже не прочь потанцевать. Вот с этой мелкой занозой в заднице, которая Ма и едва достает макушкой ему до груди.

— Пошли танцевать! — позвал он.

И, словно, почувствовав, что время пришло, биг-бенд сменил мелодию, и вслед за саксофоном основную тему повел сильный женский голос.

«Натали!» — Бармин взглянул вверх голов танцующих и увидел Стефанию фон Менгден, возникшую перед музыкантами с микрофоном в руке. Она, что любопытно, его тоже увидела, улыбнулась, чуть опустив микрофон, и приветственно взмахнула рукой.

— Это она тебе? — удивилась Ма. — Ты что, знаком с Натали?

— Не то, чтобы знаком, — пожал плечами Бармин, подхватывая девушку на руки и выходя на танцпол.

Разумеется, танцпол здесь был чистой условностью, — здесь не было даже сцены, — но все остальное было правдой: со Стефанией он был, действительно, знаком, но пока не слишком хорошо и уж точно, что не близко. Впрочем, обе стороны, — и он, и она, усердно работали над тем, чтобы воссоздать свою все еще несуществующую семью. И он мимолетно подумал об этом, занятый танцем и смешной партнершей, которую при его физической силе и размерах крутил в руках как ребенка. На шею сажать, правда, не стал, — был слишком трезв, — но на плечо посадил. Сначала на левое, потом на правое. Но вот какое дело, в очередной раз усаживая Ма себе на плечо, он бросил случайный взгляд в сторону и увидел Варвару, танцующую с каким-то незнакомым Ингвару молодым мужчиной. Парень был довольно крупным, но не настолько, чтобы изображать с Варварой акробатические экзерсисы, поэтому они танцевали нечто более сдержанное. Но дело было не в том, как они танцевали, а в том, какая связь возникла между партнерами. Вернее, какой эту связь увидел или вообразил себе Бармин.

В общем, взглянув мимолетно на эту пару, Ингвар едва не приревновал Варвару. Впрочем, почему едва? Приревновал, и это было совершенно новое чувство, еще не

испытанное Барминым в этой жизни. В прошлой своей ипостаси ему, разумеется, приходилось ревновать, и не раз. Порою даже очень сильно. В основном, конечно по молодости, когда все чувства обострены до предела, хотя случилось пару раз и тогда, когда ему было уже сильно за сорок. Практически пятьдесят, то есть уже никаким образом не мальчик, но, глядишь ты, приревновал. И ладно если бы возник очевидный повод! Но повода-то и не было. В тот раз он засомневался в собственной жене, и, как показало предпринятое им расследование, совершенно напрасно. То есть, не то, чтобы дражайшая супруга была, как жена Цезаря, вне подозрений. Вовсе нет. Наверняка изменяла Бармину. Вряд ли часто, — во всяком случае, хотелось верить, что нечасто, — и, возможно, большей частью мыслью, а не делом. Но не пойман не вор, и пока он об этом ничего не знал и не имел ни малейшего повода ее в чем-нибудь эдаком подозревать, этого как бы и не было, не существовало и не случилось, и думать тут было, соответственно, не о чем. Но пару раз за их долгую совместную жизнь, — и в тот раз, о котором он сейчас вспомнил, тоже, — любимая супруга то ли попросту просчиталась, допустив досадную оплошность «в сокрытии улик», то ли, напротив, хотела его разозлить и специально подкинула дохлую крысу на порог. В конечном счете, он в этом так и не разобрался. Но намучался тогда, что называется, на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, и то правда, что, чем старше становился Игорь Викентиевич, тем меньше был склонен ревновать, да и чувства собственника, по-видимому, постепенно ослабевали. Во всяком случае во всем, что касалось женщин, поскольку в профессии чувство это никуда не делось. Но это там, а в этом мире и повода, вроде бы, не было, да и душа старика отказывалась ревновать, хотя именно старики, как достоверно знал Бармин, склонны ревновать с необыкновенной силой. Другие, но не он. Он своей ревностью уже переболел, и считал ее изжитой. Однако получается, что рано радовался. И сейчас получил тому прямое доказательство.

— Знаешь эту женщину? — спросила Ма, перехватив его взгляд, направленный на Варвару.

— Это моя сестра, — коротко ответил Ингвар и развернулся, оставляя Варвару и ее кавалера за спиной.

— Вот это фокус! — засмеялась пьяноватая пигалица, проскальзывая под его рукой. — Мой брат танцует с твоей сестрой!

— А кто у нас брат? — спросил тогда Бармин, чувствуя, как успокаивается сердце. Он слишком сильно любил Варвару и знал, что это взаимно. Так что ревновать ее к другому было попросту глупо.

— Михаил фон Берге.

— Барон? — уточнил Бармин, выучивший наизусть списки всех главных игроков.

— Да! — подтвердила девушка.

— А ты, значит, Мария Юлия фон Берге?

— Мне больше нравится Ма ЭфБэ.

— Эф, как фон, — засмеялся Ингвар, — а Бэ, как Берге?

— Не смейся! — запротестовала девушка. — Надо мной смеяться нельзя! Мы карелы, знаешь, какие опасные в бою?

— Ваши земли где-то севернее Выборга? — припомнил Бармин карту Северо-Запада и легенду к ней. — Действительно Карелия. Лет сто назад вы были бы моими ленниками [\[54\]](#).

— Ты Менгден? — поняла, наконец, Мария Юлия. — Ну нечего себе! Так это меня за задницу сам Менгден держал, великий и ужасный?

— Великий размерами? — хохотнул Ингвар. — А про ваш зад, баронесса, вы сами меня попросили.

Пока трепались, музыка прекратилась, и, взяв Ма за руку, Бармин повел ее знакомиться с сестрой и кухней. Ему не трудно, а ребенок счастлив!

Двадцать четвертое июля 1983 года

Побывав на Малом приеме в Летнем дворце в Ливадии, Бармин думал, что все уже видел и все превзошел. Не тут-то было! Большой летний бал в Новгороде оттого и называется большим, что среди приглашенных немудрено затеряться. Две с половиной тысячи гостей — это как? А так, что Зимний дворец, построенный еще в XVIII веке на территории Новгородского кремля и частично перестроенный в угоду изменившимся обстоятельствам в начале XX, поистине огромен. Когда-то давно, хотя и неоднократно, Бармин бывал и в Зимнем дворце в Петербурге и в Екатерининском дворце в Царском селе. Так вот двухсветный бальный зал в Царском селе, — это он помнил точно, — имел площадь 800 квадратных метров, а здесь бальный зал простирался на 2400 квадратных метров. Почти половина футбольного поля, застеленного наборным паркетом, под расписным купольным потолком, взметнувшимся на высоту трех этажей. И огромные окна, как и в Царском селе, перемежающиеся зеркалами, по обеим сторонам зала, высотой в два этажа — от пола и до опоясывающей зал галереи, — и еще на четыре метра уже на уровне самой галереи. Красиво. Можно даже сказать, роскошно. Огромные хрустальные люстры, белый мрамор колонн, инкрустированных арабесками из позолоченной бронзы. В общем, и не захочешь, но вынужден будешь признать — *«это империя, сынок»*. И Бармин, следует сказать, неожиданно даже для себя любимого оказался на этом балу гвоздем программы.

Подходили многие, не жеманясь, представлялись сами, жали руку и говорили вежливые слова, содержащие многие намеки на множество разнообразных обстоятельств. И, разумеется, приглашали в гости: здесь, в Новгороде, — *«вот прямо на днях»*, — в Пскове и Риге, Ниене и Гельсингфорсе тогда, *«когда сможете. Будем рады в любое время»*. Особенно выделялись в этом смысле западники, вербовавшие его в друзья, союзники, *«подельники и собутыльники»*, но подошли познакомиться и некоторые восточники. У этих был свой интерес. В основном экономический, но без политики тоже дело не обошлось. Впрочем, справедливости ради, следовало признать, не меньше было ненавидящих взглядов. Много направленной на него злобы, зависти и неприкрытой ненависти, и это при том, что Бармин никому ничего дурного сделать в этом мире пока не успел. Не было ни причины, — хотя месть за отца и деда может считаться более, чем серьезной причиной, — ни желания, ни времени. О средствах, вообще, стоило бы умолчать. И тем не менее, тех, кто его ненавидел, было в этом зале никак не меньше, чем тех, кто ему благоволил. Были, правда, еще и такие, кому было просто любопытно. Не было только равнодушных, и это, — при таком-то стечении народа, — впечатляло по-настоящему.

Однако бал — это, прежде всего бал, так что Бармин танцевал. Партнерш, — и не без умысла и ни разу не в простоте, — ему подыскивали его же невесты, с которыми он тоже, разумеется, танцевал. Они же подводили его к тем из своих родичей и знакомцев, с кем Ингвару следовало познакомиться, а то и подружиться. Так что, Бармин на балу не отдыхал, а тяжело работал, и не он один. Вся их маленькая недосемья трудилась в поте лица, создавая основу будущего благополучия. И единственные люди, кто не пошел с Барминым на

контакт, — несмотря даже на немалые усилия князя Северского, — это император, две его супруги и четверо взрослых принцев и принцесс. Не любили Менгдена в императорской семье, и это наводило на определенные мысли. Если все обстоит настолько скверно, отчего князь Северский не поддерживает своего родного брата? По факту, это могло ничего не значить, — личные мотивы, семейная ссора или еще что-нибудь в этом роде, — но могло означать и назревающий раскол в правящей верхушке. Но, в любом случае, это было нечто такое, что следовало иметь в виду. Что-то, о чем надо было подумать на свежую голову, и Бармин эту мысль запомнил, но был вынужден отложить ее до времени в сторону. На балу он думать о таких вещах просто не мог. Отвлекали.

1. Двадцатое сентября 1983 года

Неделя с двадцатого по двадцать седьмое сентября ожидалась, прямо сказать, насыщенной. Шумной, пьяной и веселой, но в то же время чертовски опасной: иди знай, кому еще придет в голову пострелять по Бармину и его девушкам. За июль-сентябрь он пережил уже три покушения, не считая предотвращенных еще на стадии подготовки, и, как минимум, в половине случаев целью злоумышленников являлась также Варвара. Ну, а в список случайных жертв, — в сопутствующие потери, так сказать, — могли попасть практически все его невесты, часть родни и многие другие люди, оказавшиеся на свою беду в опасной близости от главного «бенефицианта» этой истории. Поэтому неделя предстояла не только разгульная, — пить и гулять намеревались не по-детски, — но и напряженная, поскольку столько гостей, сколько собиралось прибыть в Усть-Углу и Шексну на Свадебную неделю, не видели здесь с тех пор, как шестьдесят три года назад прадед и тезка нынешнего графа Ингвар Менгден третий своего имени шумно отмечал в своей родовой вотчине принятие графских регалий. Однако у Ингвара IV повод был и того круче. Мало того, что в эту неделю гуляли сразу четыре знаковые свадьбы, — сам Бармин женился на княжнах Дарене Глинской, Елене Збаражской и Ольге Кашиной, а его сестра графиня Варвара Менгден выходила замуж за великого боярина ^[55] Петра Глинского-Севрюка ^[56], - так ко всему, это была первая возможность по-настоящему отпраздновать возрождение семьи и рода и принятие Ингмаром титула, принадлежащего ему по праву рождения, которое здесь, в империи Великороссов, называли *правом первой крови*.

Гости начали съезжаться еще девятнадцатого числа, поскольку некоторым хотелось познакомиться и пообщаться с Ингмаром и Варварой прежде, чем начнется «всенародное гуляние». К таковым относились, например, сестра его бабушки княгиня Элеонора-Анна Несвицкая урожденная Корибут-Воронецкая, две вдовы его деда — баронесса Елизавета фон Менгден и боярыня Марфа Аленкина — и «невенчанная» вдова его дяди Петра — Аграфена, которая, как и ее дочь Стефания, больше известная под сценическим псевдонимом Натали, уже с начала августа приняли фамилию Менгден. Стефания тоже приехала заранее, по нынешнему раскладу именно она наследовала своей бабушке Елизавета и, значит, уже сейчас имела право зваться баронессой фон Менгден. В таком случае, приличий ради следовало познакомиться с матерью своего отца и другими родственниками, из которых она пока знала одних лишь Ингвара и Варвару.

При этом, следует отметить, что большинство гостей прибывали в графство с охраной и слугами, и, если добавить к этому, огромное количество обслуги, стянутой в Усть-Углу из Надозерья, из Глинского Крома на реке Нерис и из новых владений Петра Глинского-Севрюка Устье ^[57] на озере Кубенском, а так же тележурналистов, фотографов и репортеров светской хроники, представляющих не только имперские, но также все основные европейские масс-медиа, можно себе представить во что превратился замок и прилегающий к нему город, в котором были заполнены до отказа все без исключения постоянные дворы и странноприимные дома, меблированные комнаты и сдающиеся в наем квартиры и дома. Однако места все равно не хватало, поэтому для слуг и дополнительной охраны на территории, примыкающей к крепостному мосту, и внутри стен замка были развернуты два

палаточных городка: шатры, большие армейские палатки, трейлеры на базе грузовиков и даже передвижные дома-вагончики. Присланные императорской службой безопасности, — а, на самом деле, Тайным и Разбойным приказами, — специалисты, бойцы спецназа и агенты контрразведки разместились отдельно — в трех километрах от Шексны в Михайловском подворье, устроив свой штаб в гостинице для водителей-дальнобойщиков при трейлерной стоянке. Понятное дело, что по такому случаю все перевозки по шоссе А-114 были прекращены «до особого распоряжения» и временно осуществлялись по обходным маршрутам. В общем, Садом и Гоморра, и пожар в борделе во время наводнения. Все куда-то спешат, что-то несут, пропадают неведомо где, и этих всех явно больше, чем может переварить обыденное сознание. И, если всего этого мало, то «родные» холопы и «пришлые» хазары подбросили Бармину еще пару-другую головоломных дел, словно ему и без того заняться было нечем.

Все началось с принадлежащих ему лично крепостных крестьян, составлявших, к слову сказать, тридцать семь процентов населения графства и в большинстве своем занимавшихся, как и следовало ожидать, сельским хозяйством. Кто-то работал на себя, составляя основную массу арендаторов, а кто-то другой батрачил на хозяина, но все твердо сидели на земле. При этом пахотных земель в этих северных, частью заболоченных, а частью поросших лесом краях было относительно мало, — климат так себе, да и почвы подкачали, — и выращивали на них, в основном, кормовые культуры, — потому что *«животноводство — наше все»*, — а также рожь, овес, лен и картошку. Зато молочных ферм было много, но скот, — в основном, быков и свиней, не считая птицы и баранов с козами, — растили так же на мясо. В деревнях и на хуторах жили общинами, поэтому с властями, будь то хозяин-барин или губернские чиновники, общались выборные. В деревнях — старосты, в волостях — выборные волостного схода. Вот такие выборные со всех земель графства и пришли третьего дня к Ингвару *«бить челом»* и *«просить всем сходом о божеской милости»*.

Бармин их внимательно выслушал, но по первости ничего не понял. Прочел челобитную и запутался еще больше, а когда выборные все-таки растолковали ему характер проблемы и суть своей просьбы, сначала не поверил своим ушам, а потом начал задавать уточняющие вопросы. Однако ходоки уверили его, что все так и обстоит, как они говорят, и Бармину пришлось им поверить, а затем, — поскольку лекция о мракобесии не увенчалась успехом, — понять, принять и, пусть не тотчас, но, тем не менее, согласиться. Вообще-то, он собирался все-таки отбояриться от этих диких *«чаяний народных»*, но краткий разговор с Варварой расставил все точки над «і», и Бармин понял, что устранившись от исполнения сеньорских обязанностей ни в этот раз, ни в будущем ему не удастся, хотя бы потому что люди, — и не просто люди, а его собственные холопы, — во все эти глупости верят. Причем, что характерно, не только язычники, от которых Бармин мог ожидать чего угодно, но и православные христиане, что уже было вовсе ни в какие ворота.

— Тут такое дело, Варвара, — начал он, зазвав сестру в свой кабинет, — ко мне выборные пришли.

— Знаю, — кивнула она. — Видела. Что им надо?

— Они утверждают, что с момента казни деда урожайность в моих владениях упала на треть, надой на четверть и, что ни год, то падеж скота или неурожай с моровым поветрием.

— Но это правда, — непонимающе посмотрела на него Варвара. — Ты же видел цифры. И эта твоя, шведская красавица об этом же толковала. Что тебе здесь не понятно?

— Это-то да, — поморщился Бармин, — цифры не врут, но эти люди утверждают, что

для выхода из кризиса одного моего появления в Усть-Угле недостаточно.

— Попросят провести ритуал? — как о чем-то само собой разумеющемся спросила Варвара.

— Да, — подтвердил Ингвар.

— Они правы, — пожала плечами женщина. — Ты сеньор, тебе и карты в руки. Кто, кроме тебя, им поможет? Да, и про себя не забудь. Ты же с этих земель тоже живешь.

— А ты знаешь, Аря, в чем состоит этот их ритуал? — осторожно спросил Бармин. Он до последнего не верил, что она знает, о чем говорит.

— Ах, вот ты, о чем! — просветлела она лицом. — Вот же я дура, прости господи!

— Всеотец, — поправил Ингвар.

— Оставь! — отмахнулась она. — Можно подумать, я не стараюсь! Но сразу такое ни у кого не получится. Так что, прекрати меня поправлять! А по поводу ритуала, ты действительно не знаешь. Тебя никто к этому не готовил.

— А тебя?

— Меня Нестор обучал, думал, у меня получится.

— Не вышло? — поинтересовался Бармин. Он никогда не спрашивал ее о той давней уже попытке узурпировать власть и титул, и зря, наверное. Такие вещи следует знать.

— Нет, — ответила Варвара на его вопрос. — Не вышло. Меня земля не приняла, к тому же я женщина, и это сильно ограничивает возможности сеньора. А про ритуал я тебе сейчас расскажу. Тут они правы. Время пришло, и, если не ты, то кто?

— Принести кровавую жертву?

— Инг, я тебя об этом никогда не спрашивала и сейчас спрошу только о том, о чем можно. Там внизу ведь есть алтарь?

— Есть.

— Значит, кто-то из богов, — заметь, я не спрашиваю, кто, — должен принять жертву, чтобы земля снова стала родить. Нестор не знал, кому из богов поклонялись Менгдены, и где находится жертвенный камень. Наши люди, в смысле, его... — сбилась она, сообразив, что именно только-что ляпнула. — *Его* люди наши нашли старый жертвенник в священной роще за рекой. Князь думал, это и есть ваш... Вот же беда! Он думал, что это *наши* алтарь. Покопались вокруг, нашли идола. Вроде бы, Сварог... В общем, я принесла жертву... Не спрашивай, — помотала она головой, — не надо. Принесла жертву, но все напрасно. Никакого толка от моего ритуала не было. И на вторую часть мы, тем более, забили.

«Да, уж! Действительно, — покачал Бармин мысленно головой, — чем дальше в лес, тем больше дров!»

Он-то думал, что все уже понял про этот мир. Во всем разобрался. Все превзошел. Ан нет! Куда там. Каждый раз, как только Бармин начинал думать, что его уже ничем не удивить, появляется что-то новое, и все начинается с начала.

— Извини, за вопрос, — спросил он вслух, наскоро оценив полученную от Варвары информацию. — А девок ты как собиралась портить?

— Сеньор может передать эту роль кому пожелает...

— Я читал, что право первой ночи отменил еще император Алексей, двести лет назад, — «припомнил» Ингвар.

— Отменил, — согласилась Варвара. — Этим правом теперь никто не пользуется. Да и зачем? Крепостных девок можно трахать по праву сильного, а не по традиции. Так что все, кому это по душе, имеют всех, кого захотят, без всякого на то официально оформленного

права.

«Так и есть», — согласился с ней Бармин, вспомнив, что в его прежнем мире право сильного зачастую заменяла власть денег, в особенности, когда речь шла о бедных странах, что, впрочем, не мешало вождям и героям делать тоже самое просто потому что они могли себе это позволить. Власть, возможность распоряжаться любым ограниченным ресурсом, — будь то лучшая роль в кинофильме или просто рабочее место в условиях острой конкуренции или тяжелой безработицы, — сила авторитета, общественное поклонение... Да мало ли механизмов воздействия, применимых, к слову сказать, не только к женщинам, но к женщинам, в первую очередь.

— Но я не все! — сказал он вслух, обдумав этот аспект жизни сильных мира сего. — Ты же меня знаешь, Варвара!

— Видимо, недостаточно! — тяжело вздохнула в ответ сестра. — Послушай, Инг. Речь не идет о том, чтобы воспользоваться своей властью. Хотя своей сеньорской властью ты, разумеется, можешь пользоваться сколько пожелаешь. Дело в другом. Они верят, и не зря, насколько я знаю, что, исполнив ритуал первой брачной ночи, ты вернешь земле ее силу, и она снова станет плодоносить.

— А их будущие мужья? Им с этим как жить?

— Обыкновенно, — пожалась роскошными плечами Варвара. — Как все живут, так и они будут. Это же нормально, если господин берет то, что и так ему принадлежит.

«Ну, да! Верно! — сообразил вдруг Бармин. — Мы только с виду похожи, но росли-то мы в разных мирах, и то, что для меня аморально, для Варвары норма жизни».

Подумав так, он решил промолчать и никак не комментировать слова сестры, но она его, по-видимому, уже успела хорошо изучить.

— В том, что ты, Инг, полон либеральных идей, — успокоила она Бармина, — нет ничего плохого. Ты хороший человек, но это не значит, что ты сможешь разом изменить устоявшиеся общественные нормы. Подобные ритуалы проводятся практически везде. И у нас в империи, и в Европе.

— К тому же, не факт, что они все еще девственницы, — усмехнулась Варвара, уловив реакцию Бармина на ее слова. — Ритуал указывает на первую брачную ночь, но ничего не говорит о невинности. Целомудрия не требуется, необходимо лишь соблюсти главное условие. И потом, если вдруг какая-нибудь из них понесет «с первого раза», ты же не станешь выяснять, твой это ребенок или нет. Поможешь материально, а там, глядишь, найдешь возможность дать вольную. Чем плохо? Парни это знают не хуже девушек. И это, заметь, все сверх основного: они все, и парни, и девушки, их отцы и деды, все верят в силу ритуала. Я, к слову, тоже верю. Ритуал древний и начинался он отнюдь не с сеньоров, а с вождей и жрецов. Так что, скорее всего, правда.

В общем-то, если иметь в виду Марену, прикинул Бармин, ей такое могло понравиться. Особенно, кровавая жертва. И все-таки, все-таки...

— Пять за одну ночь? — скептически спросил он, еще не вовсе решившись на ритуал.

— Между прочим, ты собираешься жениться на пятерых женщинах, — ехидно улыбнулась Варвара в ответ на его «стенания». — Со мной будет шесть. Вот и тренируйся!

После таких объяснений Бармину оставалось лишь согласиться и пойти челобитчикам навстречу. Поэтому практически весь прошедший день и большую часть ночи он провел в деревне Рожковский погост, куда со всей округи свезли на общую свадьбу самых лучших невест графства. Девушки действительно оказались одна другой краше и все, как на подбор

северянские блондинки старшего школьного возраста. Не знал бы, что чудь^[58], подумал бы, что русские поморы. В общем, впечатление они оставили у Бармина самое положительное. А тут еще и свадебное гуляние по языческому обряду, о каком он раньше даже не слышал, не то чтобы видеть или самому поучаствовать, вот как сейчас. То есть, все было более, чем прекрасно, но поначалу настроение у него, прямо сказать, было поганое, потому что на гульбище он приехал сразу после жертвоприношения, а это, прямо сказать, то еще испытание для человека, выросшего в совсем другой культурной среде.

* * *

Вчерашний день начался для Бармина очень рано, практически ночью. На рассвете, вернее, в предрассветном сумраке, Ингвар вышел подземным ходом к реке примерно в километре от замка вниз по течению. Получилось удобно, как раз метрах в двухстах от места встречи. В сосновом бору его уже ждали. Две крепкие девушки в легкой одежде, — короткие чуть ниже колен штаны и свободная рубаша до середины бедер, — держали на арканах здорового мужика в порванном камуфляже. Избит он был знатно, но все еще жив и способен к самостоятельной ходьбе.

— Прими подарок, князь! — склонила в поклоне голову та из охотниц, что стояла слева от пленника. На норне она говорила так себе, но удивительно, что она, вообще, так быстро научилась. А «князьями» в разговоре у нее были все, кому она подчинялась. Принцип простой: раз господин, значит князь. У них на Кавказе все так.

— Боярыня-мать просила передать, — вступила между тем в разговор вторая, у которой и язык, и культурный уровень были куда выше, — этот, — кивнула она на пленника, — и с ним еще трое приехали на вездеходе с юга, из Ярославля. Наемники, все родом с низовьев Днепра. Нанимателей не знают, работали за деньги через «черного» посредника. Вооружены были хорошо. Снайперский комплекс «Орлан» и штурмовые винтовки «Вой — 9/11». Трех, ты уж прости, господин граф, мы... — сделала она короткую паузу, чтобы подобрать подходящее слово, — запытали, этого к тебе привели.

Девушке было от силы лет восемнадцать. Молодая, красивая, и сильно похожая на свою мать Субат. Такая же платиновая блондинка, с такими же звериными глазами цвета красного янтаря, смотреть в которые страшно, но и взгляд от них не отвести, и с такой же, как у всех женщин племени, снежно белой кожей. Звали ее Хатун, и в образе барса она тоже была просто великолепна и, разумеется, смертельно опасна, не говоря уже о том, что, будучи выше матери и имея более плотное, хотя и по-женски привлекательное телосложение, оборачиваясь, она превращалась в настоящего монстра. Восемьдесят пять килограммов стальных мышц и крепких, как гранит, костей, длинные острые клыки и мощные челюсти, способные перекусить позвоночник взрослому мужчине. Субат-ханум, которую, выделив ее семье-прайду^[59] землю, Бармин сделал кавалерственной дамой^[60], специально показала ему свою дочь в обороте, чтобы он представлял себе, с кем имеет дело. Он посмотрел, представил, впечатлился и сформулировал несколько аккуратных, — чтобы не перегнуть палку и никого не обидеть, — матерных дифирамбов. Семь таких бойцов были способны держать под контролем, как минимум, весь север графства, а ведь в прайде, кроме тех двух старух, о которых ему рассказал бек Завулон алп-Тархан, подрастали три котенка, —

четырёх, шести и девяти лет отроду, — которые уже лет через десять обещали вырасти в замечательных бойцов. Увы, но за все хорошее, как и за плохое надо платить.

Племя пардусов, — таким было самоназвание оборотней-леопардов, — переселилось на выделенную им Барминым землю в конце июля, сразу, как только заключили с Ингваром формальный договор, и матриарх семьи Субат-ханум принесла Ингвару вассальную клятву. Лагерь свой они разбили у места впадения реки Кема в озеро Белое, то есть, как и предполагалось, на северной стороне озера, где на сотни километров не встретишь человеческого жилья. Завезли из Вологды транспортными дирижаблями местных лесорубов и строителей, две артели армян-каменщиков, технику и материалы и принялись энергично возводить свою крепость: дом-башню главы клана, дома малых семей, склады, хозяйственные постройки и, разумеется, производственные мастерские. Пардусы держали несколько весьма прибыльных, хотя и небольших по объёму производимой продукции, предприятий. Прежде всего, они были непревзойденными оружейниками, изготавливая, как традиционное для Кавказа и Великой степи холодное оружие, — коллекционное, богато украшенное, но при этом отнюдь не декоративное, — так и современное стрелковое. Такие же, как их кинжалы и сабли, штурмовые винтовки и охотничьи ружья в подарочном исполнении, — украшенные серебряной чеканкой, позолотой и инкрустацией перламутром и поделочным камнем, — и особые, под заказ образцы оружия, типа сверхдальнобойных высокоточных снайперских винтовок, ножей разведчика и легких, но особо прочных гражданских бронежилетов. Кроме того, у семьи было две скорняжные мастерские, кожевенная, часовая и три ювелирных. И к следующему лету предполагалось открыть в Вологде две большие лавки и чайхану в хазарском национальном стиле. Пардусы ведь официально считались хазарским кланом, но на самом деле, как этнически, так и в религиозном смысле они от хазар отличались весьма сильно, и, прежде всего тем, что были не просто язычниками, а представителями очень древней европейской традиции. Они поклонялись богине Деване^[61], которую можно, наверное, отождествлять с Дианой-охотницей. Вот тут-то и крылся подвох. Принеся Бармину вассальную присягу и поселившись на его земле, — то есть на абсолютно новой для оборотней территории, — они, исходя из своей веры, должны были, во-первых, связать себя узами «родства» с властителем, под руку которого перешли, а во-вторых, принести жертвы богине, чтобы земля приняла их, как имеющих право на ней охотиться. Частью же соответствующего обряда являлось ритуальное лишение девственности одной из девушек-оборотней. И речь шла не о фигуральном акте, а о самом настоящем.

«Боги! — подумал Бармин, услышав о предстоящем ему приключении от своей новой кавалерственной дамы. — Ну, почему здесь все сколько-нибудь значимые сакральные церемонии идут через... сношение?! Неужели недостаточно клятвы на крови?»

Но, увы, традиция требовала, чтобы он сам «освятил» таким образом новые охотничьи угодья племени и подтвердил свою власть над «телами и душами» пришедших под его руку людей. И это еще удачно вышло, что у Субат была дочь подходящего возраста и кондиций. Если бы не Хатун, пришлось бы Бармину стать еще и педофилом, потому что следующая подходящая для ритуала барышня пока еще в куклы играла, хотя, как говорят, могла уже завалить в обороте молодого бычка. В общем, воленс-ноленс он вынужден был согласиться, но, учитывая обстоятельства, договорился, что обряд они проведут уже после его свадьбы с Марией Полоцкой, то есть, после 14 октября.

Приняв пленника у девушек-оборотней, Бармин связал ему руки, набросил на шею петлю и погнал перед собой, намотав конец веревки на левое запястье. Идти с «грузом» оказалось куда сложнее, чем одному, но, подгоняя наемника тычками в спину, Ингвар довольно быстро вернулся в подземный ход, а еще через сорок минут, связав пленнику еще и ноги, спустил того на веревке на дно колодца. С этого момента мужик уже беспрерывно кричал. Ему было больно и страшно, потому что Источник не место для простых смертных, но тут уж Бармин ничего не мог поделать. Жертву следовало доставить к алтарю живой, а значит пришлось взвалить извивающегося наемника на плечо и, не обращая внимания на его истерические вопли, дотащить до алтарного зала. К этому времени Бармин нашел уже в библиотеке старинную книжку, называвшуюся «Сказки прежних времен», и внимательно прочел сказку «Три богини», в которой действительно были описаны подлинные ритуалы Мары-Марены на все случаи жизни. Так что, оказавшись у алтаря, Ингвар не стал медлить, принес наемника в жертву быстро, но четко по инструкции. Затем вознес молитву Марене и ушел, оставив труп с перерезанным горлом лежать прямо на алтаре. По опыту прежних посещений алтарного зала, он знал, что к следующему визиту от трупа не останется и следа. Каким-то образом Марена всегда забирала приношения Бармина будь то кролик, которого он принес в жертву богине, или золотые монеты, оставленные рядом с жертвенником. Богиня забирала дары и даже изредка давала знать, что довольна. А на этот раз и вовсе расщедрилась, прошептав Бармину на ухо:

— Молодец.

«Молодец-то молодец, — вздохнул мысленно Бармин, — но в этом мире, не замарав рук, ни одного нормального дела не сделаешь... Вопрос лишь в том, мое ли это дело?»

Если разобраться, у него было несколько отличных возможностей соскочить. Даже просто взять котомку, с которой прибыл в Надозерье, и уйти куда глаза глядят. Мог и позже, получив дедово наследство. Отойти в сторону и забыть про все эти титулы и сраную «игру престолов». Но не зря говорят, коготок увяз, всей птичке пропасть. И сам не заметил, как втянулся. А потом уже поздно стало что-либо менять. От титула не отречься, а, сказав «А», надо продолжать, даже если после «Б» появится «В» и все остальные буквы русского алфавита. Признал благословение богини, изволь соответствовать!

Бармин покинул подземелья, принял душ, позавтракал и отправился в Рожковский погост. Там уже начались свадебные торжества, и он не хотел опаздывать. Кортёж промчался по шоссе, свернул на дорогу местного значения и в деревню прибыл как раз тогда, когда невесты, — все еще с заплетенными девичьими косами, — вышли к женихам и гостям. Наступало время обмениваться подарками, и это было очень кстати, поскольку Ингвар тоже пришел на свадьбу не с пустыми руками: каждой невесте подарил по паре золотых сережек с камешками, пусть маленькими, но зато чистой воды, по сто рублей золотом и по отрезу крепдешина на платье, женихам тоже по сто рублей и по отрезу хорошей костюмной ткани, всему обществу, чтобы хорошо гулялось, бочонок старки и бочонок сладкого вина, а детворе — шоколадные конфеты.

Потом женихи заплатили отцам выкуп за невест и, взяв девушек за руки, повели вокруг примыкающего к деревне озерца. В общем-то, по традиции достаточно было троекратно

обойти воду, и все, собственно. Окружены. Но ритуал есть ритуал, и по возвращении с прогулки, началось расплетание кос. Заплетали на рассвете подруги, — под дружный плач и грустные песни, — а расплетать взялись молодые мужья и их друзья. Кто-то из девушек при этом всплакнул, а кто-то, напротив, не мог сдержать торжествующей улыбки. Люди очень по-разному воспринимают одни и те же события. И, если для одной женщины свадьба — повод взгрустнуть о девичестве, для другой — это причина почувствовать себя взрослой и счастливой. А еще удачливой, потому что, как объяснили Бармину староста деревни и местный волхв, на долю именно этих девушек выпало великое везение отдаться в первую брачную ночь самому господину графу и тем усилить свой род и вернуть земле плодovitость.

«Ну, что ж, — решил Ингвар, наблюдая за церемонией совместного поедания карая, — раз они так думают, то кто я такой, чтобы читать им мораль?»

Между тем, к нему подошла одна из деревенских старух и шепнула, что надо бы господину графу пройти в шатер, потому как, первую из молодых жен скоро уже станут провожать на брачное ложе. Бармин кивнул женщине и пошел за околицу, где его люди разбили сразу по приезду большой походный шатер, в котором, разумеется, все было устроено как раз для первой брачной ночи, — угощения с яствами с графского стола, ванная и огромная кровать, застеленная шелковым бельем, — хотя, на самом деле, солнце сейчас едва добралось до перелома. Однако первая брачная ночь не терпит суеты и торопливости, а невест целых пять, так что по совету волхва решено было начинать с полудня, а дальше уж как пойдет.

Бармин прошел в шатер, прислушиваясь к звукам, доносившимся из деревни. Гармошка, хоровое пение, здравницы, — видно, подняли уже первые чарки за здоровье новобрачных, — и переключка мужских голосов. Слов было не разобрать, но Ингвар догадывался, что это звучат подначки и скабрзные шутки, отпускаемые друзьями жениха, провожающими молодых на брачное ложе. А значит, пора было переодеваться. Бармин скинул костюм и рубашку, снял белье и надел на голое тело длинную белую рубаху вроде ночных сорочек, в каких, говорят спали и мужчины, и женщины еще каких-то полста лет назад. Не то, чтобы рубаха эта понадобится ему в постели, — скорее, если от нее не избавиться, то будет мешать, — но по обычаю встретить девушку следовало, будучи формально одетым. Вот он и оделся. Потом от нечего делать, выпил толику коньяка и хотел было закурить, но мужские голоса приблизились и раздались неожиданно уже совсем рядом, полог, служивший в шатре второй дверью, отодвинулся, и из тамбура прямо в объятия Ингвара влетела раскрасневшаяся девушка. Видно кто-то переусердствовал и, следуя традиции, ее просто втолкнули в шатер силой. Получив такой мощный импульс, девица могла упасть и, несмотря на то, что пол был устелен толстым ковром, что-нибудь себе подвернуть. К счастью, Бармин не сидел в кресле, а стоял на ногах, вот и поймал. И раз уж так вышло, прижал к себе, ощущая даже через ткань ее платья и своей рубахи жар молодого здорового тела и упругое прикосновение груди. Погладил по спине. Спросил:

— Испугалась?

— Нет, — невнятно буркнула она куда-то ему в живот, очень уж большой оказалась разница в росте.

Сообразив, что это не дело, Бармин подхватил девушку под зад и поднял так, чтобы смотреть ей в лицо.

— Тебя как звать, красавица?

Девушка была симпатичной, но красавицей ее вряд ли можно было назвать. Впрочем, очарование юности, краска, залившая ее лицо и шею, широко распахнутые васильковые глаза, — все это делало ее на редкость привлекательной в том самом первоначальном смысле слова.

— Окша, — смотрела она, однако, на Бармина без страха. Скорее, с любопытством и неким неярко выраженным чувством опасения.

— Тебя можно поцеловать, Окша? — спросил Ингвар, и, наверное, это был правильный вопрос, потому что девушка сначала рассмеялась, — ну в самом деле, что за вопросы задает господин граф, если она сюда, вообще-то, трахаться пришла, — а потом сама впиалась в губы Бармина таким страстным поцелуем, что он даже испугался. Очень уж заводное было чувство, легко подхватываемое и способное сорвать, к чертовой матери, эти гребаные тормоза. Но не сорвало, слава богам. Не прерывая поцелуй, Бармин аккуратно перенес девушку на кровать и только тут оторвался от ее губ, чтобы освободить от платья и трусов. Лифчика, как ни странно, на ней не оказалось, и не потому, наверное, что в деревнях их не носили, — вторая половина двадцатого века на дворе, — а, скорее всего, по умыслу. Окша хотела показать господину графу, какая у нее выдающаяся грудь. Честно сказать, для ее роста, — где-то метр с кепкой, — сиськи у девицы оказались действительно зачетные. Мало того, что полноценный третий номер, так еще и упругие настолько, что стояли торчком, а не висели под действием силы тяжести.

— Ты потрясающая! — честно признал Ингвар и следующие час с четвертью терпеливо и последовательно, заботясь прежде всего о девушке, превращал ее в женщину.

Получилось более, чем хорошо. Девушка, как и планировалось, лишилась невинности, а Бармин, совершенно этого не ожидавший, получил море удовольствия. Расстались тепло и нежно. Новоиспеченная женщина выпорхнула из шатра, где ее тут же подхватили подруги, чтобы увлечь в очередной хоровод с хоровым исполнением народных песен, а Ингвар принял душ, переоделся и, бросив взгляд на то, как слуги перестилают постель, вышел к народу. Люди встретили его радостными криками, — видимо, это было ровно то, что от него ожидали, — усадили на почетное место, налили старки и предложили закуски. Ингвар взял кусок жареной курицы, ломоть пшеничного хлеба и жменью квашеной капусты и, выпив под очередную здравницу, принялся за еду.

В следующие десять часов, то выходя к народу, — застолье длилось до полуночи, а игры и танцы, как ему позже доложили, и вовсе продолжались до утра, — то возвращаясь обратно в шатер, Бармин последовательно отымел еще четырех девушек, одну даже дважды, выполнив, таким образом, свой долг перед богиней, землей и своими холопами. В конце концов, ему это даже понравилось, так что он подумал, что, если по какой-либо причине его снова призовут исполнить свой сакральный долг перед родиной, он не станет больше ерепениться. В конце концов, если им это нравится, то почему он должен волноваться по поводу того, что использует свое положение в корыстных целях? Ведь ни одна из пяти девушек не только не выказала нежелания участвовать в этом религиозном «мракобесии», но напротив, все они явно гордились выпавшей на их долю честью. И в этом смысле, особенно интересными оказались девицы под номером три и четыре: льняная блондинка Натку, попросившая, смущаясь, отыметь ее «по-господски», и светло-русая Фекла, прямым текстом предложившая Ингвару, *«продолжить так хорошо начавшиеся отношения»*. Первая поставила Бармина в тупик, поскольку он не знал, чем именно, по ее мнению, должен отличаться господский секс от холопского.

«Камасутру ей что ли показывать?»

Однако аккуратные расспросы озадачили его еще больше, поскольку под «господским» подразумевался, оказывается, банальный анальный секс. Бармин, видимо, по простоте душевной считал, что простой народ ближе к природе и, в отличие от интеллигентов, не сильно заморачивается вопросом, *куда вставлять*. Тем более, если не торопится плодиться и размножаться. Но оказалось, что он не прав, потому что здесь именно что жили по заветам предков, а предки сосредотачивали свое внимание как раз на вопросах размножения. Что же касается Натку, то выяснилось, что бабушка рассказывала ей по секрету, что был у нее по молодости грех с покойным графом, и вот тогда...

«Это что, мой драгоценный дедушка тоже растлевал тут крестьянок?» — «ужаснулся» Бармин, но просьбу красавицы все-таки исполнил, оттого и получилось дважды, ведь сначала, как говорится, дело, удовольствие — потом.

Что же касается Феклы, Бармин, если честно, задумался. Девушка была действительно хороша и к тому же готова к экспериментам. Поэтому Ингвар сказал, как есть. Он не против, но явно не сейчас, когда у него одна за другой намечаются четыре свадьбы. Однако зимой, в особенности, если жены разъедутся по своим имениям, он ее пригласит. И, если она не залетит до тех пор и не передумает, возьмет ее в замок. На том и расстались.

2. Двадцатое сентября 1983 года

— Что скажешь?

А что сказать? Жаловаться, вроде бы, не на что. Радоваться причин пока тоже нет. Ритуал завершен, а как там все будет дальше, покажет только время. Может быть, все вокруг теперь зацветет и заколосится от немереного счастья и благословения богини, а, может быть, и нет.

— Было познавательно, — сказал он вслух.

После завтрака и оперативного решения неотложных дел, они с Варварой уединились по традиции в его кабинете для «совершенствования в родовой магии». Но позаниматься не получилось.

— Девки-то хоть ничего были? — уточнила свой вопрос Варвара, разливая по чашкам кофе из принесенного слугой кофейника.

— Я одного не понимаю, — Бармин, следует сказать, этого действительно не понимал. — Ты ревнуешь, завидуешь или проявляешь солидарность?

— Всего понемногу, — признала Варвара через пару мгновений, потребовавшихся ей, по-видимому, чтобы обдумать вопрос. — Завидую, если честно. Вам, мужчинам, можно практически все, чего нельзя нам.

«Права, что тут скажешь!» — согласился Бармин, пригубив кофе.

— Заведи любовника, — сказал он вслух.

— Ага, ага! — покивала на это предложение Варвара. — Это ты сейчас так говоришь, пока все в теории, а дойдет до дела, так, небось, по стенкам от ревности станешь скакать.

— Есть такое дело, — согласился Бармин. — Буду. Но, если тебе из чувства справедливости потребуется любовник, не стесняйся. Ты в своем праве.

Бармин не лукавил. Он знал, если Варвара ему изменит, он на нее обидится и будет, разумеется, переживать, но лишать ее из-за этого свободы выбора было бы неправильно. Нечестно и несправедливо.

«Пусть делает то, что сочтет нужным».

— И еще я ревную, — сказала вдруг она. Тихо, почти шепотом, но он услышал. — Ко всем, Инг. Буквально ко всем. К Еле ревную, к Ольге и Марии, к Дарене. Даже к этой шведской сучке с которой ты еще ни разу не спал.

— С Дареной я тоже пока не спал, — уточнил Бармин.

— Неважно! — отмахнулась Варвара. — Все равно они есть, и от этого никуда не денешься. К этим вчерашним говнюхам тоже ревную.

— Ты же сама мне сказала, что я должен это сделать, чтобы вернуть земле силу.

— Сказала. Должен. Все правильно, — не стала спорить с фактами женщина. — Я тоже должна. Лена должна, Дарена должна. У нас у всех долг друг перед другом. А еще перед предками и перед потомками. Всем мы что-нибудь да должны, и от этого просто тошно.

— Что-то случилось? — прямо спросил он, почувствовав ее, мягко говоря, минорное настроение.

— Случилось, — кивнула Варвара. — Послезавтра ты женишься, а я выхожу замуж.

— Ты же знаешь, что это ничего не изменит, — возразил Бармин.

— Еще как изменит, — покачала она головой. — Мне придется переехать к мужу в Устье. Вроде бы недалеко, сможем видаться, но уже не каждый день. А, может быть, даже не каждую неделю. Есть же семейные дела, необходимые визиты, чтобы соблюсти политес. Потом забеременею и, вообще, стану невыездной.

— Я тебя буду навещать, — улыбнулся Ингвар.

На самом деле, он ее отлично понимал. Свадьба — это серьезно. Обязательств будет в пять раз больше, чем сейчас. А может быть, даже в десять раз больше. Жизнь изменится, но уже поздно об этом сожалеть. А секс... Что ж, в этом смысле он сорвал джек-пот. Женщин у него много, а может быть и еще больше. Вот только времени на развлечения нет. На сон и то в день часа три-четыре остается. Ну, хорошо, он физически крепкий малый, и организм, — тьфу, тьфу, тьфу! — работает, как часы. Ему пока этих трех часов сна за ночь вполне хватает, но что будет потом?

«Потом суп с котом! — остановил он себя. — Вот, когда оно наступит это „потом“, тогда и стану думать, что там и как. А пока, друг Бармин, живи и радуйся!»

— *Я тебя буду навещать*, — пообещал он.

— Будешь конечно! — отмахнулась женщина, словно, он глупость сморозил. — Куда ты денешься! И кстати о солидарности. Серьезно, как они тебе? Я имею в виду этих крестьянок.

— В чем тайный смысл твоего вопроса? — насторожился Бармин.

— Ни в чем, — усмехнулась в ответ Варвара. — Я так поняла, что ты не переутомился и не заболел. Напротив, судя по твоей эманации, ты в хорошем расположении духа, просто светишься, и жалеешь, я думаю, только о том, что их там было всего пять, а не десять.

— Про десять — это ты хватила! — засмеялся Бармин, попытавшись свести этот неприятный ему лично разговор к пошловатой шутке. — Меня бы вперед ногами тогда вынесли. Да и не осилил бы я такой марафон.

— Возможно, но не факт. И вот тебе еще одна мысль на обдумывание. Не каждая женщина способна вынести твой темперамент, Инг. Лена, ты же знаешь, марафон не потянет. Мария кстати тоже. Ольга, как я понимаю, оказалась из нас самой выносливой, но любовь, Инг, это не только секс до потери сознания. Напротив, законную жену мучать сексом не следует, и, если она хочет отдохнуть, а любая из нас наверняка захочет, ты, как хороший муж и правильный мужчина, не должен настаивать. А у тебя от природы аппетит, который рос натроих, а достался одному, и это тоже факт, с которым надо считаться.

В общем-то, она была права. Мало того, что Бармин мог много и долго, он еще и хотел чаще, чем мог себе позволить.

— Что ты предлагаешь? — спросил вслух, понимая уже, что шутка не удалась, и логично предполагая, что Варвара не стала бы поднимать этот вопрос, если бы ей нечего было сказать.

— Предложения потом, — остановила она Бармина. — Есть еще кое-что, что тебе следует знать, чтобы не наломать дров.

— Что конкретно?

— Из достоверных источников стало известно, что позавчера наша Маша устала даже быстрее обычного и вырубилась «на полуслове».

— Было такое, — подтвердил Ингвар. — И что с того?

— А то, что, оставшись без партнерши, ты отправился за добавкой к Ольге.

— Извини, надо было конечно к тебе... — поморщился Бармин, предположив, что это первый, но отнюдь не последний случай, когда женщины не смогут его поделить.

— Да, не в этом дело, Инг! — покачала Варвара головой. — Я веду к тому, что даже сейчас, когда мы тут прелюбодействуем, как хотим, это выглядит не слишком хороша и где-то даже обидно, а когда поженитесь, это уже будет совсем невозможно. Если не договаривались заранее о свальном грехе, как тогда, когда мы с тобой распечатывали Машку, то собственную жену по определению надо уважать. И одну, и другую.

— То есть, две за ночь нельзя, — усмехнулся Ингвар, поймав наконец идею. — Извини! Больше повторится!

— Ты бы дослушал до конца, что ли! — возмутилась Варвара.

— А это разве еще не все?

— Нет, конечно!

— Слушаю тебя внимательно.

— От одной жены идти к другой не комильфо, а вот наложницу приласкать отнюдь не моветон.

— Наложницу? — недоверчиво переспросил Бармин. — Какая, на хрен, наложница, Аря, если у меня будешь ты и еще пять жен?

— Не обольщайся, Ингвар! — покачала головой женщина. — Шведка быстро отсюда испарится. Поживет немного, «справит медовый месяц» и свалит. У нее там в Швеции своя жизнь, и даже, если не будет блядовать, все равно жить с тобой на постоянной основе не сможет, да и не захочет. Не привыкла она к этому. Зато захочу я, но, увы, не смогу по объективным причинам. Стрельба когда-нибудь утихнет, жизнь наладится, начнутся взаимные визиты. Пригласит тебя к себе поохотиться, скажем, князь Белозерский. Со мной поедешь?

— Продолжай, — кивнул Бармин, начиная понимать, о чем Варвара ведет речь.

— Вот и представь. Ульрика Катарина в Швеции или во Франкию на неделю моды улетела. Я с мужем у Вяземских гощу. Ленка, допустим, беременна на поздних сроках, Машка, предположим, тоже. Дарена поехала навестить отца и сестер, и ты остался с одной Ольгой, если, по случаю, у нее не начались как раз в этот момент гребаные месячные. Что станешь делать?

«Какая трогательная забота о моем здоровье!»

— Предлагаешь, завести на такой случай наложницу или двух?

— Можно наложницу, а можно решить проблему по-другому.

— Как? — закономерный вопрос, ответ на который Бармин, вообще-то, знал, но ему было любопытно, что скажет Варвара.

— Тебе камердинер нужен? — чуть улыбнулась женщина. — Нужен. Возьми из крепостных, сговорчивее будет. Жени на красивой девке и назначь ее, скажем, выездной камеристкой. Если правильно расставить акценты, то у тебя всегда под рукой будет правильная женщина.

Что поражало Бармина в такого рода рассуждениях, так это то, что даже такая продвинутая, современная и образованная женщина, как Варвара, ни разу не усомнилась в том, что «у мужчин есть потребности». Здесь, в этом мире, все еще не произошло феминистской революции, и о потребностях женщин еще не начали говорить в полный голос, а может быть, и не начнут. Магия и дисбаланс в рождении мальчиков и девочек не позволяют. Таковы факты.

— С моральной точки зрения выглядит не очень, — признался Бармин, которому это средневековые все еще казалось чуждым и непонятным.

— Зато не будешь спать один, что важно с физиологической точки зрения, — улыбнулась Варвара. — Но это так — мысли вслух. Просто материал для размышления...

Возможно, и даже скорее всего, этот весьма любопытный разговор на актуальную тему продолжался бы и дальше, но их неожиданно прервали. Зазвонил телефон, и с коммутатора сообщили, что на проводе думный дьяк Иноземного приказа князь Шепетнев.

«А этому что вдруг понадобилось?» — удивился Бармин, но, разумеется, приказал соединить.

Из разговора с замминистра Иностранных Дел выяснилось, что беспокоит он Ингвара по крайне важному и не менее щекотливому делу. Поступил запрос от посольства королевства Швеция в Новгороде. Шведы запрашивают разрешение на прямой беспосадочный перелет конвертоплана тяжелого класса «Stormfågel»^[62] из Стокгольма в Шексну. Оказывается, со вступлением в брак Ингвара хочет поздравить представитель шведской короны Густав Фредерик граф фон Ашеберг.

С Ашенбергом Бармин знаком не был и в родстве не состоял, а интерес к нему королевского дома Швеции на данный момент был слабо мотивирован, поскольку никакого официального объявления о предстоящей помолвке с кронпринцессой сделано пока не было. Подумав об этом, Бармин спросил князя Шепетнева, не предоставили ли тому случайно список входящих в делегацию лиц, и не слишком удивился, когда узнал, что в состав делегации входит пилотирующая конвертоплан капитан-лейтенант ВМФ Королевства Швеция баронесса Эбба фон Кнорринг.

«Инкогнито, значит? — мысленно усмехнулся Бармин, предполагавший, что у кронпринцессы наверняка есть еще несколько имен и титулов и что на флоте она вряд ли служила под своим настоящим именем. — Вот же любопытная баба!»

— Хорошо, — согласился он с очевидными фактами, — разрешайте перелет, а я позабочусь о приеме гостей.

— Что там? — спросила Варвара, когда Ингвар положил трубку на рычаги.

— Да вот, — хмыкнул Бармин, — не было печали, так черти накачали.

— А если конкретнее?

— К нам едет ревизор!

— Кто, прости? — не поняла сестра.

— Кронпринцесса шведская Ульрика Катарина инкогнито.

— Серьезно?

— Куда уж серьезнее, — тяжело вздохнул Бармин. — Решила, видно, сама со всеми перезнакомиться и посмотреть, кто, есть кто, в моем окружении.

— Вот черт! — выругалась Варвара. — Когда?

— Сегодня ночью.

— Мило, — покачала головой Варвара. — Вопрос, как мы их разместим?

— Ну, это я думаю решаемо, — успокоил ее Бармин. — Поможешь мне?

— Конечно помогу. Что делать?

— Прежде всего, поговори с Ольгой и Еленой. Одна из них, пусть сами решают, кто может сразу перебраться ко мне, а вторую возьми к себе. В эти апартаменты поселим Ульрику Катарину и официального главу делегации графа фон Ашеберга. Остальных поселим в Зимнем крыле Старого дворца. Поговори с кастеляном замка. Пусть Михаил Семёнович распорядится. Поставить в бывшем бальном зале шатер, оборудовать полевые туалет и душевую. На пол ковры, мебель походная. И места там достаточно.

— Хорошая идея! — похвалила Варвара. — Пойду, пожалуй. Займусь твоими поручениями.

— Спасибо! — поблагодарил Бармин, и на этом разговор закончился.

1. Двадцать первое сентября 1983 года

В результате, шведы прилетели не ночью, а на рассвете. Бармин, знавший расписание полета, был уже ногах, тщательно одет и выбрит и даже успел выпить чашечку кофе. За посадкой конвертоплана в Лютчике, — на площадке, находившейся в трех километрах от замка и в километре от центрального района Шексны, — он наблюдал из автомобиля. Принцесса, если, разумеется, за штурвалом находилась именно она, приземлила тяжелую машину, как легкий вертолет, практически без толчка, так что ее едва-едва качнуло на амортизаторах. Автомобиль Бармина и машины кортежа тут же двинулись к конвертоплану, но там и ехать-то было всего ничего. Несмотря на габариты шведского аппарата, в целях безопасности посадку произвели на площадке городской вертолетной станции, которая отнюдь не поражала своими размерами. Впрочем, пока ехали, шведы успели открыть люк и стали выдвигать телескопический трап.

«Что ж, пойдём посмотрим, кто к нам пожаловал», — Ингвар вышел из машины сразу после ее остановки и в сопровождении двух телохранителей, — на меньшее число не дала добро служба безопасности, — пошел к составной железной лестнице, по необходимости заменявшей шведам нормальный трап.

Первым на бетон посадочной площадки спустился боец спецназа, — этих ни с кем не перепутаешь, — в камуфляже, каске и бронежилете с разгрузкой. За ним споро проследовали точно так же снаряженные и вооруженные штурмовыми винтовками офицер и еще двое бойцов. Это Бармину совсем не понравилось, поскольку из конвертоплана не могли не видеть, кто стоит напротив трапа. А когда один из спецназовцев повернул ствол в его сторону с требованием отойти на три шага назад, что являлось уже первостатейным хамством, Ингвар просто снес всю эту компанию вместе с трапом, ударив воздушной стеной и отправив катиться кубарем по бетонному полю.

На своей земле хозяин он, и только он может разрешить или нет присутствие вооруженных штурмовыми винтовками цепных псов чужой охраны. А он такого разрешения посольству Швеции не давал. И, более того, он, вообще, шведов на свой праздник не приглашал, а всего лишь *разрешил* прилететь, раз уж им так захотелось присутствовать.

— Новый трап доставят через четверть часа, — крикнул он, усилив громкость голоса одним из своих артефактов. — Придется подождать, господа. Выходить по одному, оружия на изготовку не брать! Увижу еще один ствол, направленный в мою сторону, и можете улетать нахрен, если будет на чем! Я не стану разбираться, случайно это вышло или нет!

На самом деле, ему страшно не хотелось ссориться. Напротив, встречая принцессу лично, он хотел продемонстрировать радушие и протянуть руку дружбы. Однако должен был поставить гостей на место, потому что спустить такое грубое пренебрежение его статусом, означало уронить лицо. И кроме того, существовала определенная вероятность того, что Ульрика Катарина решила таким образом проверить, так ли на самом деле крут ее будущий супруг, как о нем говорят. В этом случае, Бармин, тем более, не мог спустить хамство на тормозах. Леди должна четко усвоить, кто в доме хозяин, раз и навсегда.

Между тем, после его слов, возникла пауза. Сам он остался стоять, где стоял, его люди благообразно держались на некотором расстоянии позади него и ближе к машинам, а

конвертоплан и вовсе не подавал признаков жизни. По-видимому, на борту сейчас живо обсуждали возникший на пустом месте дипломатический конфликт. Но продлилась эта пауза недолго, и вскоре, не дожидаясь подачи нормального трапа, на бетон поля спустилась сама кронпринцесса Ульрика Катарина. Одна, по штормтрапу^[63] и без оружия. Она была в форме офицера ВМС со знаками различия пилота, и, оказавшись на земле, тут же пошла навстречу Ингвару. Но зато он на этот раз с места не двинулся, стоял, смотрел, ждал развития событий.

— Здравствуй, Ингвар! — поздоровалась она первой. — Извини за этот досадный инцидент. Я знала, что ничем хорошим это не кончится, но граф фон Ашеберг человек старой закалки, к тому же его до смерти запугал мой старший брат. В общем, будь я в салоне, ничего этого не случилось бы. Но я в тот момент только-только выходила из кокпита.

— Здравствуй, Эбба! — вполне радушно улыбнулся Бармин. — Инцидент полагаю исчерпанным, но предупреди своих. По случаю свадьбы я принял чрезвычайные меры безопасности, и надеюсь, что никто не испортит нам веселья. Однако следует учитывать, что нервничает не один лишь граф фон Ашеберг. У нас тут тоже у многих нервы на взводе, а мои дамы, — особенно, три из них, — девушки резкие. Если бы ударил не я, а, скажем, княгиня Полоцкая... Могла бы случиться война между королевством и империей. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Принцесса понимала.

— Я с ними сейчас же переговорю, — пообещала она. — И еще, Ингвар... Извини, что свалились на тебя, как снег на голову. Брат боится покушения и не разрешает заранее оглашать планы поездок... Я раньше, до коронации и сватовства, ходила, где хотела, делала, что в голову взбредет. Гуляла по городу с одним бодигардом... Заходила в кафе, рестораны, делала покупки... А сейчас служба безопасности шагу ступить не дает!

— Это понятно. Неизбежное зло, — пожал Бармин плечами. — Часть наших с тобой обязательств и обязанностей.

— Выяснили, — кивнула женщина, которой, похоже, инцидент тоже не пришелся по душе. — Что теперь?

— Если у тебя есть второй пилот, было бы хорошо перегнать твой борт на аэродром в Вологде. Там будет удобнее, да и эту площадку стоит освободить.

— Пилот есть, но нужен сопровождающий.

— Разумеется, — Бармин подозвал стоящих чуть поодаль мужчин, одетых в штатское. — Это Миша, — кивнул он на одного. — Миша пилот, он покажет куда. А это Гриша, — кивнул в сторону второго. — Он офицер моей службы безопасности, поможет твоим разместиться на аэродроме и обеспечит охрану периметра. Скажи своим людям, что, как только прикатят трап, можно будет выходить и выгружать вещи. Машины поданы, — указал он рукой на кортеж. — Твоя охрана может следовать за тобой, но не в полевой форме и без винтовок. Их в замок в таком виде все равно не пустят, тем более на этаж, где живу я и мои близкие. Тебя и графа мы разместим там же. Вам уступили свои апартаменты мои невесты — княжна Збаражская и княжна Кашина. Коридор охраняют мои люди. Но к себе в комнаты можешь взять столько своих телохранителей, сколько считаешь нужным. Только пусть в коридор не выходят. Чревато.

— Как я понимаю, в условиях цейтнота ты сделал максимум возможного, чтобы принять нас, как следует, — оценила принцесса его усилия. — А куда ты подевал девушек,

чьи апартаменты мы займем?

— Збаражская переселилась к моей сестре. Они подруги, росли вместе. А Кашина переехала ко мне.

— Тоже росли вместе? — съехидничала Ульрика, и Бармин с удивлением обнаружил, что, несмотря на то, что они едва знакомы, принцесса уже начинает его ревновать.

— Вроде того, — ответил он, отметив мысленно, что форма ей идет, но в вечернем платье, наверное, она будет выглядеть не хуже.

В конце концов, конфликт они совместными усилиями разрушили, не дав ему превратиться в настоящую катастрофу. Вещи из конвертоплана выгрузили, а всех четверых спецназовцев, которых смел удар Бармина, отправили на машинах скорой помощи в больницу в Вологде. Парни страдали от множественных переломов рук и ног и сильных ушибов по всему телу.

— Впечатляюще, — покачала головой Ульрика, выслушав доклад сопровождающего ее врача. — Теперь я понимаю, что ты имел в виду, когда говорил, что подготовка офицеров сильно переоценена. Какой у тебя ранг?

Большую часть охраны принцесса отослала вместе с конвертопланом, а с собой в Усть-Углу взяла только телохранителей в штатском. Ингвар ей, разумеется, ничего об этом не сказал, но, благодаря своему волшебному кольцу, увидел то, что увидел. Из шести телохранителей шведской кронпринцессы пятеро были магами не ниже шестого ранга, и один был явно выше десятого.

— Не знаю, — ответил он на вопрос Ульрики, которая приняла приглашение и ехала теперь в замок в его машине. — Ни разу не проходил аттестацию. Но, думаю, где-то в районе пятнадцатого ранга.

— Не прибедняйся, — усмехнулась в ответ принцесса. — Если учесть силу нанесенного удара, примерную плотность воздуха в стене и то, что удар снес трап, но не задел сам аппарат, ты владеешь своей силой на очень высоком уровне. Важно ведь не разнообразие приемов, а эффективность их использования.

— Возможно, — не стал спорить Ингвар. — Не знаю. Меня никто этому не учил. Я обыкновенный самоучка.

— Самоучка, — вроде бы, согласилась женщина. — Возможно, что и так. Факты, собранные нашей разведкой, подтверждают, что ты нигде никогда ничему систематически не обучался. Родился и вырос на острове за полярным кругом. Рано остался сиротой, и все, собственно. Остается конечно вероятность, что твой отец и, возможно, его друзья или даже люди, специально прибывшие на Грумант, чтобы ему помочь, занимались с тобой по особой программе, учили тебя... Это кажется трудновыполнимым, но зато хорошо объясняет твое поведение. Но вот, что я тебе скажу. Или мы действительно не знаем и не понимаем, что, на самом деле, происходило с тобой на острове, или у тебя интеллект на уровне нормальной гениальности.

«Гениальность нормальной не может быть по определению», — почти автоматически отметил Бармин, но вслух говорить этого не стал.

Гением Бармин себя не считал, и даже более того, он точно знал, что о гениальности даже речи не идет. Одаренность? Это да. Единственный раз, когда он полностью прошел Векслеровский тест на измерение интеллекта, — а случилось это, когда ему уже было сильно за тридцать, — показал 137. Выше ста тридцати, — значит, не безнадежен, — но отнюдь не сто сорок и уж точно не сто шестьдесят. Другое дело, что, помолодев, он явно

стал думать быстрее и, пожалуй, эффективнее. Может быть, теперь у него, и в самом деле, вырос коэффициент интеллекта? Или это магия на него так влияет? Все может быть.

— Увы, — ответил он принцессе. — Должен тебя разочаровать. Я не гений и не уникам. Я самый обыкновенный, Ульрика. Это факт. И знаю я недостаточно. Образования не хватает даже по таким пустякам, как этикет, не говоря уже о политике или экономике. Так что, будем смотреть правде в глаза, выдающаяся в нашей паре, — если конечно мы все-таки пара, — это ты, принцесса. А я обыкновенный середнячок. Однако в силу не зависящих от нас обстоятельств командовать, если поженимся, все равно буду я.

— Это большой вопрос? — стала вдруг серьезной Ульрика.

— Какой именно? — попытался Бармин сделать «морду кирпичиком».

— Кто в доме хозяин.

«Большой? — спросил себя Бармин и сам же себе ответил. — Возможно. И я даже знак отчего. Я просто устал быть ведомым!»

Всю жизнь, несмотря на все свои очевидные успехи, — степень, профессура, хороший заработок, — он оставался ведомым. Начальники, общественное мнение, жена и дети, мать и теща, — все они знали, чего хотят, и так или иначе заставляли его делать не то, что хочется ему, а то, что сказали они. Правительство, старшие товарищи, родня и друзья всегда, в конечном итоге, добивались своего. А он? Опутанный моральными принципами и обязательствами буквально перед всеми, начиная с родины и кончая какими-то левыми соседями, бездарными студентами и родственниками «седьмая вода на киселе», отравленный интеллигентской склонностью к рефлексии и постоянным страхом, как бы чего не вышло, он, как стало теперь более чем очевидно, не жил, а существовал. Но, получив второй шанс, — да не просто так, а с невероятными бонусами в виде магии, титула и кучи денег, — Бармин не хотел повторять ошибок прошлого. Менгден не Бармин и не уступит никогда и никому. Обещал принцессе жениться, значит, женится, — слово надо держать, — но стоит ей лишь однажды нарушить обещание, данное ему в ответ, и тут же отправится жить в Стокгольм, с ребенком, но без него. Язычество тем еще замечательно, что развестись не проблема. Было бы желание. Впрочем, кроме данного слова, есть еще брачный контракт, вернее, будет, когда они будут обсуждать условия помолвки, и вот в нем Ингвар собирался прописать свои интересы четко и однозначно, большими красными буквами. Готическим шрифтом. И подчеркнуть двойной волнистой линией!

— Не знаю, — он говорил правду и не хотел смягчать ее улыбкой или еще чем. — Не знаю, Ульрика, большой это вопрос или нет. Знаю, что это принципиальный момент, и надеюсь ты понимаешь, в чем состоит разница.

— Ответь мне, тогда, на еще один вопрос, — попросила вдруг Ульрика. — Пожалуйста! Мне это очень важно знать. Обещаю, на сегодня это последний.

— Спрашивай, — разрешил Бармин, которого неожиданно увлек этот странный разговор.

— Твоей сестре Варваре двадцать четыре года, а ее подруге Елене Збаражской — двадцать три. Это так?

— Да.

— У них у обеих великолепное университетское образование и обе закончили один из лучших лицеев северо-запада, Академию в Ниене. Образованные, воспитанные и опытные женщины, не так ли?

— Так и есть, — подтвердил Ингвар, уже сообразивший, как ему казалось, о чем его

спросит сейчас принцесса.

— Когда надо что-нибудь сделать, кто из вас решает, что делать и как?

— Я, разумеется, — пожал плечами Бармин. — Это тебя удивляет?

— Это меня смущает, — по-видимому, честно ответила на вопрос Ульрика. — И еще, пожалуй, озадачивает. Не знаю, право, что мне теперь с этим делать.

— Я тоже не знаю, — солгал Бармин. — И, увы, ничем тебе помочь не могу.

Он знал, разумеется, что она должна сделать, если хочет, чтобы они остались вместе на какой-то сколько-нибудь длительный срок, но не хотел брать инициативу на себя. В этом вопросе, Ульрике придется принимать решение самостоятельно. Все, что считал нужным, он ей уже сказал. Остальное — сама!

— Ты все время говоришь, не знаю, — заговорила женщина после короткой паузы, — но звучит это так, словно, ты приказываешь мне, не лезь! Или еще что-нибудь в этом роде. Приказываешь, а не просишь... И это именно то, о чем ты говорил тогда в ресторане. В семье должен быть один господин, и женщине не стоит брать на себя не свойственные ее природе функции.

— Это вопрос или итог твоих долгих размышлений?

Она не ответила. Молчала минуту или две, — Бармин не торопил, — потом все-таки заговорила:

— Я позволила себе лишнее, — сказала, словно, через силу. — Не пересекать границы, ведь так?

— Это самое разумное, как мне кажется.

— Но, как узнать, где проходят твои красные линии.

— Примерь на себя, и сразу поймешь.

— Значит, этап деклараций мы миновали...

— Мне просто надоело раз за разом объяснять очевидные вещи, — признался Бармин.

— То есть, ты против сближения и не дашь мне даже шанса узнать тебя лучше? — Ее интерпретация несколько отличалась от того, что он пытался ей сказать, и Бармин решил внести ясность:

— Ты прилетела сюда, сообщив о визите со вчера на сегодня, — сказал он тихо. — И это, учитывая *твои* обстоятельства, вполне нормально, поскольку конспирация — наше все! Вопрос в другом, зачем, вообще, надо было устраивать весь этот переполох? У меня завтра свадьба. Сестра тоже выходит замуж. А ты, оказывается, приехала, чтобы лучше меня узнать. Считаешь, это нормально?

Бармин говорил спокойно и, пожалуй, даже доброжелательно. Он не сердился, на самом деле. Тем более, не злился на Ульрику, потому что невозможно обижаться на чужого человека, а она, как ни крути, чужая для него и, пожалуй, слишком самостоятельная, чтобы сварить с ней кашу. Однако, даже если отбросить в сторону вполне простительный в его положении гнев, сказанное им, являлось правдой. И сейчас ему было более чем любопытно, что ответит Ульрика, ведь, если отнестись к его словам беспристрастно, он ее только что отчитал, как ребенка, хотя по возрасту сам годился ей в сыновья.

— Я... улечу сегодня же вечером.

— И этим только усугубишь ситуацию, — ведь, вроде бы, умная, образованная женщина, а несет околесицу. — Теперь, если не хочешь дипломатического скандала, тебе придется гостить у меня хотя бы до двадцать шестого, потому что двадцать четвертого я снова женюсь. Две свадьбы в один день...

2. Двадцать второе сентября 1983 года

Свадьба, — если, разумеется, все правильно организовать, — это не только большие расходы. Это так же возможность отбить свои вложения, заработав даже больше, чем потратил. Раньше Бармин этого не знал, вернее, ему даже в голову не приходило думать в этом направлении. Но здесь вам не там. Другая жизнь, другие императивы, поэтому Ингвар не сидел «на попе ровно», а трудился, не покладая рук. В течении дня двадцать первого сентября, переложив все заботы по организации свадебных торжеств на слуг и помощников, они с Варварой, Ольгой и Еленой только тем и занимались, что встречались с нужными людьми и, как бы странно это ни звучало, не только проявляли должную меру традиционного вежества, но и заключали сделки. Даже протокол о намерениях, составленный, что называется, на коленке, но подписанный серьезными людьми, мог обернуться в ближайшем будущем немалой выгодой. И самым крупным предприятием, которое родилось в замке Усть-Угла в этот судьбоносный день, стал «Союз Трех», заключенный после двух коротких встреч, состоявшихся утром и вечером, и быстрых, но результативных переговоров между теми, кого Ингвар пригласил «*сообразить на троих*». Цель возникшего товарищества заключалась в добыче нефти, которой, как известно, много не бывает. А в этом мире, — как, впрочем, и в прошлом, — в данный исторический момент сохранялся устойчивый рост спроса на углеводороды и, в особенности, на нефть.

Про Бугульму Бармин вспомнил совершенно случайно, разговарившись с Федором Северским-Бабичевым об эффективном управлении вотчинами. И вот во время этого разговора племянник императора, являвшийся по совместительству единокровным братом Ингвара, — о чем сам пока, скорее всего, даже не подозревал, — упомянул свои обширные, но бесполезные владения в районе города Бугульма. Бармину название этого города показалось знакомым, но вспомнил он связанные с ним подробности несколько позже, а вспомнив, тут же бросился изучать карты и энциклопедии. Суть дела сводилась к тому, что незадолго до эмиграции, когда его старший сын все еще учился в советской школе, Игорь Викентиевич взялся помогать ему писать эссе по географии на тему «Нефтяные богатства родины». Сам он ничего путного по этому вопросу не знал, а потому пошел в районную библиотеку и совершенно случайно наткнулся там на книгу, рассказывающую об открытии Ромашкинского нефтяного месторождения. Он тогда много чего прочитал в этой книге, и, хотя за давностью лет уже напрочь забыл большую часть вычитанных в ней фактов, отчетливо помнил карту, на которой было обозначено это месторождение, находившееся как раз в двадцати километрах от Бугульмы. Какого же было его удивление, когда обнаружилось, что в этом мире богульминскую нефть все еще не открыли и, если верить словам Федора, пока даже не ищут. Дальше — больше. Карты частных владений отнюдь не являются военной тайной, и Бармин довольно быстро выяснил, что, как минимум, часть Ромашкинского месторождения приходится на землю Федора, а другая находится на территориях, принадлежащих нескольким русским помещикам и татарским бекам. Остальное понятно. Бармин, плывший до тех пор исключительно по течению, принаравливаясь к новым обстоятельствам, но не пытаясь эти обстоятельства создавать, понял, какая ему привалила удача. И вот теперь, проделав всю предварительную работу, и

зная, что и как им предстоит сделать, и какие средства понадобятся, чтобы поднять такое грандиозное предприятие, в компанию к себе и Федору Бармину позвал еще одного своего нового родственника — будущего мужа Варвары Петра Глинского-Севрюка.

Предварительные беседы, — без географической привязки к местности, — состоялись еще раньше, и вот теперь накануне свадьбы, а вернее, за полчаса до полуночи, мужчины снова, уже в третий раз за день, встретились в кабинете Ингвара, просмотрели заранее подготовленные их адвокатами и финансовыми консультантами проекты соглашения, оперативно составили свой собственный итоговый документ, — *прелиминарное соглашение о создании товарищества с ограниченной ответственностью*^[64] «Трио», — подписали его, скрепили своими печатями, выпили за успех их неожиданного, но сулящего большие прибыли предприятия и разошлись как раз с боем часов. Начинался новый день — двадцать второе сентября 1983 года.

Впрочем, проводив компаньонов, Ингвар еще на некоторое время задержался в кабинете. Перед сном ему предстояло просмотреть еще один любопытный документ. Причем интерес Бармина распространялся не только на его содержание, но и на того, кто этот документ составил. Так уж вышло, что, после встречи на рассвете, Бармину в тот день больше не удалось поговорить с Ульрикой. С ней, правда, по очереди то прогуливались в парке, то обменивались мнениями за чашечкой кофе с пирожными и горьким шоколадом его женщины. Причем, не только «*взрослые тетеньки*», то есть, Варвара, Елена и Ольга, но и «*почти девочка, которая уже не девочка*» — Маша Полоцкая. Она, к слову, оказалась замечательным переговорщиком и отличным шпионом, невзначай выпросив равную ей по знатности гостью о ее вкусах и пристрастиях, о материнских заботах, то есть, в первую очередь о дочери, которая была ненамного младше самой Марии, о службе на флоте и предпочтениях в постели. «*Дико смущаясь, краснея и бегая глазками*», княгиня как бы советовалась со старшей подругой о том, как ей поступать в том или ином случае, то есть, просила поделиться с ней опытом и многовековой женской мудростью, которую сама она по малолетству превзойти еще не успела. В общем, Мария оказалась хитрой бестией и беспрецедентной интриганкой, о чем прежде никто даже не догадывался. Но, возможно, все дело было в том, что эти свои способности она не применяла, — во всяком случае, не применяла в полную силу, ни к Бармину, ни к его домочадцам. А вот кронпринцесса, была для нее «*мало что старуха*», так еще и конкурентка, а потому «*никто и звать ее никак*», и делать с ней поэтому можно все, что в голову взбредет.

В результате, проводив своих компаньонов по «Трио», Ингвар имел удовольствие ознакомиться с аналитической запиской, составленной княгиней Полоцкой на основе отчетов о встречах с кронпринцессой, полученных от других его невест, а также на ее, Марии, личных впечатлениях. Две страницы плотного, — в один интервал, — машинописного текста, составленного грамотно во всех смыслах этого слова. И вот, что удивительно, эта юная проныра увидела, похоже, то, на что другие более опытные наблюдатели не обратили внимания:

«*В герцогине Сконе — писала Мария Полоцкая в заключительной части своей записки, — есть сильное желание быть „слабой“ женщиной, но жизненный опыт сделал ее, прежде всего, мужчиной. Сейчас эти два начала находятся в шатком равновесии, но, по моему мнению, конфликт между ними неизбежен, а возможно, уже происходит в настоящее время. И я не берусь предположить, каким будет исход этой коллизии*^[65]».

«Славная девушка, — решил Бармин, прочтя завершающий абзац. — Прирожденный

психолог при всех своих прибабах. Надо будет проследить, чтобы поступила в университет... Хотя это теперь вряд ли возможно. Придется нанять ей профессоров частным образом. И с этим не стоит затягивать. Пусть лучше учится, чем дурью мается!»

Мысль о профессорах оказалась, однако, весьма плодотворной, поскольку Бармин вдруг сообразил, что никто не мешает ему нанять себе тоже двух-трех учителей, чтобы наконец разобраться в хитросплетениях политической жизни в империи и вне ее пределов, в истории и географии его новой/старой родины, а также в вопросах экономики и финансов, с которыми он сталкивается теперь буквально каждый день.

«Стоящая идея, — решил Ингвар, наскоро обдумав возможные варианты. — И чего это я до сих пор тупил? Я же парень молодой: только-только исполнилось девятнадцать лет. К тому же по легенде совершенно необразованный. Никто даже не удивится, если найму себе частных учителей! Экономика и финансы, политическая история, геополитика и... — задумался на мгновение. — И, пожалуй, что-нибудь вроде введения в искусство войны».

Чем должно было быть это последнее, Бармин пока не знал, поскольку никогда не служил в армии и очень приблизительно представлял себе характер обучения в профильных учебных заведениях. Однако, почерпнув кое-какие подробности из кинофильмов и книг, он кое-что о военной науке все-таки знал. Поэтому, прежде всего, подумал о каком-нибудь военном пенсионере в звании полковника или даже генерала, преподававшем до отставки в одном из столичных, — имея в виду Новгород, Ниен и, возможно, Псков, — военных училищ или бери выше в одной из новгородских военных академий: «Генерального Штаба», «Тыла и Транспорта» или «Командного Состава Сухопутных Войск». При этом ему не нужен начальник кафедры тактики и оперативного искусства. Бармину достаточно заполучить рядового преподавателя одной из подходящих по контенту кафедр.

— Хочу открыть домашнюю школу, — поделился он своими планами с Ольгой. — Три-четыре профессора, два-три дня в неделю, во вторую половину дня. Скажем, от ужина до отбоя. Что думаешь?

— Отбой в котором часу?

— В полночь.

— Что будем изучать? — Ольга не удивилась или попросту не подала виду.

За прошедшие месяцы она довольно сильно изменилась. Не она одна, но у Ольги изменения были наиболее очевидны. Варвара и Елена лишь обрели возможность быть самими собой. Открыть наконец то, что каждая из них прятала от враждебного им мира, будь то собственная родня или князь Глинский, «подруги» и «друзья» по лицу и университету и прочие все. Но кем бы они ни представлялись окружающим, они обе являлись уже сформированными личностями, женщинами, имевшими в душе крепкий стержень. Жить им с этим было трудно, но, как только появилась возможность сбросить «лягушачью шкурку», все стало на свои места. Оттого, должно быть, они и смогли так быстро перейти на сторону Ингвара. А вот Ольга такого опыта не имела. И никакого особого стержня у нее не было. Но, пристав к Менгдену, она неожиданно, — возможно, даже для самой себя, — начала меняться, и Бармин должен был признать, что происходившие в ней изменения ему по душе. Раньше ему нравилась ее внешность, сейчас же он начал уважать и ее личность, и чем дальше, тем больше чувствовал по отношению к ней особый род привязанности, начинавший напоминать самую настоящую любовь. Но, разумеется, эта любовь отличалась от тех чувств, которые он испытывал к Варваре, Елене и Марии. Каждую из них он любил, но в каждом конкретном случае его любовь была уникальна, как

уникальны были и его женщины.

— *Что будем изучать?* — как о чем-то само собой разумеющемся, спросила Ольга.

— Собираешься ко мне присоединиться? — усмехнулся в ответ Бармин.

— Считаешь, что не надо?

— Считаю, что не помешает.

— Так что будем учить?

— Геополитику, политическую экономию, военное искусство и финансы. Впрочем, экономика и финансы — это не для тебя.

— Ну, почему же, — улыбнулась Ольга. — Если занятия будут проводить хорошие специалисты, то мне тоже не помешает обновить полученные в университете знания. А сейчас пойдем спать, завтра будет трудный день...

— Уже сегодня, — поправил ее Бармин, взглянув на часы.

— Тем более, Инг, — кивнула женщина. — Тем более!

* * *

Свадьба проводилась по, так называемой, новой, — а на самом деле, сильно укороченной, — версии древнего обряда, потому что, если делать все, как «предки заповедали», никаких сил не хватит. Не говоря уже о том, что ни у Бармина, ни у Глинских не было времени на все эти танцы с бубнами. Терпения, к слову, тоже. Поэтому начали в семь утра на площадке перед замковым хофом^[66], довольно старым, — построенным никак не позже XVIII века, — но все еще крепким языческим храмом, сложенным из потемневших от времени лиственничных бревен. Храм был небольшой, но производил сильное впечатление, как своей архитектурой, — Бармин сразу вспомнил русское деревянное зодчество в Кижях, — так и великолепной резьбой по дереву в древнескандинавском стиле.

Перед хофом, разделившись на две группы, — одна против другой, — встали две брачующиеся семьи, Глинские и Менгдены, а гости, напротив, отошли в сторону, чтобы смотреть на церемонию, но при этом никому не мешать. Первыми, по договоренности, начали Глинские. Петр с двумя друзьями, несшими каждый по богато украшенному сундучку, подошел к отцу, поклонился в пояс и попросил дозволения жениться на графине Варваре Менгден. Нестор, разумеется, разрешил и, передав Петру третий сундучок, отправил «вести переговоры» с семьей невесты, то есть с Ингваром, двумя его сводными бабушками, — баронессой Елизаветой фон Менгден и боярыней Марфой Аленкиной, — двоюродной сестрой Стефанией и добавленным для антуража Конрадом Менгденом бароном фон Лагна.

Итак, Петр подошел к семье невесты, поклонился Бармину, как старшему в роду, и попросил у него дозволения жениться на Варваре. Ингвар, разумеется, на этот брак согласился, и тогда они с Петром обменялись подписанными заранее копиями брачного контракта. После чего жених вручил Бармину свадебные подарки для невесты и ее семьи, включая чек на триста тысяч рублей золотом в качестве того, что предки-варяги называли *tundr*^[67], забыв перевести это слово на современный норн или русский язык. Затем они чисто формально согласовали место и день свадьбы, — здесь и сейчас, сегодня в замке Усть-Угла — и постановили, начать брачную церемонию тотчас.

В принципе, древний обряд бракосочетания был весьма прост и практически весь сводился к пиру, начинавшемуся в тот момент, когда жених и невеста объявляли себя мужем и женой, и длившемуся, как минимум, три дня. И еще не забыть, что зачастую молодожены на начальной стадии пира отсутствовали, так как сразу после оглашения брака, друзья новоиспеченного мужа провожали молодых на брачное ложе. Сами проводы, — с зажженными факелами в знак официального, а значит, и открытого на всеобщее обозрения начала сожителства, — могли завершиться как у двери в спальню, так и в самой спальне, если перебравшие хмельного воины хотели засвидетельствовать, так сказать, консуммацию брака. Такое, как утверждают летописи, довольно часто случалось в прошлом, но давно уже не практиковалось среди русских северян. Дело в том, что за сотни лет совместного проживания с православными, католиками и протестантами, язычники переняли у них довольно много формальных элементов брачного ритуала. Поэтому сам акт бракосочетания свершился на возвышении перед входом в храм, — своеобразной паперти хофа, — где ховгоди^[68] произнес краткую, но энергичную речь о таинстве брака, призвав в свидетели принесенных клятв богиню Вар^[69] а также Фрейра^[70] и Фрейю^[71], и, попросив Тора благословить брачный союз *«этого мужчины с этой женщиной»*, перевязал левую руку Петра и правую руку Варвары алой шелковой лентой, *«связав»* их *«воедино раз и навсегда»*.

Надо сказать, что, если не вдаваться в не имеющие значения подробности, пара брачующихся выглядела просто великолепно. Петр был одет, как оделся бы жених у православных или католиков: в черный костюм-тройку при белой рубашке с галстуком-бабочкой и лаковых штиблетах. Варвара же совместила древнюю северянскую традицию с общеевропейской модой. Она надела платье из красного китайского шелка с вытканым золотом на подоле Мьельнером^[72]. И все остальное на ней было тоже всех оттенков красного — туфли, рубиновые колье и диадема в волосах, чулки и, насколько знал Бармин, даже белье. В общем, выглядела она, — при ее-то красоте и стати, — просто замечательно, и Бармин, внимательно наблюдавший не только за церемонией, но и за гостями, перехватил немало восхищенных мужских взглядов, устремленных на Варвару Менгден, и не меньше полных ревности и зависти — женских. К слову сказать, герцогиня Сконе, одетая в парадный мундир Королевских ВМФ, тоже раззавидовалась. Но ее зависть, судя по всему, была лишена того накала страстей, которые обуревали одну из его собственных невест. Дарена свет Несторовна пока-еще-Глинская, а не Менгден, смотрела на свою будущую дважды сестру так, что, казалось, еще немного, и платье на Варваре вспыхнет факелом, да и саму ее испепелит гневный взгляд предполагаемой родственницы.

Причин тут было несколько. Во-первых, Дарена была в их компании самой младшей и казалась сущим ребенком даже по сравнению с Марией Полоцкой. И, ладно бы, только это. Но девушка очень болезненно воспринимала свою, скажем так, женскую несостоятельность. Ингвар к ней не приставал, даже не флиртовал с ней, поскольку об этом его «настоятельно попросил» лично Нестор. Возможно, Глинский перегнул в этом вопросе палку, но сделанного не воротишь. Глава могущественного клана настоял, Бармин с его требованиями согласился, предполагая, что, если инициатива будет исходить не от него, а от нее, то формально договор нарушен не будет. Однако сама Дарена тоже не проявляла в этом смысле никакой активности. То ли робела, что не странно в ее возрасте, то ли так была воспитана своей красивой, но не шибко умной матушкой. Бог весть, но, живя с Ингваром в одном доме, она не могла не видеть, какие отношения связывают Бармина и всех остальных женщин в его близком окружении. Никто же от нее не скрывался, не прятался. Все делалось довольно-таки

открыто, и, как результат, Дарена дико завидовала всем остальным невестам Бармина и, соответственно, ужасно ревновала своего *суженного ряженого* ко всем юбкам подряд. Девушка она к тому же была неопытная, не слишком образованная, если сравнивать с той же Марией, и, правду сказать, умом пошла, похоже, не в отца, а в мать. Только что красивая и молодая, но этого иной раз недостаточно, чтобы стать любимой и желанной, но этого-то она как раз и не понимала. Вернее, не понимала ее мать, сделавшая все возможное, чтобы задурить дочке голову. Впрочем, кроме «во-первых», имелось кое-что и «во-вторых». Это для всех остальных членов их маленькой недосемьи отношения между братом и сестрой Менгденами представлялись возможными и нормальными, в том смысле, что являлись неизбежным злом. Дарену же мать воспитала, как набожную христианку, которую грозный отец мало, что заставил выходить замуж по варварскому обычаю, но принудил к тому же своим решением к тому, чтобы принимать, как должное, эту *«мерзкую кровосмесительную связь»*. Она своего будущего мужа-идолопоклонника, как нетрудно догадаться, ненавидела сейчас даже больше обычного, что уж говорить о его сестре!

«Вот с кем мы еще намучаемся! — покачал мысленно головой Бармин. — Эта дура нам всем еще много крови попортит!»

«Дуру» *ейная маменька* одела в белое пышное платье с кружевной фатой, которая до времени была откинута назад, открывая красное от ревности и смущения лицо. Рядом с ней стояла Ефросинья Глинская, и что-то яростно нашептывала дочери на ухо. Было очевидно — подзуживает, накручивает, пугает всякими ужасами, и Бармин мог только догадываться, какой бред несет сейчас, — нашла, понимаешь, время и место, — эта благочестивая клуша о заповеди господней «Плодитесь и размножайтесь» и способах ее *«кошерного»* исполнения, о бесовстве язычников и сраме господнем, творимом этим богопротивным Менгденом, *«возлеглим вопреки запрету на кровосмешение со своей родной сестрой»*. Увы, это не было одной лишь его фантазией, все это подслушали и доложили кому следует замковые слуги. Впрочем, сама Дарена неоднократно выдавала подобные пассажи — пусть и в более мягкой форме, — в присутствии самого Ингвара и его женщин. И дело не в том, что она не стеснялась и нарочно хамила людям, с которыми ей еще жить и жить, а в том, что Дарена Глинская не понимала, что творит. Ума не хватало, наверное, не говоря уже о дурном воспитании.

Опасения Бармина, что просто не будет, начали оправдываться еще во время церемонии, потому что эта дуреха не нашла ничего лучшего, как надеть на грудь здоровенный золотой крест, что выглядело на языческой свадьбе несколько странно. Однако это были всего лишь цветочки, ягодки пошли потом, когда оказалось, что Ефросинья Глинская притащила на свадьбу православного попа и потребовала явочным порядком, — без какой-либо предварительной договоренности с Барминым, — чтобы священник засвидетельствовал брак. Но, если с крестом в вырезе декольте Ингвар смириться мог, — это было неприятно, но терпимо, — то проведение дополнительного обряда просто выходило уже за рамки приличия, и, более того, являлось откровенным оскорблением.

Ингвар посмотрел сначала на офицера охраны:

— Кто пустил?

— Княгиня сказала, вы разрешили, — смутился офицер, понявший уже, верно, что его попросту обвели вокруг пальца.

«Идиот!» — ругнулся мысленно Бармин.

— Понятно, — сказал он вслух и перевел взгляд на наливавшегося дурной кровью

Глинского. — Нестор Изяславович, будьте любезны объясниться!

Но до объяснений дело не дошло, потому что священник, как позже выяснилось, был ненастоящий. Ряженный он был, и ему, судя по всему, только и нужно было, что оказаться рядом с графом Менгденом. Бармина спас инстинкт, причем, не его собственный, — свой он задействовать, к сожалению, не успел, — а Марии Полоцкой. Не зря она проходила подготовку в клановом спецназе. Стояла сейчас вместе со всеми гостями, рядом с отцом, смотрела на церемонию и, как оказалось, видела не только то, что этот хренов ассасин желал показать широкой публике, но и многое другое. Соображала быстро, реагировала сразу и, не колеблясь, била насмерть. Наемный убийца только-только достал из-под рясы какой-то неизвестный Ингвару атакующий артефакт, а Мария уже нанесла удар. Мнимому священнику напрочь снесло голову, густо забрызгав при этом кровью белое платье его новоиспеченной супруги. Дарена заорала, ее мать подхватила, но Ингвар не дал разгореться панике. Он уже привычно взял ситуацию под контроль и начал распоряжаться. Заткнул подвывающую Дарену и передал ее на попечение камеристки, но, разумеется не той, что приехала с Ефросиньей Глинской, а своей, служившей в его замке и, соответственно, подчинявшейся, в первую очередь, самому Бармину.

— Проводи, Дарену Несторовну к ней в апартаменты. Пусть примет душ, переоденется... и, знаешь, что, влей в нее, пожалуйста, полстакана коньяка! Если надо, силой. Все, ушли!

Затем настала очередь Нестора.

— Нестор Изяславович, — вежливо обратился к нему Ингвар, — займитесь, пожалуйста, своей супругой и выясните, если не сложно, откуда взялся этот поп. Это самое важное, поскольку иначе за нее возьмется имперская служба безопасности. Прослеживается возможность соучастия, а оно нам надо?

По изменившемуся лицу Глинского, Бармин понял, что Нестору *«оно не надо»*, а значит, князь выбьет из своей дуры-жены все необходимые подробности. Даже если придется сечь нерадивую жену розгами.

Между тем князь «отмер», взял себя в руки и сказал то, что обязан был сказать прежде всего:

— Приношу самые искренние извинения, — с трудом выговорил он невероятные слова, — от себя лично и от всего клана Глинских. Официальное письмо с печатями и моей подписью пришлю завтра.

Что ж, все правильно. Мало того, что Менгдену нанесено оскорбление из тех, за которые еще лет сто назад виновницу, будь она хоть трижды княжеская жена, убили бы на месте, — так Ефросинья Глинская, не иначе как по глупости, оказалась пособницей покушения, не увенчавшегося успехом лишь по чистой случайности.

— Ваши извинения приняты, — произнес он вслух традиционную формулу, снимающую возникший было конфликт.

— Спасибо, — устало ответил князь и, взяв в охапку свою провинившуюся жену, пошел прочь, а Ингвар занялся другими насущными делами.

Отдал распоряжение охране, кивнул Ие Злобиной, начавшей экспресс-опрос свидетелей, извинился перед гостями и, пригласил всех к столу. Так что пир, хоть и начался с некоторой задержкой, но все-таки начался, и дальше все шло по плану, ровно и без осложнений. В отсутствие Дарены, Ингвар принимал поздравления и подарки сам, хотя с удовольствием передоверил бы эту честь своей супруге. Однако единственная на данный

момент законная жена появляться на почетном месте за столом отнюдь не спешила. Так что, в конце концов, ему пришлось пойти к ней самому.

«Как там? — вспомнил он по случаю поговорку из своего прежнего мира. — Если гора не идет к Магомеду, Магомед идет к горе? Но ты, деточка, не гора, и я научу тебя, как *родину любить!*»

На самом деле, он был зол. Дарена со своей тупой маменькой умудрились-таки испортить так хорошо начавшийся праздник. А все потому, что он все время спускал им их мелкие гнусности. Девочка-де молоденькая еще, не ведает, что творит. Но, если люди не понимают по-хорошему, то придется попробовать по-плохому. Ингвар быстро прошел по лестницам и коридорам замка и уже через пятнадцать минут стоял перед апартаментами Дарены. Постучал, подождал, толкнул дверь и вошел. В небольшой гостиной царил ужасающий разгром, — здесь явно не обошлось без применения силы, — и камеристка с расцарапанным в кровь лицом и синяками под глазом и на скуле безуспешно пыталась навести в комнате хотя бы видимость порядка.

— Она там? — кивнул Бармин на дверь в спальню. — Да, не кланяйся ты! Там?

— Да, господин, — опустила очи долу несчастная женщина.

— На теле, небось тоже синяки?

— Все нормально, Ваше сиятельство. Барышня просто...

— Иди к себе, приведи себя в порядок, — сказал тогда Бармин. — С меня вира за издевательство и побои, десять рублей. Иди, я сам разберусь.

Женщина постояла мгновение, как если бы не понимала, что он от нее хочет, но потом подхватила и опроретью бросилась вон. Бармин дождался, пока за ней захлопнется дверь, запер ее на засов и пошел ко второй двери. Постучал, подождал, но ответа не было. Постучал снова, но и на этот раз ничего не произошло. Поэтому он просто вышиб дверь и вошел в спальню. Здесь тоже царил разгром, а Дарена в одном белье лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Плечи ее мелко подрагивали. Вероятно, она плакала.

«Истерика? Вполне возможно, но я ей не психиатр, — решил Бармин, постояв с минуту рядом с кроватью и слушая глухие всхлипывания, едва доносившиеся сквозь подушку. — Психиатр, извините, уже полгода, как мертв. А граф Менгден лечит женские истерики несколько иначе!»

— Дара! — позвал он, но девушка никак на это не отреагировала.

— Дара, встань и повернись ко мне лицом! Я повторять не буду! — предупредил Ингвар, но она проигнорировала угрозу, и тогда он поднял ее с постели силой, развернул и бросил на стену, прижав спиной к гобелену.

— Когда я что-то прошу, ты должна это делать, — сказал он ровным голосом, рассматривая ее зареванное, опухшее от слез лицо и широко распахнутые от страха глаза. — Когда я приказываю, ты делаешь то, что сказано, не раздумывая. Ты поняла?

— Я... Что ты?.. Да, как ты смеешь?

— Вижу, ты не поняла, — покачал он головой. — С сегодняшнего дня я твой муж и господин. Закон запрещает тебе искать помощи у отца или других родственников. Тем более, когда ты оскорбила мужа непослушанием, его веру — презрением, брачные обеты — кощунством, и кроме того участвовала в заговоре против меня.

— Молчать! — добавил он силы в голос, увидев, что она готова возразить. — За то, что, презрев мои просьбы, ты надела на свадьбу крест, я приговариваю тебя к десяти розгам. И не смотри на меня так. Сколько раз я объяснял тебе, что ты можешь оставаться христианкой,

сколько пожелаешь, но не публично? Сколько?

— Два раза...

— Ты дура, Дарена, но на плохую память никогда не жаловалась. Я помню, как минимум пять раз, когда я объяснял тебе, почему это важно. Скажешь нет?

— Да... — почти шепотом ответила она. — Можно я встану на ноги?

— Я еще не закончил. Итак, я просил тебя не делать глупости, но ты сделала по-своему. Зачем ты надела крест? Или даже так, зачем ты его всем продемонстрировала? Я ведь не против, носи. Это твоя вера, но я объяснил тебе, почему это нельзя делать публично. Так почему?

— Маменька сказала...

— То есть, мнение своей матери ты поставила выше просьбы своего мужа. Ты же понимаешь, что этим ты выказала мне неуважение. Прилюдно, Дара. Да, еще в такой день!

— Я...

— За это ты получишь еще десять ударов розгами.

— Ингвар, но...

— Ты должна молить меня не о снисхождении, — холодно улыбнулся Бармин, — а о прощении за оскорбление и непослушание.

— Я...

— Не сейчас! — оборвал он Дарену. — Приведя попа, ты оскорбила мою веру. Тридцать ударов розгами?

— Что? — упавшим голосом пролепетала девушка.

— Шкуру спущу! — пообещал Бармин. — И это мы еще не дошли до заговора с целью убийства мужа. За это, милая, я имею право тебя убить.

— Т... ты... — кажется, до нее стало доходить, в какое дерьмо она вляпалась.

— Я твой муж и господин, Дарена. А потому спрашиваю, откуда взялся священник?

— Его... я... Маменька... Я не знала! — разрыдалась она. — Честное слово, Ингвар, я не знала.

— Но знала, что он придет?

— Да.

— Знала, что твоя мать обманула охрану?

— Да, — совсем уже упавшим голосом сообщила Дарена.

— Значит, ты нарушила мой приказ по поддержанию безопасности и поставила этим под удар не только меня, но и моих гостей. Раздевайся!

Он отпустил силу, и девушку кулем упала на пол.

— Встань и разденься донага!

— Мне... это не...

— Я твой муж и господин, не забыла?

Похоже, до нее стало доходить, что угроза порки реальна.

— А как же первая брачная ночь? — попыталась она выкрутиться.

— Ее не будет, — пожал он плечами. — После всего, что ты натворила, мне противно ложиться с тобой в постель. Тебе еще придется просить меня об этом, но прежде ты должна стать хорошей женой. Помнишь, с чего мы начали? Когда я что-то прошу, ты должна это делать. Когда я приказываю, ты делаешь то, что сказано, не раздумывая. Разденься и ложись на кровать лицом вниз. Это приказ!

Судя по тому, как она спешила, снимая с себя бюстгальтер, пояс и трусики, Дарена,

наконец, поняла, что игры кончились. Разумеется, Бармин не собирался спускать с нее кожу, тем более убивать. Но считал необходимым надрать этой дуре задницу так, чтобы сидеть не могла, да и по спине не мешало бы пройтись. Для острастки, так сказать, для лучшего усвоения полученных уроков. Розог у него, впрочем, не было, но зато в одном из шкафов нашелся подходящий хлыст, с которым Дарена выезжала на конные прогулки. Вот им он и расписал ей «тыльную сторону», и, следует признаться, не без удовольствия, чего, на самом деле, от себя никак не ожидал.

— Из апартаментов не выходи, — сказал, закончив. — Вечером придет избитая тобой камеристка, принесет поесть, но к этому времени изволь здесь прибраться, а то даже смотреть противно. Завтра поговорим.

1. Двадцать второе-двадцать третье сентября 1983 года

День был долгий и в меру утомительный. Застолье продолжалось часов до десяти вечера, когда Петр и Варвара улетели на вертолете в свой замок Устье на озере Кубенском. Всех присутствующих сильно напрягало отсутствие Дарены Менгден, но спросить об этом прямо не решился никто. Общее мнение, как докладывали агенты службы безопасности, сводилось к тому, что Ефросинья Глинская и ее дочь получили от мужей нагоняй и уединились в покоях новобрачной. Не слишком вежливо, не очень красиво, — одним словом, моветон, — да и странно как-то пропустить собственную свадьбу. Но, с другой стороны, чего еще можно было ожидать после устроенной Дареной и ее матерью вздорной выходки? Демонстрация намерений оказалась слишком яркой, оскорбительной и очевидно неуместной, чтобы спустить все на тормозах. Сам же Бармин, выпив подряд три восьмидесятиграммовых стопки коньяка, наконец, успокоился, расслабился и с этого момента просто отдыхал, наслаждаясь праздником. Слушал музыку, а ее было много, — даже Натали преподнесла им с Варварой подарок, исполнив совершенно новую, посвященную Менгденам песню, — вкушал разнообразные яства, пил горькую, перейдя с коньяка на водку, шутил и даже пару раз танцевал. В общем, ему было хорошо, и он думать забыл о скверной выходке своей теперь уже законной супруги, и вспомнил об этом лишь тогда, когда проходил мимо двери в ее апартаменты. Вспомнил, поморщился и пошел дальше.

Жалел ли он о том, что дал волю гневу? Нет, пожалуй. Другое дело, что сегодня Бармин узнал о себе любимом кое-что новое. Узнал, каким он стал, превратившись в Ингвара Менгдена. Максимум того, что мог себе позволить Игорь Викентиевич по отношению к женщине в своей прежней жизни, это с ней поругаться. Да и то, бранясь с женой или с сотрудницами, — было в его жизни несколько острых ситуаций, связанных с работой, — никогда не опускался до мата. А тут взял и высек молодую жену, — практически девчонку, — в день их с ней свадьбы. Хлыстом, каким погоняют лошадей, заставив при этом своей властью лежать и терпеть экзекуцию. Дарена кричала, разумеется, рыдала и корчилась под ударами хлыста, но не сделала даже попытки покинуть кровать. Не убежала, чтобы спрятаться, а лежала и терпела, принимая наказание, как должное. В один момент, — всего лишь проявив твердость и последовательность, — Ингвар превратился из «мальчика», каким наверняка видела его Ефросинья Глинская и каким представила своей дочери, в настоящего северянского мужчину. С мужчиной же, кем-нибудь вроде Нестора Глинского, она никогда не решилась бы на свой демарш, и, скорее всего, не стала бы втягивать в эти глупости свою любимую и тщательно опекаемую дочь. Трудно сказать, поняла ли она теперь, в чем заключалась ее ошибка, но Бармина этот вопрос интересовал в последнюю очередь. Для него было главным то, что Дарена признала в нем своего мужа и господина. Он продемонстрировал ей свою власть над ней и твердость намерений, и девушка попросту, сломалась, не выдержав встречи с жестокой реальностью. Прав ли он был, выбрав порку методом воспитания провинившейся жены? Наверное, прав, поскольку тот, кто не умеет ценить мягкость, — а Дарена, пожалуй, единственная из невест Бармина не оценила его к себе доброе отношение, — тот обречен на совсем другое обращение. К тому же, спусти он

сегодня это дело на тормозах, ему пришлось бы воевать с ней потом всю оставшуюся жизнь, и еще неизвестно в какие неприятности могла бы втравить его такая жена. Лучше, как говорится, не проверять.

Размышляя о непростых перипетиях жизни и о роли мужчины в правильной полигамной семье, Бармин дошел до двери в свои апартаменты, отпустил, поблагодарив, телохранителей, кивнул бойцу охраны и толкнул дверь. Однако, войдя в гостиную, он неожиданно обнаружил там довольно странную компанию. Рассевшись вокруг круглого стола мирно беседовали под чай и франкский ликер Ольга, Лена, майор Злобина и капитан-лейтенант Эбба фон Кнорринг. Звучала негромкая музыка, — что-то классическое, но незнакомое, — тихо звучали женские голоса. Впрочем, едва он переступил порог, голоса смолкли, и все присутствующие уставились на Бармина. Выражение лиц у них было разным, но «вопрос» присутствовал у всех, хотя каждая из женщин «спрашивала» о чем-то своем.

— Что празднуем? — спросил Ингвар, входя и закрывая за собой дверь.

— Твою свадьбу, разве нет? — подняла бровь Елена.

— Уже отпраздновали, — поморщился Бармин. — Но, допустим! Кого хороним?

— Даже и не знаю, — пожал плечами Ольга, но по существу вопроса ничего не возразила, значит Ингвару не показалось, и минорное настроение действительно присутствовало.

— Я с докладом, — коротко определила свою позицию майор.

— Думала поговорить наедине, но, похоже, я не вовремя, — определилась Ульрика.

«Поговорить со мной в мою первую брачную ночь? — удивился Бармин. — Оригинально! Или она имеет в виду феерическое окончание церемонии? Тогда, да. Тогда, возможно».

— Сделаем так, — сказал он вслух. — Мы сейчас пройдем с майором ко мне в кабинет и поговорим о делах. Если разговор не затянется, то у меня будет минут сорок для тебя Ульрика. А потом я хотел бы немного отдохнуть. Как вам, дамы, такой план?

Дамы не возражали. Ему, как он понял это только сейчас, никто давно не возражал. Вообще, никто.

— Только конкретные факты, — предупредил он Ию. — Остальное опустим, я и так знаю, что вы работаете.

— Артефакт венецианской работы. Атакующий, по нашей классификации относится к классу «Буки», то есть, запрещен к распространению практически во всех странах. Ввоз в империю запрещен под страхом смерти.

— А теперь объясни мне все это простыми словами, — предложил Бармин. — Я, знаешь ли, в армии не служил. *Академиев* ваших не оканчивал.

— Артефакт двойного действия, — ничуть не смутившись, начала объяснять майор. — Он глушит магию в радиусе ста пятидесяти метров примерно на двадцать секунд. Блокировка магии приводит к моментальному сбою в работе центральной нервной системы у всех попавших под удар одаренных. Для некоторых дело может закончиться инсультом или инфарктом, но главное, на эти двадцать секунд террорист абсолютно свободен в своих действиях и может включить второй контур артефакта — узконаправленный выброс огня с температурой до трех тысяч градусов. Диаметр струи десять сантиметров. Выброс длится 7–8 секунд. Это пока все. Кто завез и откуда, неизвестно. Как артефакт попал к лжесвященнику — тоже.

— Что известно о злодее?

— Пока не опознан, но у нас появились зацепки по поводу того, как его подвели к Глинской. Там такое кубло вскрылось, что впору кричать караул. Сектанты-экстремисты. Борцы с язычеством, и Ефросинья Гермогентовна почетный член «клуба». Но это не наши проблемы. Как только проследим ниточку, сдадим мудаков в Тайный приказ. Пусть с ними дальше их спецы разбираются.

— Это все?

— Пока все.

— Ну, и ладно тогда, — кивнул Ингвар. — Спасибо, Ия. Работайте!

Разговор получился коротким, но Бармин остался им доволен. Для начала, он узнал о существовании боевых артефактов двойного действия, и это бала крайне ценная информация, потому что, если эта штука глушит магию, его девочкам нужна защита. У Варвары и Елены такая уже есть, значит, пришло время подыскать что-нибудь дельное для Ольги, и отнюдь не то, что она надевала на Летний бал. А еще нужно будет поговорить с Машей. Она умница, но это он ей уже сказал, а вот про артефакты не расспрашивал. Просто не знал, что такой вопрос существует. Теперь знает и обязательно с ней поговорит, так как, во-первых, должен быть уверен, что у нее действительно есть защита, а во-вторых, возможно, именно она проведет с ним ликбез на тему боевых артефактов. Ведь, если есть «Буки»-класс, должны быть, соответственно, «Аз», «Веди» и далее по списку.

«Очередной пробел в моем образовании, — признал Бармин. — И вот еще один вопрос: может ли такая штука подавить мою стихийную магию? И спрашивать об этом надо Ульрику, а на ловца и зверь!»

Принцесса постучала в дверь, дождалась разрешения и вошла в кабинет.

— Тебе очень идет форма, — улыбнулся Бармин.

Улыбка была искренняя, потому что сейчас Ульрика его уже не раздражала. Наверное, потому что начала нравиться.

— Это комплемент или ты намекаешь на...

— Это комплемент, — прервал он ее. — Ты красивая женщина, и тебе все к лицу. Мундир, как ни странно, тоже. Подчеркивает, знаешь ли, твою женственность.

— Я в растерянности, — улыбнулась Ульрика в ответ. — Похоже, что ты со мной флиртуешь.

— Есть возражения?

— Нет, — покачала она головой. — Но... прежде я хочу тебе кое-что сказать.

«А просто дать усталому мужчине, оставшемуся на ночь без молодой супруги, слабо?»

— Слушаю тебя внимательно, — указал он принцессе на кресло.

— Спасибо, — кивнула она и подошла ближе к столу. — Когда я летела сюда, у меня были на то свои причины и, чего уж там, определенные планы. Собиралась с тобой обсудить... Впрочем, сейчас это неважно. Успеем еще, если надобность не отпадет.

— То есть, ты отказалась от первоначального плана? — спросил Бармин, закуривая.

— Да, — она оперлась руками о спинку кресла, но садиться не стала, продолжала стоять. — Изменила, ты прав. А сейчас не перебивай меня, пожалуйста, потому что для меня крайне важно сказать тебе то, что собираюсь сказать.

Ингвар смотрел на нее и не верил своим глазам. Женщина явно нервничала, и это было не совсем то, чего он от нее мог ожидать.

«Умереть не встать! — поразился Бармин. — Она что, волнуется?! Она волнуется?»

— Я знаю, мне не стоило прилетать, — начала между тем Ульрика. — Не лучший

момент для визита, тем более, без приглашения. Я все понимаю, и, если ты на меня сердишься, ты в своем праве. Есть за что. Но... но, с другой стороны, я рада, что прилетела. И, возможно, это большая удача для нас обоих, раз уж мы... Договор есть договор, нравится он нам или нет. Мне, честно сказать, выходить за тебя замуж не хотелось. Я просто выполняла свой долг перед страной и короной. Думаю, тебе это тоже не по вкусу, но ты, как и я, думаешь об интересах рода.

«Очень многословно, — отметил Бармин. — И явно не по существу. Надеюсь преамбула все-таки не затянется».

— Я сегодня увидела достаточно, чтобы понять, насколько я в тебе ошибалась. Твои женщины... — она запнулась, словно, подыскивала правильное слово. — Они все, неважно сколько им лет... Они искренно тебя любят и подчиняются тебе беспрекословно, что крайне необычно для нашей среды. Они признали в тебе лидера, мужчину, главу семьи и вожака стаи.

— Особенно, Дарена, — криво усмехнулся Бармин, не удержавшийся от комментария даже при том, что обещал себе не мешать Ульрике говорить.

— Она... Ты уж прости, Ингвар, но она неумная и несамостоятельная девушка. В этом все дело. Я думаю, ее подначила мать, которая тебя не любит и не готова уважать. Была бы Дарена поумнее, сама бы все поняла и не пошла у матери на поводу. Но она не привыкла думать самостоятельно и не умеет жить своим умом. Дело не в возрасте, а в воспитании. Мария не на много старше, но действовала безукоризненно, и что не менее важно, не задумываясь, потому что в скоротечном бою думать некогда. Инстинкты важнее, а они у нее правильные. Но вот что еще я заметила. Ты был готов действовать сам, но позволил ударить своей невесте. Это не только великодушно, это правильно, потому что формирует ее характер. Она теперь всегда будет готова к отражению атаки, и это прекрасно. Но я говорю о другом. Ты поступил мудро, позволив ей действовать самой. А затем ты быстро взял инициативу в свои руки, успокоил присутствующих и вывел Дарену и ее мать из игры. Распоряжения отдавал дельные и...

— Ты составляешь мою характеристику, — поинтересовался Ингвар, — или это вечер дифирамбов?

— Да, — подтвердила женщина. — Составляю. Для себя. А теперь дай мне договорить. Осталось совсем немного.

— Хорошо, — согласился Бармин, — говори.

— Я потом весь день наблюдала за тем, как ты справлялся с нервным напряжением, как вел себя с гостями. С кем и как говорил, как обращался со своей сестрой и невестами, и какими глазами они все на тебя смотрят. А потом... Ты извини, Ингвар, но тебе об этом стоит знать. Если ты не закрываешься, а ты, видимо, блокировать чужое «видение» не умеешь. В общем, у нас одинаковая магия, и, когда ты разбирался с Дареной, я совершенно случайно стала свидетелем того, что произошло в ее спальне.

— Ну, и как тебе?

— Ты был милосерден. Я бы такое не простила, но ты, похоже, мудрее меня. А все остальное... Ты был в своем праве, и действовал разумно. Результат подтверждает твою правоту. Теперь она будет есть с твоих рук. У нас говорят, станет твоей сучкой. Прикажешь «сидеть», сядет, позовешь «к ноге», тотчас прибежит.

— Считаешь, это хорошо для семейной жизни? — внутренне поморщившись, спросил Ингвар.

— В ее случае, да. — Прозвучало твердо. И весьма двусмысленно, в контексте их разговора в Ниене.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказал Бармин, наскоро обдумав ситуацию.

— Ты, о чем? — нахмурилась принцесса.

— Я о том, что мы часто совершаем поступки под влиянием момента, а потом об этом жалеем, и виноватым, в большинстве случаев, оказывается тот, ради кого мы, вроде бы, старались.

— Ты знаешь, что я хочу сделать?

— Знать не знаю, — пожал Ингвар плечами, — но догадываюсь и меня, правду сказать, пугает твоя решительность.

— Меня тоже, — кивнула Ульрика, — но я от своих решений никогда не отказываюсь, тем более, что это продуманное решение, если ты согласишься мне на слово.

— Что ж, — нехотя, согласился Бармин. — Верю. Делай, что должно.

На самом деле, он знал людей, похожих на кронпринцессу. Не как обычный человек, а как психиатр. Это было чисто профессиональное знание и оно, по правде сказать, не обещало ничего хорошего.

«В лучшем случае, мелодрама. В худшем — греческая трагедия!»

Такие реакции, что любопытно, были характерны сразу для двух категорий людей: для эмоционально лабильных и, скажем так, слабых духом, и для сильных, уверенных в себе, твердых в своих убеждениях, негибких людей. Среди первых было больше женщин, среди вторых — мужчин.

— Ингвар, — продолжила между тем женщина, — в прошлую нашу встречу ты произвел на меня хорошее впечатление. Пожалуй, можно сказать, сильное. Но сегодня я окончательно поняла, что хочу стать твоей женой не только формально, но и на самом деле. Конечно, если не любовь, то хотя бы уважение тоже надо заслужить, и я к этому готова. Я буду бороться за тебя, если позволишь!

Прозвучало не очень. Слишком много патетики, — действительно, похоже на театр, — но при этом Бармин понимал, все, что сказано, является правдой. Во всяком случае, Ульрика в это верит. Очень искреннее послание, отнюдь не характерное для герцогини Сконе. Чего-то в этом роде Бармин, собственно, и ожидал, однако завершение «сцены» оказалось неожиданным даже для него. Женщина опустилась на колени и преклонила голову.

«Безумие!» — успел подумать Бармин.

Он вскочил на ноги и бросился к ней, чтобы поднять с колен, но не успел.

— Я признаю твое старшинство, Ингвар. Ты глава семьи, — подняла она голову, чтобы посмотреть ему в глаза. — Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы стать тебе хорошей женой. И, если я в чем-нибудь облажаюсь, просто высеки разок, как Дарену.

Предложение высечь прозвучало уже второй раз и порядком Ингвара насторожило. То есть, он был отнюдь не против легкого БДСМ, но только если пороть будут не его, а вот доминировать будет как раз он. Однако, как психиатр, он понимал и другое. В сексе практически всегда есть место мужскому доминированию и даже некоторой доле агрессии. Такова природа нормативных отношений между полами: один берет, — потому что тестостерон — это судьба, — другая отдается. Однако впадение в крайности — это всегда перверсия и, будем откровенны, патология, даже если с этим готов уживаться партнер по сексу, а заодно и общество. Так что сейчас, в Бармине боролись старый психиатр и молодой герой-нагибатель. Однако время шло, а реагировать на демарш кронпринцессы надо было

быстро. Поэтому Бармин поднял Ульрику с пола и, не давая одуматься ни себе, ни ей, поцеловал в губы. Грубо поцеловал, властно, но, как оказалось, ей нечто в этом роде, на самом деле, и требовалось, потому что уже через несколько секунд она глухо застонала, еще теснее прижимаясь к Ингвару, но не прерывая поцелуй.

Целовались долго, но даже у таких физически сильных людей, какими были Ингвар и Ульрика, от долгого страстного поцелуя сбивается дыхание.

— Пойдем к тебе! — предложил Бармин, не отпуская женщину из объятий.

— У тебя тоже есть спальня, — возразила принцесса.

— Есть, но...

— Ольга ушла к Елене, — усмехнулась Ульрика. — Они были столь великодушны, что уступили тебя мне.

После этого пассажа, у Бармина возникло сразу множество вопросов, но задавать их сейчас не стоило. Он потом спросит, рассчитывала ли она именно на такой исход встречи или просто подстраховалась. Неплохо было бы также узнать, что она сказала Ольге и Елене, но и это подождет.

— Отвернись! — попросила Ульрика, когда они оказались в спальне и Бармин одним богатырским движением содрал шелковое покрывало со своей огромной кровати.

— И не обижайся! — бросила ему в спину. — Я не стесняюсь, просто снимать форму — это не то же самое, что снимать платье. Эротики, считай, никакой, да и белье... Ты, может быть, не знаешь, но носить кружевной бюстгальтер под мундиром не слишком удобно. Хлопчатобумажный топ гораздо удобнее...

Все это она говорила, стаскивая с себя, — судя по доносящимся из-за спины звукам, — ботинки, брюки, китель и прочее все. И замолчала только тогда, когда снимать стало уже нечего. На Ингваре к этому моменту остались только трусы.

— Ты меня обогнала, — сказал он, оборачиваясь.

— Просто ты никогда не жил в казарме...

Что сказать? Бармин и так знал, что она красавица, но нагая красавица оказалась еще лучше. Впрочем, это было субъективное суждение мужчины, полного желания...

2. Двадцать седьмое октября 1983 года

По своему обыкновению, Бармин проснулся рано. Если уж не с первыми лучами солнца, то уж точно — с первыми петухами. Бесшумно покинул постель, что с каждым разом получалось у него все лучше и лучше, и «бесплотной тенью» скользнул к полуоткрытой двери в ванную.

— От меня не уйдешь, — удовлетворенно мурлыкнула ему вслед княгиня Полоцкая.

— Это от судьбы не уйдешь, — хмыкнул в ответ Ингвар, оглянувшись через плечо на молодую жену, — а от тебя, лиса, легко!

— С твоими-то семью пудами? — хмыкнула Мария.

Разумеется, она всего лишь немного подтрунивала над огромностью своего суженного-ряженного. Подначивала и заодно заигрывала, не без этого. Эдакий легкий флирт по утрам, который уже не раз и не два заканчивался «схваткой не на жизнь, а на смерть». И сейчас был как раз такой случай. Хитрюга Миа, — как на северянский лад звал ее теперь Ингвар, — великолепно знала силу своего обаяния, в особенности, в такие моменты, как этот, когда, вынырнув из-под одеяла в чем мать родила, она неторопливо двинулась навстречу своему мужчине.

— Резвитесь где-нибудь в другом месте! Дайте поспать!

Разбуженная их пикировкой Варвара глубже зарылась в гору наваленных в изголовье кровати подушек и заодно натянула на голову шелковое стеганое одеяло. С того первого раза, когда именно в этой постели Варвара помогла Марии лишиться девственности, это был уже четвертый случай, когда они спали втроем. При этом, инициатива целиком и полностью исходила именно от женщин, поскольку Бармин о таком разврате даже в шутку не стал бы заговаривать. Но эти две, словно, спелись. То есть, именно это они и сделали. Спелись, сдружились, несмотря на разницу в возрасте, и единственные из всех его женщин позволяли себе время от времени устраивать ему, — но скорее всего, и себе любимым тоже, — такие вот тройнички. L'amour à trois^[73], как говорят франки. И вот что любопытно, приглашенной звездой всегда являлась Варвара, а инициатором и главным мотором «праздника непослушания» — Мария. Бармин же просто не возражал. Во-первых, потому что «сбылась мечта идиота», а во-вторых, ему этот триолизм^[74] понравился еще с первой попытки.

Вообще, за прошедшие недели все в их жизни, — имея в виду семейство Менгден, — как-то успокоилось, устроилось и устаканилось. Отношения между женщинами стали ровнее и, пожалуй, даже теплее. То есть, между Варварой и Еленой они и раньше были более, чем теплыми, однако к остальным женщинам приходилось притираться, а тем, соответственно, подлаживаться под этот давным-давно сложившийся тандем. И в этом смысле, вклад княгини Полоцкой в мирное сосуществование женщин Бармина оказался поистине бесценным. Будучи совсем еще молоденькой девушкой, она оказалась в достаточной мере умна и обаятельна, чтобы сойтись худо-бедно со всеми и всех примирить между собой. Она даже Ульрику, годившуюся ей по возрасту в матери, умудрилась инкорпорировать в их дамский клуб. И существенной проблемой в этом смысле оставалась до сих пор одна лишь Дарена Менгден.

Скандал на свадьбе, как теперь становилось ясно, возник не на пустом месте и не был

досадной случайностью. Характер у Дарены оказался тяжелым, капризы бесконечными, и все это при отсутствии какого-либо жизненного опыта и в присутствии очевидной глупости. И все это вместе, — *смешать и разболтать*, — приводило к многочисленным конфликтам со всеми подряд и, в конечном счете, к самоизоляции Дарены. Она даже со своим мужем так и не смогла по-настоящему сблизиться, хотя он и прилагал к этому буквально нечеловеческие усилия. Но получалось, что это безнадежный труд. Прощение Дарена у Ингвара, разумеется, вымолила, — стоя перед ним на коленях и обливаясь горячими слезами, — в постель для исполнения супружеского долга в конце концов зазвала, проявив в этом смысле завидное упорство, но потом лежала под Барминым, как бревно, и расшевелить ее при всем своем желании он так и не смог. Пришлось брать, что дают, так что женщиной он ее кое-как сделал, но вот посещать ее спальню чаще, чем раз в две недели, не хотел. Красивая девушка — это факт, но при том холодная и отчужденная. Подчиняется своему «мужу и господину», но даже не пытается по-настоящему с ним сблизиться, не говоря уже о «любви, дружбе и безумном сексе». Обычная теремная затворница, каких в империи оставалось еще отнюдь немало. Секс по расписанию, пока не понесет, а забеременеет — отдалится еще больше. И ничего с этим пока было не поделать, поскольку у Бармина и без нее забот хватало, а тут простой психотерапией никак не обойдешься. Ее вон даже Источник «видеть» не пожелал, перекрыв Дарене доступ в ту часть подземелий, которая выводила к колодцу Менгденов. А это, согласитесь, симптом. Поэтому для себя Ингвар решил вопрос так, если в ближайшие месяц-два никаких подвижек в их отношениях не наступит, отселить ее в декабре или январе к чертовой матери, а точнее, в замок Суда на одноименной реке — притоке Шексны, и пусть живет там, как хочет. С попами, няньками и приживалками из родительского дома, и неистребимой дурью в своей красивой головке. А Бармин, как честный человек и порядочный муж, будет навещать ее два-три раза в месяц, чтобы исполнить свой супружеский долг. Благо на вертолете это недалеко и недолго, а переходом и того проще.

А вот Мария Андреевна Полоцкая на что уж авантюристка и годами юна, — между прочим, всего на год старше Дарены, — но в сердце к Бармину запала не по-детски. Вот и сейчас, она ведь не просто так встала вместе с ним в такую рань, и не только ради секса, хотя и это серьезная причина и веский повод. Миа упорно сопровождала Ингвара на всех его утренних тренировках. Бегала с ним, выполняла хитроумные упражнения на растяжку, качала мускулы, практиковалась в приемах боевой магии и участвовала в спаррингах. Она хотела, — и это ни для кого не было тайной, — стать настоящей девой-поляницей ^[75], каковой по факту давно уже являлась, а значит, надежным напарником для своего мужа буквально во всех его начинаниях. Оттого и тренировалась, как бешеная, а потом целыми днями сидела над учебными материалами из Открытого университета, взяв там курсы, названия которых говорили сами за себя: «Ведение замкового хозяйства, часть I», «Вотчинная микроэкономика», «Пролегомены ^[76] финансов и бухгалтерского учета» и «Клановая служба безопасности: задачи, организация, подбор кадров». Бармин, к слову сказать, эти курсы изучал вместе с ней, ему эти знания тоже были нужны, а с домашней школой пока все как-то не вытанцовывалось.

— Резвитесь где-нибудь в другом месте! — шуганула их Варвара, предпочитавшая по утрам спать, а не *«носиться черт знает где»*. — Дайте поспать!

В результате, целоваться они начали, едва прикрыв за собой дверь ванной, но длилось это недолго, потому что оба быстро завелись, — что случалось с ними по утрам практически

всегда, — а там уж само пошло. Их тела, словно, сами знали, что и как нужно делать, и вскоре Мария уже сидела на туалетном столике, столешницей которому служила большая мраморная плита, откинувшись для удобства назад, на упертые в мрамор руки, и обхватив поясицу Ингвара своими сильными длинными ногами. Ее зеленые глаза потемнели от страсти, рыжие волосы разметались по плечам, и она то и дело хрипло вскрикивала в такт сильным и властным движениям Бармина. День начинался просто замечательно.

Однако и продолжение его тоже не подкачало. Погода стояла скверная, поэтому свои десять километров Бармин и его Миа бежали под холодным морозящим дождем, спарринг устроили уже под ливнем, а в реку нырнули, когда дождь-косохлест [\[77\]](#) стал стремительно превращаться в градный дождь. Вообще-то, это был какой-то погодный экстрим, поскольку климат в этом мире был явно теплее, чем в прежней жизни Бармина. Потому, наверное, и освоение русского севера зашло здесь так далеко. Все-таки, даже не имея на руках сравнительной статистики, Бармин видел, что Вологодская, Ленинградская и Архангельская области заселены здесь и сейчас явно гуще, чем в его прежнем мире. Просто день и ночь, если правду сказать, но зато и осень в этих краях была куда мягче, чем памятные ему сентябри и октябри в Ленинградской и Псковской областях. Тем не менее, дерьмо случается, и сегодня пошел дождь с градом. Впрочем, градины были маленькие и больше напоминали сухой снег.

Бармин нырнул, проплыл под водой почти до противоположного берега, развернулся и, не всплывая на поверхность, двинулся обратно, безошибочно выцелив Марию свет Андреевну своим поисковым чутьем. Поднырнул под уверенно плывущую кролем женщину и хотел уже схватить ее в охапку, но не тут-то было. Миа опередила его буквально на мгновение, выбросив свое стремительное тело в воздух. Это была магия. Несильная и несерьезная, но все-таки магия, примененная вовремя и с максимальным эффектом. Выскочив из воды на манер летучей рыбки, женщина пролетела по воздуху метров десять и снова нырнула, сходу уйдя на максимальную глубину. Бармин попробовал было перехватить ее у самого дна, но она увернулась и ушла в сторону. Миа отлично плавала, и магией была не из последних, поэтому возня в холодной реке, — температура воды колебалась у отметки 12° Цельсия [\[78\]](#), - продолжалась еще минут двадцать и завершилась еще одним приступом страсти, помешать которому не смогла бы даже ледяная шуга, пойдя она сейчас по реке. Все-таки быть молодым и здоровым было совсем неплохо. Еще лучше было обладать мощным организмом и владеть настоящей магией. Без этого их игры в Шексне закончились бы, едва начавшись, не говоря уже о том, что разбор полетов пришлось бы проводить на больничной койке. А так всех неудобств, что, заигравшись, они оба остались без трусов. Потеряли их где-то в пылу любовной схватки. Так что в замок возвращались, закутавшись в огромные, как простыня, махровые полотенца, но, к счастью, в этот ранний час видеть их «позор» могли лишь бойцы охраны, которых Бармин уже научился не стесняться. За все хорошее в жизни нужно платить, за знатность и богатство тоже, и в частности, сужением рамок приватности. Какая уж тут частная жизнь, когда ты практически постоянно находишься в поле зрения своих же телохранителей.

После завтрака, прихватив с собой Варвару и Марию, которых начал понемногу приобщать к делам семьи, Ингвар прошел в малый зал для брифингов. Эту просторную комнату, как и несколько других служебных помещений, построили на месте старых гостевых апартаментов на третьем этаже Северного флигеля кастеля^[79] и соединили, пробив разделявшую их стену, с Варяжским коридором Нового дворца. Это позволяло Бармину быстро перемещаться между своим рабочим кабинетом, находившемся в его личных апартаментах, и комплексом помещений, включавших в себя его официальный кабинет, секретариат и малый зал для совещаний, в котором как раз сейчас собрались люди, в той или иной мере причастные к обеспечению безопасности графа Менгдена и его семьи. За длинным столом свободно расположились начальник службы безопасности графства майор Злобина со своим заместителем капитаном Евой Конрадовной Менгден, руководитель следственной группы Анна Матвеевна Тулупова, кастелян замка полковник Кальф-Калиф и командующий вооруженными силами семьи генерал Горбатов-Шуйский. Из всех присутствующих госпожа Тулупова была единственным новым лицом. В близкий круг она попала по двум немаловажным обстоятельствам. Во-первых, госпожа Тулупова была замужем за одним из Балтийских Менгденов, и за нее ручался «дядюшка» Конрад. А во-вторых, перед тем, как выйти в отставку с должности следователя по особо важным делам прокуратуры города Кенигсберга, Анна Матвеевна проявила себя блестящим дознавателем, работая поочередно в Рижском, Ковенском и Менском губернских управлениях.

— Итак, — сказал Бармин, открывая совещание, — какие новости, дамы и господа?

Ситуация с покушениями по-прежнему оставалась неопределенной. Судя по тому, что раскопали люди из Тайного приказа и его собственные безопасники, датская родня так и не успокоилась. Впрочем, Бармину это было понятно и без пояснений. Датчане не ответили ни на одно его письмо, не откликнулись на приглашения на свадьбы, связаться с ними было невозможно даже по телефону. Секретари и слуги отвечали, что хозяев нет дома. Другое дело, что после известных событий княгиня Юль осталась без поддержки в империи. Князь Кашин выпал из обоймы, сообразив, что он в этом перетягивании каната третий лишний. Кроме того, свою роль сыграло, по-видимому, то, что Ольга переговорила со своими матерью и сестрой и предупредила их «по-родственному», что еще одно «резкое движение» со стороны отца, и она сама примет участие в карательной экспедиции. В конце концов, если отец хочет отжать состояние у ее мужа, она имеет полное право захотеть прибрать к рукам состояние отца. Симметричный ответ, так сказать, и закон, что характерно, будет на ее стороне, потому что зачинщиками конфликта выступают именно Кашины.

Однако датчане остаются в Дании, а это далеко, и страна чужая.

— Есть один вариант, — почти равнодушно заметила в разгар обсуждения госпожа Тулупова. Она, вообще, всегда выглядела спокойной и невозмутимой до равнодушия. Но по-настоящему равнодушной никогда не была, иначе какой из нее следователь прокуратуры?

— Слушаю вас, Анна Матвеевна, — повернулся к ней Бармин.

— Как я понимаю, создание собственной разведывательной сети в иностранном государстве дело долгое и недешевое.

— Так и есть, — подтвердила Ия Злобина. — Мы конечно над этим работаем, но похвастаться пока нечем.

— К герцогине Сконе вы, по-видимому, обращаться за помощью не станете, — продолжила между тем госпожа дознаватель.

Что есть, то есть. Бармин не хотел без крайней необходимости «влезать в долги». Оно

конечно, попроси он помощи, и Шведская корона, у которой, должно быть, есть немало агентов в «дружественной» Дании, могла бы *порадеть родному человечку*. Да вот беда, это сразу же разрушит ту ауру силы, которую он умудрился втюхать великовозрастной недоневесте. Так что, нет, не станет он просить будущих родственников о помощи.

— Вы совершенно правы, Анна Матвеевна, — подтвердил Ингвар, — не хочу и не стану.

— Тогда, что вы скажете об организованной преступности?

— В каком смысле? — ступил Бармин, не сразу разобравшись в хитросплетениях прокурорской мысли.

— Не помешают ли вам, господин граф, ваши моральные и религиозные принципы прибегнуть к помощи «Ходоков»? — прояснила свой вопрос женщина.

— Ходоки? — повторил за ней Ингвар. — А это кто еще такие?

— Ходоки, — как о чем-то обыденном, не имеющим никакой общественной ценности сказала дознаватель, — это, ваше сиятельство, преступный синдикат, действующий на западных границах империи. Они занимаются всеми видами контрабанды, известными человечеству. Тащат туда и обратно, все, что может принести прибыль. Оружие и артефакты, женщины и наркотики, драгоценные камни, лекарства, подакцизные товары. В общем, все, что можно взять задешево по одну сторону границы и продать намного дороже по другую ее сторону.

— Что именно везут в империю? — поинтересовался Бармин, заинтригованный объяснением бывшего следователя прокуратуры.

— Ювелирные украшения из Нидерландов и Венеции, африканские алмазы, итальянское и гишпанское вино, синтетические наркотики из германских государств, женщин, в основном, из Польши и Богемии...

— Вы имеете в виду шлях? — решил уточнить Ингвар, удивленный тем, что женщины в этих цивилизованных местах все еще являются ходовым товаром.

— Не только, — тем же спокойным, практически равнодушным тоном ответила госпожа Тулупова. — Проститутки — это, само собой. Также завозят рабынь, в основном, с Балкан и из Канадских провинций Франкии, и еще, разумеется, невест... Рынок невест, как известно, растет очень быстро.

— У нас, что, своих женщин уже не хватает?

— Как посмотреть, — чуть пожала плечами госпожа дознаватель. — Невест для неодаренных представителей среднего класса хронически не хватает. Образованных с приятной внешностью наложниц тоже. Мой покойный супруг купил как-то одну такую. Немка, молодая, ей тогда лет шестнадцать было, красивая, восемь классов гимназии и на трех языках говорит. Сейчас у меня в доме она управляет всем хозяйством.

«Что это за мир? — в очередной раз поразился Бармин. — Что у них, вообще, здесь творится? Женщина-прокурор открыто держит в своем доме рабыню? Вообще, берега попугали!»

Ингвар уже свыкся с тем, что у него есть крепостные и что, как минимум, часть из них являются именно бесправными холопами в духе классического крепостного права в Российской империи XVII–XVIII веков. Но рабы? Насколько ему было известно, в Африке и Азии полуофициальное рабство сохранялось в его прежнем мире даже в просвещенном двадцать первом веке, а неофициальное вполне себе процветало на территории наиболее развитых демократий мира — Англии и США. Так что, наверное, он зря удивляется, пора бы понять, в его прежнем мире было никак не меньше говна, чем в этом. Оба хороши, и слава

богам, что сам он и там, и здесь находится выше уровня, растекающегося во все стороны дерьма.

— Я вас понял, Анна Матвеевна, — сказал он вслух. — Синдикату можно заказать мою датскую родню?

— Нет, — позволила себе легкую улыбку женщина, — но Ходоки могут собрать для нас всю необходимую информацию. Не бесплатно, разумеется, и только, если к ним обратится правильный человек. Такие услуги, как «разведка на местности» в обычный прейскурант не входят. Но у меня, скажем так, остались в их среде кое-какие контакты.

— Датчанам не продадут? — поинтересовался полковник Кальф-Калиф.

— Предать может любой, — дернула губой Злобина. — Стопроцентной гарантии не даст никто, но опыт показывает, что в большинстве случаев на ходоков можно положиться. У них существует своя корпоративная этика, к тому же нарушение заключенного договора больно бьет по репутации. Поэтому, если задание окажется им не по зубам или, скажем, опаснее, чем предполагалось в момент заключения сделки, ходоки могут разорвать контракт, вернув задаток, заплатив пенни и принеся соответствующие случаю извинения. Такое случается редко, но все-таки случается. И для ходоков такой исход предпочтительнее обвинения в предательстве доверия. Это крайне важный нюанс. В одном случае — всего лишь потеря лица, в другом — позор. Потеря лица неприятна, но приемлема. В конце концов, любой может переоценить свои возможности, главное потом это честно признать. Репутационные потери в этом случае гораздо ниже, чем при обвинении в двурушничестве.

— Что ж, — кивнул Бармин, — если нет дополнительных вопросов и возражений по существу вопроса, предлагаю поручить госпоже Тулуповой проведение операции «Контакт».

Никто не возражал, и майор Злобина перешла к следующему вопросу — что делать с Союзной ратью? Здесь дела обстояли совсем иначе, чем с датскими родичами. Силы и средства трех княжеств были хорошо известны, как известен был теперь и мотив их враждебных действий. Все упиралось в земли графства Менгден, как и века назад, все еще формально являвшегося последней в империи Выделенной Стороной. Понятие это просуществовало на Руси всего триста лет, с XIV по XVII век и в реалиях формирующейся Великорусской Империи означало Суверенный Дом. Закон, таким образом, приравнивал графство к удельному княжеству, а графов Менгден к удельным князьям. Однако исторический казус состоял в том, что выделилась Вологодская сторона, превратившаяся позже в графство Менгден, из Новгородской республики, ставшей княжеством, прихватив между делом кое-какие территории, принадлежавшие прежде Ярославскому, Ростовскому и Галицко-Дмитровскому княжествам. Новгород с потерей смирился, тем более, что стал столицей империи, а вот «ободранные, как липка» соседи все никак не могли угомониться. Однако Менгдены мало того, что были сильны сами по себе, всегда имели сильных союзников и, кроме того, за ними стояли весь клан Менгденов и Северная марка^[80]. И статус-кво^[81] сохранялся бы и дальше, однако затем случилось подавление несостоявшегося мятежа, Карл Менгден был казнен, Сигурд лишен имени и вся эта политическая структура, вроде бы, развалилась, а у трех княжеств появились кое-какие перспективы. Однако пока Вологодский край находился под властью князя Северского, у всех, кто зарился на земли, входившие в графство, руки были связаны, поскольку идти войной на племянника, а позже — брата императора было им не с руки. Вроде бы, не государственное преступление, не мятеж против короны, а все же «очко играет». Однако появление Ингвара развязало им руки. Закон позволял княжествам выступить со своим «протестом», вот они и выступили. Однако

первая атака не удалась, а воевать на территории Суверенного Дома — это не то же самое, что напасть на замок княгини Кемской. Теперь уже Ингвар мог им ответить и, к слову сказать, кое-что в этом направлении успел предпринять. Бойцы разведгруппы его собственной дружины взорвали ликероводочный завод в Костроме, приносивший князю Ярославскому довольно приличный доход. Хороший удар, одних старых водок на складах сгорело на полтора миллиона золотых рублей. И это были всего лишь цветочки. Ягодки будут, когда Ева Менгден закончит формирование, комплектацию и обучение трех отдельных разведывательно-диверсионных групп специального назначения. Отряды эти должны были быть небольшими, — максимум взвод, — но укомплектованы отлично обученными профессионалами и вооружены по высшему разряду. Их предполагалось использовать для операций устрашения, то есть безжалостного террора на территориях Ярославского, Галицко-Дмитровского и Ростовского княжеств. Конечно, существовала опасность втягивания в долгоиграющий вооруженный конфликт с ответками, регулярно прилетающими со стороны противника. Однако никакого другого способа прийти к «полюбовному» соглашению, по-видимому, не существовало.

Фронтального наступления классического типа не будет, эту возможность закрыл императорский указ, и значит, обеим сторонам остается всего лишь понемногу гадить друг-другу, не переходя известной черты. Однако в этом случае, противник будет использовать уже имеющиеся формирования, состоящие из людей, успевших «состариться» на службе в мирное время. А Бармин уже вскоре сможет послать против них молодых волков, то есть тех, кто еще не растерял азарт молодости и не утратил гибкости мышления. Впрочем, кавказские барсы Субат-ханум в этом деле тоже должны сыграть свою роль. Лучших полевых разведчиков и диверсантов нет ни в одном из соседних княжеств. Однако за все в жизни приходится платить, и за подлинную дружбу с семьей Тухчар тоже. Ингвар обещал матриарху рода провести обряд Единения. Частью же соответствующего обряда станет ритуальное лишение девственности дочери Субат-ханум Хатун. А это, в свою очередь, означало, что если Бармин умудрится заделать юной красавице ребеночка, — а вероятность такого исхода была крайне высока, — то в прайде Тухчар появится или будущий великий воин, вполне возможно, обладающий, как и его отец, стихийной магией, или барс-оборотень, способный не только оборачиваться, но и колдовать.

«Такие дела, — подвел Ингвар итог своим размышлениям. — Положение обязывает, и все такое!»

— С этим более или менее разобрались, — сказал он вслух, выслушав предложения собравшихся по поводу усиления безопасности, как в графстве, вообще, так и в замке, в частности. — Увеличиваем численность дружинников, одновременно усиливая их огневую мощь. Не забываем о разведке и активной контрразведке, укрепляем кадровый состав службы безопасности, группы быстрого реагирования и управления специальных операций. С этим все согласны?

Возражений не было, но Бармин их и не ожидал. С чего бы возражать, если он всего лишь суммировал предложения, высказанные самими участниками совещания?

— Тогда, последний вопрос. Что нового по священнику?

— Все данные указывают на то, что это частная инициатива сектантов, — сообщила майор Злобина. — Однакостораживает то, с какой легкостью они добыли такой серьезный боевой артефакт. Поэтому мое мнение, расследование не прекращать, искать теневого организатора. Чует мое сердце, есть в этом деле кто-то еще. Умеет сука

маскироваться и задействовать людей втемную. Скорее всего профессионал и, возможно даже, кадровый разведчик. Надо копать глубже. И еще. Мне кажется, это как раз тот случай, когда не стыдно попросить помощь у Тайного приказа. Как бы не выяснилось, что мы имеем дело с иностранной разведкой.

— А им-то я чем насолил? — покачал головой Бармин.

Но, на самом деле, кое-какие идеи на этот счет у него все-таки были. Дело в том, что до сих пор он имел дело с теми, кому нужны были его титул, деньги и земли. Но существовала также вероятность, что кому-то мешают его слишком тесные отношения с кронпринцессой Ульрикой Катериной. В самой Швеции или в той же Дании, а возможно, что где-нибудь еще. Тут просматривалось два мотива. Первый был связан с появлением на свет ребенка, способного открыть проход к «Горячей скале» — Источнику в замке Роннебю слот. Возможно, кто-то этого не хочет, ведь, если не будет наследника, получившего благословение богини, можно попытаться сменить династию или, как минимум, посадить на трон кого-то другого вместо короля Карла Августа IX Ваза. Вариаций сюжета могло быть и больше, но основная идея представлялась очевидной — разрушить союз двух конкретных людей, Ингвара Менгдена и Ульрики Катерины Ваза. В этом случае, вражину следует искать за бугром. Другим мотивом могли быть опасения, что предполагаемый брак чрезмерно усилит королевство Швеция или сделает возможным возрождение Северной Марки. В этом случае, заинтересованные лица могли оказаться по обе стороны границы.

— Ладно, Ия Ильинична, согласен, — сказал Бармин вслух после короткой паузы. — Продолжайте расследования, а с Тайным приказом сделаем так. Мария Андреевна, — повернулся он к молодой жене, — если вас не затруднит, не могли бы вы переговорить на эту тему с отцом?

* * *

После окончания «военного совета» Бармин занялся хозяйственными делами, которых всегда, то есть ежедневно, находилось столько, что хоть отбавляй. Но отбавлять, увы, было некуда и перекидывать не на кого. Ольга, Елена, Варвара, а теперь еще и Мария и сами вкалывали не по-детски. Большое хозяйство, — целое графство, не считая вотчин на западе, — к тому же хозяйство пока еще не налаженное, а значит требующее внимания и пригляда. Вот Бармин и крутился, как белка в колесе, тем более, что ему хронически не хватало нормального образования. Так-то он был вполне себе образован, но, к сожалению, докторская степень по клинической психологии мало чем может помочь в деле управления огромным графством, превосходящим по размерам большую часть княжеств, расположенных на северо-западе и западе империи. Однако рутину графских буден нарушали порой весьма любопытные события.

— Ваше сиятельство! — поклонился Ингвару мажордом Руднев.

— Слушаю вас, Борис Михайлович.

Раз пришел, значит, есть дело. Руднев его никогда не беспокоил по пустякам, но мажордом руководил достаточно сложным коллективом, состоявшем из слуг и служанок разной квалификации, поваров и конюших, ремонтников, водителей автотранспорта и прочего служилого и, большей частью, крепостного люда. А где люди, там и проблемы, и не

все такого рода вопросы мажордом может разрешить своей властью. Иногда ему требовалось получить разрешение от господина, и тогда он шел к Бармину.

— Я подготовил кандидатуры, господин граф, но окончательный выбор за вами.

— Какие кандидатуры? — Бармин был в недоумении, он, вроде бы, ничего такого мажордому не поручал.

— Ох, извините, ваше сиятельство! — смутился мужчина. — Я думал вы в курсе, но выбирать все равно вам. Ваша сестра, Варвара Сигурдовна, поручила мне подобрать кандидатов на учебу в школе камеристок при Университетском Колледже Управления в Новгороде. Там готовят лучшую в империи прислугу. Недешево, конечно, но оно того стоит. Мы предполагаем послать пять девушек в Новгород и еще трех парней в Псков на Высшие курсы камердинеров господина Шаврова. Соответственно, я отобрал десять кандидаток и шесть кандидатов. Извольте ознакомиться с их личными делами?

— Да, спасибо, — кивнул Ингвар, он уже понял, откуда ветер дует. Варвара взялась устраивать его личную жизнь на свой манер.

«Что ж, посмотрим, — покачал он мысленно головой. — Может быть, она права, а я просто неверно интерпретирую реальность?»

Между тем, Руднев положил на стол перед ним стопку тонких пластиковых папок. В каждой лежало по одному листу с машинописным текстом и цветная фотография кандидата. Бармин перебрал несколько папок из тех, что лежали сверху. Это были кандидаты в его собственные камердинеры, но не сейчас, разумеется, не сразу, а через три года, когда они завершат обучение, а оно, судя по учебным планам, прилагавшимся к досье, было более, чем серьезным. Этикет, мода, мужская парфюмерия и аксессуары, боевая подготовка на уровне телохранителя 3-го класса, а значит, и серьезный физический тренинг, сервировка стола, физиогномика и языки, — норн, франк и алеманнский^[82], — уход за телом господина, его волосами и ногтями и множество других, не менее важных для хорошего камердинера, предметов. При этом все парни были в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, симпатичные, но внимание Ингвара привлекли психологические характеристики кандидатов. Все они характеризовались, как умные, деятельные и способные к учебе индивидуумы с ярко выраженным стремлением услужить своему господину всеми доступными способами. Это была общая для всех психологическая доминанта.

«Так, так, — сообразил Бармин. — То есть, если я вдруг захотел бы трахнуть такого вот мальчика, он сделает это для меня, даже если не имеет склонности к гомосексуализму. Что уж говорить о том, чтобы поделиться со мной своей женой или жениться на моей бывшей наложнице».

Просмотр личных дел кандидаток только укрепил Бармина во мнении, что все так и обстоит, и мажордом точно знает, кого и для чего отбирает. Все кандидатки находились в возрастном диапазоне между тринадцатью и четырнадцатью годами, — с тем, чтобы закончить трехлетнее обучение в самом подходящем для «употребления» возрасте, — все являлись писанными красавицами и характеризовались, как исключительно преданные своему хозяину холопки. То есть, не предадут, не сболтнут лишнего и при необходимости безропотно лягут под своего господина. Еще и довольны будут, поскольку общим местом, как успел узнать Бармин, было то, что довольно часто служанка поднимает свой статус через постель господина, то есть, учитывая профиль работы камеристок, через постель мужа хозяйки, ее сына или брата. Таковы неписанные правила этого сословного мира. Таковы реалии жизни во дворцах и замках.

Осознав этот факт и прикинув, какие у всего этого могут быть последствия, Бармин спросил Руднева, нет ли у того каких-нибудь других фотографий, и разумеется, таковые нашлись. Они лежали в отдельном конверте и явно были сделаны скрытой камерой в бане или душевых кабинках. Не порно, конечно, но кое-что рассмотреть все-таки можно, предположив, как будет выглядеть та или иная девушка через три года. Все они действительно были хороши собой при том, что сильно разнились: брюнетки и блондинки, — как минимум, трех разных оттенков, — а также рыжие и шатенки, высокие или нет, склонные к легкой полноте или, напротив, худые, девочки-подростки с едва намечившимися чертами женственности или вполне сформировавшиеся девушки со всеми признаками женской красоты.

Рассмотрев фотографии и пролистав личные дела, Ингвар остановился на трех кандидатках и двух кандидатах. Этого на его взгляд было более, чем достаточно, учитывая тот факт, что у каждой из его жен уже имелся свой собственный штат, не говоря уже о постоянном «населении» замка, в котором теперь всегда имелось достаточно слуг на все случаи жизни.

— Этого достаточно, — подвел он черту, передавая мажордому личные дела выбранных им парней и девушек. — Посылайте этих.

1. Седьмое ноября 1983 года

В крепости пардусов Бармин оказался впервые. Все было как-то недосуг, других дел хватало. Но сегодня было седьмое ноября, — «красный день календаря», — а значит, пришло ему время посетить Рысий кром, как окрестили детинец оборотней местные старожилы. Из всех диких кошек крестьяне, жившие на северном берегу Белого озера, знали только обыкновенных рысей, так что кавказских барсов между собой звали также. Поначалу, как стало известно из достоверных источников, появление в здешних лесах этих опасных хищников, — куда там обычным рысям, — довольно сильно напугало холопов графа Менгдена. Но представители семьи Тухчар поступили на редкость разумно и весьма дальновидно. Они посетили все крошечные деревушки, расположенные в ближних и дальних окрестностях их крепости, познакомились с людьми, — мужиками, бабами и детишками, — отдарились виноградной водкой и изюмом и заверили крестьян, что на людей пардусы не охотятся, ибо сами тоже в каком-то смысле люди. Однако предупредили, что, и на них охотиться не стоит. Не приведите боги, поднять руку на барса. Если что, вырежут всю деревню. Кровная месть — так это называется.

А детинец, к слову сказать, Бармину понравился. На его взгляд, это был самый настоящий форт в стиле покорения Дикого Запада, но с русским, а никак не кавказским колоритом. Бревенчатый тын с парой сторожевых башен, полтора десятка изб-срубов внутри палисада, большой терем матриарха и сложенные из камня здания мастерских и кузен. Так хорошо обустроиться на новом месте за такое короткое время надо еще суметь, а пардусы построили себе, — не без помощи наемных артелей, разумеется, — не только жилье и мастерские, но также склады, гараж для вездеходов, конюшню и коровник. Но что поразило Ингвара по-настоящему, это то, что рядом с оборотнями жили не только лошади и коровы, но и собаки — охотничьи и сторожевые, среди которых две-три были очевидными волкодавами. Крупные, лохматые и довольно-таки настороженные. Бармин видел таких в своей прошлой жизни, когда путешествовал по Кавказу.

«Нагази^[83], кажется, но как они уживаются с оборотнями?» — Вслух он этого не сказал, но его, по-видимому, выдало выражение лица.

— Не удивляйся, князь, — усмехнулась в ответ на его невысказанный вопрос дочь-наследница матриарха, — мы умеем ладить с животными, а не только на них охотиться. Я даже в обороте не испугаю ни коня, ни корову. Из наших, конечно. А с псами могу и погоняться по окрестностям. Они меня не тронут, и я их не трону. Они наши. Свои.

— Голоден, князь? Пойдем в дом? — Неожиданно резко сломала она линию разговора.

— Благодарствую, барышня, но я недавно из-за стола. — Бармин знал, что Хатун бесит обращение «барышня», но он ведь тоже не в восторге от того, что она зовет его «князем». Оно конечно, у них на Кавказе — все, кто не холоп, тот князь, но сейчас-то она не там, а здесь, где титулы имеют значение.

— Сразу в лес? — Чуть прищурилась девушка.

— Ритуал завершен? — задал он встречный вопрос.

— Всю ночь молились, — подтвердила дочь-наследница кавалерственной дамы Субатханум Парсбит. — На рассвете принесли жертвы. Теперь остались только мы с тобой. Ты и

я.

— Тогда можно сразу в лес, — пожал плечами Бармин. — Но, может быть, у тебя другие планы? В конечном счете, решаешь ты.

— Своим женам тоже позволяешь решать?

— А как иначе?

— Хороший ты человек, граф, — улыбнулась девушка-оборотень. — Мать правильно сделала, что пошла к тебе под руку. Гляди, другие могут тоже захотеть!

— Напугала! — хмыкнул Ингвар. — Если остальные такие же красавицы, как ты и твоя мать, отчего бы не принять.

И в самом деле, еще бы два-три таких прайда, и север расцветет! Безлюдных земель много, но не все способны их освоить. А из тех, кто способен, не все подходят Бармину. Но вот хазарские оборотни с этим явно справятся, не говоря уже о том, насколько усилится в графстве безопасность.

— Ну, раз мне решать, пошли! — позвала Хатун, и первой направилась к воротам детинца.

Прошли под низкой надвратной башней и двинулись по накатанной за прошедшие месяцы дороге. Здесь было просторно, потому что за стеной лежала расчищенная от леса полоса, большей частью превращенная в огороды.

— Успели посадить картошку? — кивнул Ингвар на грядки.

— Картошку, капусту, лук, морковь, — подтвердила девушка. — Еще редис, свеклу и брюкву. Остальное будем выращивать в теплицах. Здесь наши помидоры и сладкий перец в открытом грунте не вырастут. В августе приезжал агроном из Ухтомы, сказал есть холодостойкие сорта огурцов и чеснока. Мы потом еще яблоневые и вишневые деревья посадим. Будет сад, но не в этом году.

— Ты, гляжу, хозяйственная девушка, — похвалил Бармин, оценив подготовленность собеседницы.

— Так я же наследница, — пожалала она плечами. — Куда денешься от забот?

— Ты вот, что скажи, граф, — спросила через минуту, когда они уже шли вдоль русла невеликой речки, — ваш закон разрешает нам держать рабов?

— Твоя мать кавалерственная дама, — начал объяснять Ингвар, — но вы не местные. Закон запрещает мне передавать вам землю с крестьянами. Однако вы можете их купить где-нибудь в другом месте. Дальше к югу, по Днепру и Дунаю плотность населения гораздо выше. Там, как я слышал, можно купить крепостных. А почему ты спрашиваешь?

— Рабочих рук не хватает, — тяжело вздохнула Хатун. — Я и сестры — охотники и бойцы. Остальные заняты в мастерских, но огороды тоже нужны, и коровник, и сад. Да и, вообще, работы много. Вон уже распутица началась, а мы еще сливную канализацию не достроили. Деревянные мостовые кинуть надо, а то по шею в грязи ходим. Причал нужен для лодок... Да мало ли, что еще!

«Действительно хозяйственная, — отметил мысленно Бармин, — и думает на перспективу. С ней надо бы не только сексом заниматься, но и начать общаться систематически. Глядишь, польза будет...»

— Ты в школе училась? — спросил, как бы между делом.

— Нет, — покачала головой в ответ девушка. — Нас, пока мы маленькие, к другим детям лучше не подпускать. Я же убийца, князь, куда мне с ними? Сейчас-то я себя контролирую, а лет в семь или восемь меня с этими молочными поросятами в одной

комнате держать было нельзя. Дома училась, но все, что нужно, если ты об этом, знаю и умею. Счислитель^[84], математика, история и языки... Финансы немного... Бухгалтерский учет... Ну, и воинское искусство, конечно. Оружие, тактика...

— С уклоном в специальные операции?

— Разведка и диверсии, — согласилась дочь-наследница. — В этом мы хороши, а комбат из меня никакой. Хотя детинец наш, если придется, удержать смогу.

— Кстати о детинце, — вспомнил Бармин. — Мне показалось или у вас там действительно пост ПВО?

— Да, — подтвердила Хатун. — Это не тайна, твой генерал знает. У нас там ЗРК «Птицелов» стоит. Прикрывает озеро. Береговую линию. Нашу крепость и Хазарский стан на южном берегу.

— Ну, раз это не секрет, — продолжил Бармин расспросы, — чем, *если придется*, будешь крепость удерживать?

— Не секрет, — неожиданно улыбнулась девушка. — У нас в детинце пять КПВ: два «Тарана» калибра 14,5 мм и три «Цикады» калибра 12.5 мм^[85]. 40 мм станковый гранатомет, несколько РПГ, две базуки, три ПТУРа. Если нападающих будет не больше стрелкового батальона без артиллерии, удержим. Даже если вертолеты используют. Но у нас, ты же видел, все укрепления пока деревянные и земляные. Всего три бетонных ДОТа, два капонира и бомбоубежище. Долго не продержимся, но, если я и сестры уйдем из крепости вплавь и доберемся до леса, вырежем затем всех нападающих.

— Если кто-нибудь решится на вас напасть, — прокомментировал Ингвар, — они постараются не дать вам покинуть крепость. Отсюда вывод: копайте подземные ходы.

— Ну, мы где-то так и рассудили...

— Князь, — спустя минуту, нарушила Хатун тишину, — мать рассказывала, что ты вырос на острове за Полярным кругом, это правда?

— Я там и родился, — кивнул Бармин. — Покойная бабка вытащила меня с Груманта только в марте этого года. Как только император снял с меня опалу.

— И ты не знал, что ты граф? Не знал своего полного имени?

— Не знал и очень удивился, когда мне об этом рассказали.

— А как же, тогда?.. Я имею в виду, что ты не кажешься дураком.

— Дурак или нет, это от генетики зависит, — улыбнулся девушке Бармин. — Вот как родиться блондинкой или оборотнем. Можно быть абсолютно неграмотным гением и широко образованным дураком. Но я понял, о чем ты говоришь. Меня обучал отец, а когда он умер, продолжил его друг. Ну, а с марта месяца я сам все время учусь.

— Покажешь мне свою магию? — снова сменила тему разговора девушка-оборотень.

— Смотри! — Бармин указал ей на старую сосну.

Таиться от Хатун было бы глупо. Про его магию кто только не знал.

— Можно так, — он послал короткий узконаправленный импульс силы, которую не мог даже толком определить, что это такое. Но, если не забивать голову теорией, то на практике это было серьезное оружие. Короткий импульс и в довольно толстом древесном стволе — диаметром где-то под метр, — образовался пробой. Небольшой, как если бы сверлом высверлили, но практически мгновенно и сразу насквозь. Мгновенный удар, и только ошметки коры и древесины полетели из выходного отверстия.

— А можно и так. — Он дождался, пока Хатун рассмотрит сквозное отверстие, а потом ударил по дереву воздушным молотом, переломив могучий ствол у самого комля.

— Сильно! — восхищенно пропела девушка. — Аж завидки берут!

— А свою покажешь?

— Ты же уже видел меня в обороте, — усмехнулась дочь-наследница.

— Знающие люди говорят, что у вас своя магия тоже есть.

— Ладно, — пожала девушка роскошными плечами, — покажу, раз говорят. Но только для тебя. Не болтай об этом!

И в следующее мгновение ее облик поплыл, превратившись в смазанный контур, словно Бармин смотрел на нее сквозь пелену тумана, но тумана-то сейчас как раз и не было.

— Это *скрадывание*^[86], князь, а это *окрут*, — кивнула она на тропу, по которой они шли, и Бармин с неподдельным удивлением увидел, как прямо на глазах меняет направление тропинка. Шла прямо, пошла влево, и, словно, так всегда и было.

— Впечатляет! — признал он.

— А я тебя тоже впечатляю, или ты просто выполняешь обещанное?

— Какой ответ тебя устроит?

— Тот, в котором ты в меня влюбишься, — мечтательно вздохнула девушка.

— Может быть, когда-нибудь потом, — предположил Бармин. — Сейчас ты мне просто нравишься, но жизнь длинная...

Удивительно, но Хатун педалировать эту тему не стала, то ли приняла его ответ, как есть, то ли, на самом деле, ее этот вопрос не интересовал. Да и с чего бы ей вдруг влюбиться в Бармина и начать разводить сантименты? Не ее стиль, не сантиментальная она, как и любой другой хищник. Так что или, и в самом деле, пробило на чувства, или охотница просто проверяла его на вшивость. Все возможно.

Оставшуюся часть пути прошли не то, чтобы совсем уж молча, но разговаривали мало, обмениваясь лишь короткими ни к чему не обязывающими фразами, и, разумеется, ни разу не коснулись ни словом, ни намеком того, куда и зачем идут. Про Хатун Бармин ничего определенного сказать не мог, душа оборотня — потемки. Но сам он, как ни странно, волновался. Не стеснялся, этот этап он уже прошел. Не опасался, зная, что дочь-наследница является уже зрелой по их, оборотней, критериям личностью и умеет контролировать своего зверя. Да и сам он не ягненок, сможет, если что, за себя постоять. Однако чувство неловкости все-таки не покидало Ингвара, точно так же, как беспокойство по поводу последствий того, что им с Хатун предстояло сделать. А потом они пришли на место — просторную лесную поляну, примерно треть которой занимало небольшое озерцо, питаемое подземными ключами и крошечным ручейком, вытекающим из-за могучих лиственниц на дальнем краю поляны.

На дворе осень, но доминирующий цвет на поляне зеленый. Трава не пожухла, листья малинника, разросшегося на опушке, лишь немного поблекли, и об осени напоминало только яркое золотисто-желтое пятно небольшой группы берез на ближнем краю поляны.

«Да, — в очередной раз отметил Бармин, — климат здесь явно теплее, не то, что у нас».

Так оно и было, и, словно, в подтверждение этой мысли день выдался солнечным и теплым. На небе не облачка, земля сухая, и прозрачный воздух бодрит, но не вызывает озноб. Максимум градусов шестнадцать тепла, прохладно, но не холодно.

«Это удачно!»

Впрочем, организаторы «праздника» учли и возможность похолодания. Людей поблизости уже не было, — все ушли, — но к их с Хатун появлению все было готово. Из брошенных прямо на землю медвежьих шкур было сооружено просторное ложе, рядом с

которым для обогрева был уже разожжен костер-нодья^[87]. То, что горит живой огонь — это правильно, но Бармина удивило, как быстро переселенцы из Закавказья переняли у местных жителей способ разведения «долгоиграющего» таежного костра. Он был действительно удобен и эффективен для севера Европы, и явно будет дольше гореть, согревая постель, по другую сторону которой, но чуть в отдалении, горел другой костер, — классический, — разведенный рядом с навесом, под которым был накрыт обильный праздничный стол. Довольно большой, низкий, чтобы можно было сидеть рядом с ним на кошмах, и заставленный «до упора» серебряными и керамическими блюдами с закусками в восточном стиле, деревянными тарелками с лепешками юха^[88] и какой-то незнакомой Ингвару сладкой выпечкой, вином в кувшинах и сладостями в вазочках, сплетенных из серебряной проволоки. Все это было предназначено людям с хорошим аппетитом, который Бармину и его «невесте» еще только предстояло нагулять.

— Иди ко мне! — позвал он, оборачиваясь к Хатун и перехватывая инициативу. Впрочем, этот трюк легко проходит с обычными девушками, но с оборотнями такое вряд ли прокатит.

Удивительно, но секс очень часто сравнивают с войной. Во всяком случае, эпитеты и эвфемизмы говорят сами за себя: осада и сдача крепости, любовный поединок, «борьба в портере», и еще множество других слов и фраз. Однако, то, что в общем случае всего лишь красивый образ, по отношению к дочери-наследнице клана Тухчар оказалось истинной правдой. Бармин ее даже толком раздеть не успел, как они катались уже по меховому ковру, борясь за то, кто поведет в их любовной игре. Сначала, вроде бы, преуспевал Ингвар, попросту порвав на девушке всю ее праздничную одежду и добравшись благодаря этому до искомого — великолепного белого тела. Тухчар была действительно хороша до безобразия, но рассмотреть себя толком не дала, оказавшись вдруг позади него и уже оттуда, — практически из мертвой зоны, — умудрилась раздеть заодно и его. Причем ее модус операнди оказался не менее brutalен, чем образ действий самого Ингвара. Она порвала на нем одежду, разорвав ее буквально на лоскутки, но увлеклась и пропустила «ответный удар». Ингвар применил незамысловатый прием и, перекинув Хатун через плечо, бросил девушку на спину, что позволило ему, — пусть и на краткий миг, — насладиться незабываемым зрелищем лежащей на темном меху белокожей платиновой блондинки. А еще, воспользовавшись ситуацией, он смог ее поцеловать, и этот поцелуй сказал ему о многом. Пока длился этот невероятный момент, она могла скинуть с себя Бармина, как минимум, пять, если не шесть, раз, но вместо этого расслабилась и позволила ему насладиться, как поцелуем, так и ощущениями, которые дарила близость их обнаженных тел. Впрочем, скорее всего, это было отнюдь не «великодушие» и не «благотворительность». Девушка и сама наслаждалась моментом. Достаточно было оценить то, с каким энтузиазмом она включилась в игру языков, ласкавших друг друга и то и дело менявших «место встречи», сплетаясь то за ее зубами, то за его. Тело ее тоже было более чем отзывчиво. Во всяком случае, бедра дочери-наследницы ходили ходуном, пытаясь прижаться к члену Ингвара так тесно, как только возможно.

Потом первый поцелуй угас, и борьба возобновилась и продолжалась довольно долго, перемежаясь краткими периодами ремиссии, когда один из них оказывался внизу и не препятствовал «победителю» целовать себя там, где захочется и так, как получится. Хотелось же — везде. Причем не только Бармину, но и девушке. Ну, а получалось в меру «испорченности». У Ингвара чуть лучше, у Хатун чуть хуже, но, в целом, по обоюдному

согласию и ко взаимному удовольствию. Так они кувыркались достаточно долго, не переходя, однако, к главному блюду, но оба понимали, что сколько веревочке не виться, а конец будет. А значит, им все-таки придется сделать то, что является апофеозом любовной схватки. Это понимали оба, и ни один из них не готов был уже от этого отказаться. Поэтому Бармин правильно понял поступившее предложение, когда, оказавшись под ним Хатун сама раздвинула ноги.

Будучи порядочным человеком, Бармин не собирался делать девушке больно, но в дело вмешались ее темперамент, менталитет и особое отношение к боли. Став женщиной, — а из-за ее пыла это случилось быстрее, чем планировалось, — Хатун даже не подумала останавливаться и не дала остановиться Ингвару. Задним числом он сообразил, что, кроме всего прочего, у нее имелся для этого еще один побудительный мотив. Дочери-наследнице нужен был ребенок, и ради этого она была готова на многое, а Бармин, хоть убей, не мог сделать это быстро. Поэтому игра затянулась и закончилась только тогда, когда закончилась. Однако, едва улеглось безумие страсти, Ингвар осознал, что натворил, и ему стало стыдно. Но делать нечего, и сделанного не воротишь. Приподнявшись на локте и взглянув на вновь испеченную женщину, к большому своему удивлению Ингвар встретил лишь плывущий взгляд оранжевых глаз и тут же увидел улыбку, блуждающую на роскошных губах.

— Извини, если сделал тебе больно, — повинился он на всякий случай.

— Оно того стоило! — еще шире улыбнулась Хатун. — А боль — пустяк. Пойдешь со мной купаться?

— Пошли! — встал на ноги Бармин.

Он протянул Хатун руку, но она поднялась сама, — стремительно перетекла из одного положения в другое, — и не пошла, а побежала к озеру. Ингвар последовал за ней, однако бежать не стал. Шел и любовался бегущей женщиной, отметив между делом, что крови у нее на ногах гораздо больше, чем должно было бы быть при нормальном раскладе.

«Да, — тяжело вздохнул он мысленно. — Неловко вышло!»

Однако Хатун и не думала на него обижаться. Она нырнула в озеро и легко поплыла, пересекая его в самом широком месте. Впрочем, там вряд ли было больше пятидесяти метров, так что вскоре она плыла уже назад.

— Болит? — спросил Бармин, вынырнув рядом с плывущей женщиной.

— Пройдет! — фыркнула она, поднимая голову над водой. — Я же оборотень, не забыл? На мне все заживает быстрее, чем на собаке.

— Все?

— Нет, — улыбнулась Хатун, — снова девушкой я уже не стану. Так что не надейся. Ты же знаешь, *нельзя дважды войти в одну и ту же реку*.

— Ну, и слава богам!

— Слава, Деване, князь! — кивнула Хатун. — У нас родится замечательная девочка, ты будешь ею гордиться.

— Я не против, — усмехнулся в ответ Бармин, совершенно уверенный, что все это всего лишь женские мечты, но он ошибся.

— Не сомневайся! — успокоила его дочь-наследница. — Мы, пардусы, знаем такие вещи сразу. Женщины-оборотни всегда знают, когда зачали и знают кого именно. Так что, не сомневайся. Девочка, оборотень, твоя дочь...

2. Четырнадцатого-пятнадцатого ноября 1983 года

На этот раз его разбудил Источник. Ингвар проснулся от острого чувства тревоги. Тревога эта, однако, была не безотчетной, — как можно было бы ожидать в такой ситуации, — а вполне конкретной, поскольку, проснувшись, Бармин уже знал, что где-то поблизости, еще не в самом замке, но уже отнюдь не в далеком далеке, зреет угроза. Источник не мог объяснить точнее, не мог «сказать» словами или «показать» какими-нибудь картинками, что за угроза и от кого она исходит, но ясно дал понять, что опасность по-настоящему велика. И значит, вступал в силу протокол реагирования «Лесной пожар», согласно которому Ингвар первым делом запустил с прикроватного пульта сигнал оповещения «*Неопределенная угроза 1-й категории! Готовность Ноль*». Самое любопытное, что придумали это не *ловцы человек* майора Злобиной, а Варвара, просто задавшая Ингвару правильный вопрос в подходящее время.

— Что случится, если тревогу объявит сам замок? — спросила она в паузе между первым и вторым подходами, когда, успев уже «отдышаться» от любви и нежности, они пили с ней вино.

— В каком смысле? — очевидным образом ступил Бармин, мысли которого были заняты совсем другим. Вернее, он был слишком увлечен созерцанием красоты, воплотившейся в женском теле, чтобы в это время еще о чем-нибудь думать.

— Отвлекись, пожалуйста, от моих прелестей! — без раздражения, но, напротив, с отчетливым чувством удовольствия в голосе попросила женщина. — Я о том, что Источник ведь может засечь какую-то опасную для нас активность вблизи Усть-Углы или, вообще, где-то на территории графства. Что случится в этом случае?

— А знаешь, — вернулся Ингвар из страны грез, — ты задала совершенно правильный вопрос. Но у меня нет на него однозначного ответа.

На самом деле, ответ был, но Бармин пока всего лишь учился быть волшебником и не всегда делал правильные выводы из той информации, которой, располагал, как глава рода. В записях его предшественников этот феномен описывался не раз и не два. Источник действительно был способен обнаружить угрозу. Не всегда и не в полной мере, но все-таки обнаруживал. Однако, не будучи ни человеком, ни богом он не мог классифицировать не только размер и характер угрозы, но и то, от кого она исходит и как далеко находится ее источник. Причем в большинстве случаев люфт между крайностями — от «смертельной опасности» до «незначительной угрозы», — был настолько мал, что их невозможно было различить «на слух». Поэтому единственная рекомендация на такой случай была вполне в духе великих предков: *«лучше перебздеть, чем недобздеть»*.

Вспомнив об этом во время того ночного разговора, Бармин уже на следующий день ввел в перечень оповещений лаконичное и напрочь непонятное «*Неопределенная угроза*». Ну а 1-я категория и готовность ноль были простым логическим следствием из неопределенности обстоятельств. Когда не знаешь, что именно тебе угрожает, лучше перестраховаться, и сразу, не откладывая, ударить в колокола громкого боя. Хуже явно не будет.

Сейчас же проснувшись от предупреждения и отправив сигнал тревоги, Бармин тотчас разбудил Ольгу, которая, разумеется, о тревоге не знала и знать не могла.

— Просыпайся, красавица! — погладил он ее по волосам.

— Что случилось? — все еще сонным голосом, лениво и как бы даже капризно спросила женщина.

— Тревога! — коротко ответил Бармин, уже прокручивая в уме план действий на

следующие полчаса. Как раз столько времени оставалось сейчас, по его ощущениям, до первого выстрела.

— Тревога! — повторил он для Ольги. — Просыпайся, милая, и ходу, ходу! Беги, буди Мари и Елю и сразу одевайтесь по-походному. В смысле, как на войну.

— Да! — вспомнил, направляясь в гардеробную. — Не забудьте нацепить на себя все свои цапки. Мало ли что!

И закрутилось. Соблюдать в такой момент скрытность было неуместно, да и глупо, — спонтанная попытка устроить противнику западню могла плохо кончиться для самих ловцов, — поэтому замок оживал прямо на глазах. «Поднимались на крыло» группы усиления, сдваивались посты и караулы, усиливался контроль над территорией, имея в виду сам замок, ближние окрестности и город Шексна и, наконец, все графство с его городами и весями. Поднимались в ружье дружинники, оживали системы территориального ПВО, выставлялись полицейские заставы и жандармские блокпосты. Впрочем, все это происходило по заранее отработанной схеме и прямого отношения к Ингвару сейчас уже не имело. Везде хватало своих начальников, им и карты в руки.

Закончив одеваться, — полевая экипировка офицера спецназа и комплект боевых артефактов, строго отобранных как раз на такой чрезвычайный случай, — Бармин прошел в кабинет. Окна просторной комнаты, как и вообще все окна на этаже, были уже закрыты бронеставнями, и на экраны автоматически выдвинувшегося из стены контрольного пульта сплошным потоком поступали сообщения из штаба генерала Горбатова-Шуйского в Шексне и из центрального поста, устроенного в бункере под Старым дворцом. Впрочем, о характере угрозы никто ничего определенного сказать пока не мог. Везде, — куда ни глянь, — было по ночному времени тихо, спокойно и обыденно безопасно. И это было плохо или даже очень плохо, потому что означало, что по его душу пришли сильные маги. Эту мысль Ингвар тут же донес до всех заинтересованных лиц, отпечатав сообщение на клавиатуре счислителя, объединенного в сеть с тремя десятками других ЭВМ, расположенных во всех ключевых пунктах замка, города и графства. Среди его людей было немало магов, в том числе и хорошо обученных боевых магов, им теперь и предстояло вступить в бой.

«Не было печали, так черти накачали!»

И в самом деле, и года не прошло, как он живет в этом мире и в этом теле, а на него охотятся все, кому не лень, как на какого-нибудь долбаного кабана. Всем он нужен, но, разумеется, не живым, и все, — имя им легион, — стремятся любым доступным образом убрать его с имперской шахматной доски, и лучше сразу и насовсем. Прибить, прикопать и забыть, как о страшном сне. Одним спать не дают его титул, деньги и обширные вотчины, другие опасаются его самого, воспринимая то ли в качестве конкурента, то ли, как ту самую соломинку, что переломила верблюду спину. И все, в сущности, как всегда. Как было, так и будет. В основе всего политика и деньги. Деньги и политика, а, если обобщить, то попросту интересы, которые у каждого свои.

За прошедшие месяцы, в Бармина неоднократно стреляли. Один раз даже учинили полномасштабную войну. И где? В самых что ни на есть коронных землях старого Северо-Запада. На Псковщине, а не где-нибудь в, богами забытом, Тимбукту. Стреляли из снайперских винтовок, — по общему счету, пять попыток, — палили из гранатометов и минометов, не говоря уже о пулеметах и прочем огнестреле. Однако не вышло. И вот теперь в дело пошла тяжелая артиллерия. Сначала боевой артефакт, а сейчас, судя по всему, в гости пожаловала группа сильных магов, и намерения у них самые что ни на есть решительные.

«Вот ведь неймется! — едва не скрежетнул зубами Ингвар, в котором начал просыпаться дух неукротимых берсеркеров прошлого. — Дайте срок, господа хорошие! Если сегодня уцелею, начну наносить ответные визиты вежливости. Хватит с меня быть паймальчиком. Я Менгден или кто?! Крови хочу! Крови! И чтобы рекой лилась, мать вашу!»

Между тем, заработал телетайп прямой связи с Центральным Постом.

«Множественные воздушные цели с юга и востока».

— Ага, ага, — покивал Бармин, соображая, как сочетается атака с воздуха с находящимися где-то поблизости, — иначе их не смог бы засечь источник, — вражескими магами. — Совместный удар?

— Это ты меня спрашиваешь? — поинтересовалась, входя в кабинет, встревоженная Мария.

— Нет, — покачал головой Бармин. — Это я сам с собою разговариваю. Где остальные?

— Уже идут.

— Хорошо, — кивнул Ингвар. — Как придут, спускайтесь в подземелья. Жалко Варвары нет, некому провести вас в нижнее убежище. Но на минус втором уровне тоже есть хороший бункер. Туда сейчас как раз из замка уходят все гражданские.

— Вот пусть и идут, с богом! — холодно улыбнулась Мария, просматривая телетайпную ленту. — Мы остаемся.

— Совсем сдурели? — поинтересовался Бармин, не преминувший полюбоваться на юную амазонку. Назвал бы валькирией, но ей до Брунгильды массы не хватает. Одним словом, не Варвара, но тоже чертовски хороша!

— Кстати, обозначилась наземная атака с юго-востока, — проигнорировав его реплику, доложила княгиня Полоцкая, обрывая кусок телетайпной ленты. — Бронетанковая колонна, девятнадцать единиц и до роты мотопехоты. Обошли Галич, идут на Вохтогу.

Бармин хотел было наорать, но не успел, потому что зазвонил телефон. Ингвар вдохнул, выдохнул, досчитал до пяти и снял трубку.

— Слушаю!

— Доброй ночи, Ваше Сиятельство! — вежливо поздоровался с ним кастелян замка.

— Серьезно, Михаил Семенович?

— Война войной, а бонтон^[89] никто не отменял, — коротко ответил полковник Кальф-Калиф.

— Тогда, доброй ночи, полковник. Слушаю вас.

— Из канцелярии губернатора только что сообщили, что согласно закона «*О взаимных претензиях удельных князей и приравненных к ним лиц*», имперские вооруженные силы в конфликте участвовать не могут, жандармерия, поскольку она имеет центральное подчинение, тоже. Нас поддержит только местная полиция и пожарники. Это все, Ваше Сиятельство.

— Значит, губернатор проснулся ночью, — Бармин взглянул на наручные часы, — в час ночи с минутами, если быть точным, и позвонил в Усть-Углу, чтобы сообщить владельцу края, что по приказу императора умывает руки. Я правильно вас понял, Михаил Семенович?

— Точно так, Ваше Сиятельство, — подтвердил Кальф-Калиф. — Предполагаю, что он знал о готовящейся атаке, как минимум, часа за два или даже за три до звонка.

— И не сообщил, — констатировал Бармин. — Смерти ищет?

— Могу предположить, что таков был приказ, полученный им от лица, которому губернатор не может отказать.

— Я понял, спасибо. Генералу уже сообщили?

— Так точно.

— Спасибо, я все понял, — повторил Ингвар.

«Ну, что ж, император обозначил свою позицию, и я ему это не забуду, но первым делом сведу счеты с губернатором. Приказ приказом, но умный человек всегда найдет канал для утечки информации. Не нашел или не захотел искать, сам виноват, к себе и претензии!»

— Разговор слышала? — спросил вслух, оборачиваясь к Марии.

— Позвонить отцу?

— Да, попробуй! Но сначала, скажи мне пожалуйста, почему ты не хочешь уходить в убежище?

— Потому, Инг, что у меня двенадцатый ранг, — пожалала плечами молодая женщина, одетая, как боец спецназа на операции. — Наверное, уже тринадцатый, а может быть, и чуть выше. Если мы скооперируемся с Елей, вполне заменим армейское ПВО. Во всяком случае, на близких дистанциях. Ольга тоже сильный боец. У нее, я думаю, уже девятый ранг, и отлично получают атакующие пасы. Сам видел. Щиты она тоже хорошо держит. На нее можно оставить оборону замка, а мы с Елей будем рядом с тобой.

По голосу жены Бармин понял, что спорить бесполезно, поскольку в нем звучала такая непоколебимая решимость, что легче разрешить, чем спорить сейчас о том, кто в доме хозяин.

— А вот и мы! — Ольга и Елена были одеты точно так же, как княгиня Полоцкая. Камуфляж, бронежилет хазарской работы и разгрузка. Даже короткоствольные автоматы прихватили, хотя зачем они сдались магиням, знают только боги.

— Отлично! — кивнул Ингвар. — Артефакты при вас?

— Мы что, похожи на идиоток? — вопросом на вопрос ответила Елена.

— Значит, взяли, — констатировал Бармин, совершенно проигнорировав слова жены и ее тон. — Тогда так. Ты, Хельга, скоренько идешь на передовой командный пункт в Медвежью башню. Будешь вместе с Портновым и Кержаком оборонять замок. Елена и Мария образуют тандем и поработают, если потребуется, мобильным комплексом ПВО, но находятся поблизости от меня. И, если мне придется покинуть замок, они идут со мной, а ты Хельга, если что, уходи в подземелья и дуй прямым ходом на ту сторону реки в Темный бор, и ради всех богов, не рискуй понапрасну! Идет?

Женщины спорить не стали, и через минуту все были уже заняты делом. Мария пошла в спальню, чтобы оттуда позвонить отцу и в свои замки в Полоцке и Витебске. Край, конечно, не близкий, но, если арендовать частный самолет, то двадцать-тридцать бойцов могут быть в Череповце уже через три-четыре часа. А что касается князя Северского, то, даже если существует запрет на вмешательство, пусть хотя бы выяснит, с чего вдруг император дал врагам Ингвара отмашку именно сейчас, да еще и с такой неспортивной форой. Ну, а если захочет и сможет помочь в обход запрета каким-нибудь воинским контингентом, вообще хорошо. Сам Бармин тут же отправил телеграмму Федору Северскому-Бабичеву. Помощи, разумеется, не просил, слишком далеко жил его брат, но все же предупредил, чтобы, если потребуется, подстраховал их отступление из графства. Иди знай, как сложатся обстоятельства.

Ольга тем временем вышла в гостиную, ей надо было позвонить в Надозерье. Там тоже можно было мобилизовать человек двадцать дружинников, и лететь им из Гдова ненамного дальше, чем из Полоцка. Елена же взялась обзванивать Варвару, которая, как на зло, уехала

третьего дня в замок Устье^[90], и гостившую, на счастье, у матери Дарену. Глинскому Ингвар решил не звонить. Сам узнает. От сына или от дочери, но в ближайшие полчаса узнает. Решит вписаться, «you're welcome»^[91], ну а на нет, как говорит народная мудрость, и суда нет, хотя в этом случае стоит набить князю морду, пусть и задним числом. Сам же Бармин связался с Хазарским станом, а затем позвонил в Рысий кром. Ответила какая-то незнакомая женщина, представившаяся, как Чичак бат Сарах^[92]. Сказала, что сигнал тревоги получен, и крепость готовится к отражению атаки.

Что ж, хазары действовали быстро, и это хорошо, потому что как раз во время разговора с Чичак, по телетайпу пришло оповещение о третьей группе воздушных целей, идущей со стороны Онежского озера через Вытегру. И значит, вскоре эта эскадрилья, — семь бортов, — попадет в зону действия хазарского ЗРК «Птицелов».

«А кстати, — сообразил Бармин, — откуда информация о воздушных целях, если армии приказано не вступать?»

Ларчик, впрочем, открывался просто. Как сообщил штаб, это, оказывается, им подсобили новгородцы. У них станция слежения в Кондопоге, а оттуда далеко видно.

«Не побоялись! — отметил он мысленно. — Не забыть, послать новгородцам на станцию ПВО бочку коньяка. Такая помощь на войне дорогого стоит».

И как раз в этот момент, прикидывая, кого потом отблагодарить, а кому припомнить плохое «в 6 часов вечера после войны»^[93], Бармин осознал, что действует совсем не так, как можно было бы ожидать от семидесятилетнего профессора психиатрии. Ушла, — и, скорее всего, навсегда, — неуверенность, свойственная всем слишком много думающим людям. Он больше не анализировал впустую, не растекался привычно «мыслью по древу», а действовал. Принимал решения, отдавал приказы и делал это быстро и обдуманно. Не боясь последствий, не воображая себе всякие ужасы, не запугивая самого себя.

«Быстро и решительно, — определил он свой модус операнди. — Но я подумаю об этом как-нибудь потом, когда не надо будет бороться за свою жизнь».

И Бармин вернулся к насущным делам, но то, что ему так неожиданно открылось, он конечно же не забудет. Придет время, и он проанализирует ту новую личность, что возникла на месте прежней, потому что нынешний Ингвар Менгден уже не Игорь Викентиевич Бармин. И дело не в имени и внешности, а в том, что это два совершенно разных человека.

Если честно, поначалу он сам себе не поверил. Слишком невероятным казалось ему предположение, что он настолько крут. Однако, чем дольше длилась эта ночь и чем больше становилось известно подробностей, тем отчетливее становилось понимание, что он все увидел правильно. На самом деле, задумка напавших на него сукиных детей была не бог весть какой мудреной, — одним словом, не Канны и не Фермопилы, — и, тем не менее, противник сумел создать вокруг Усть-Углы такой хаос, что защитники графства потеряли за деревьями лес. И все могло бы кончиться совсем плохо, но Бармин все-таки разгадал план навязанного ему сражения. Вернее, это разбудивший его среди ночи Источник подсказал Ингвару, откуда исходит главная опасность. А зная, что предполагается атака группы боевых магов, Бармин определил все остальные оперативные направления, как второстепенные, и не ошибся.

Авиация, танки и диверсионные группы — все это обычная военная сила и обычные средства ведения войны. Справиться с ними, — пусть и с трудом и не сразу, — могли дружинники Ингвара. Но главными в этом деле были все-таки маги, — та самая группа, которую обнаружил Источник, — и меряться с ними силой могли тоже одни лишь маги. И при том, исключительно сильные маги, поскольку их никто пока не заметил. Ну, кроме Великого Источника да самого графа Менгдена.

«Пора!» — понял Бармин, когда защитники замка отбили очередной, третий за полтора часа, налет вражеской авиации.

К этому времени, силы атакующих удалось проредить в достаточной мере, но враг, тем не менее, продвинулся далеко вглубь графства и уже вводил в бой резервы. Армейские части имперского подчинения заперлись в казармах и движению вражеских колонн не препятствовали. Однако, среди жандармов, которым их руководство в Новгороде категорически запретило вмешиваться, нашлись порядочные люди. Они вели наблюдение за противником и, пользуясь своими личными контактами в полиции, передавали информацию людям Менгдена, а в паре мест даже застопорили движение вражеской техники, анонимно взорвав мосты или устроив лесной завал. Мосты взрывались аккуратно, так, чтобы их можно было починить за день, максимум — за два. Но у наступающих не было на это времени. К утру, — но, скорее всего, все-так часам к пяти вечера, — они или победят, или их здесь же, в графстве Менгден, и похоронят без почестей, но под фанфары. Это хорошо понимали обе стороны, оттого и сражались в полную силу. К слову сказать, именно жандармы первыми выяснили, «с кем воюем». Кого-то они там раскрутили втемную, возможно, что и не своими руками, вот молодчик и запел, только слов в той песне было пока маловато. Это опять была Союзная рать, только теперь к Ярославскому, Ростовскому и Галицко-Дмитровскому княжествам присоединились суздальцы и костромичи. У них к Менгденам не было территориальных претензий, но почему бы не пограбить чужое добро? Вот они и вписались, а в результате, Союзная рать реально увеличила численность действующих против графства контингентов, а значит, и свою боевую мощь.

Между прочим, первыми пострадали как раз суздальцы, чей вертолетный десант «смахнули» с неба Хельга и Кержак. Молнии высокого напряжения довольно-таки страшное оружие, но Бармин, находившийся в это время уже за пределами замка, увидел их

эффективность впервые. Зрелище оказалось впечатляющим, а создальцы сходу потеряли два атакующих и три транспортных геликоптера, и, разумеется, весь свой десант — около пятидесяти бойцов и командиров. Потери для не самого богатого в империи княжества просто катастрофические, но главное — их атака захлебнулась. Конечно, это был еще не конец. На самом деле, сражение только начиналось, но зачин вышел, как на заказ, тем более, что еще через семь минут Бармину сообщили по рации, что люди Субат-ханум подбили над Белым озером низко идущий конвертоплан. Чья это была машина, пока было неизвестно, но, поскольку борт шел без габаритных огней и с выключенным транспондером, сомнений ни у кого не было — это враг.

— Кошки срубили над озером конвертоплан, — тихо сообщил он своим спутникам.

— Хорошие девки, дай им бог здоровья! — шепотом прокомментировала радостное известие Мария.

— Во-первых, девки — это вульгарное слово, — влезла Елена, не вовремя возомнившая себя кем-то, вроде старшей сестры. — А во-вторых, не бог, а боги. Мы же язычники, Мари. Надо привыкать.

— Кто бы говорил! — фыркнула в ответ Мария. — Думаешь, я не слышала, как ты назвала вчера отца Хельги пиздюком?

— Обе! — привлек их внимание Ингвар. — Хорош пи... Трепаться! Мы, между прочим, на войне. Лучше ищите супостата, они где-то неподалеку.

Покинуть замок и скрытно выдвинуться навстречу противнику оказалось хорошей идеей. Колдовская сила Ингвара мало что значила, пока он оставался внутри каменных стен, зато переместившись вместе с Марией и Еленой в лес у поселка Кипелово на полпути к Вологде, он обрел полную свободу действий. И результаты не заставили себя ждать. Еще четыре коротких рывка, и они оказались на опушке леса близ проселка Большое Назарово буквально в трех километрах от шоссе Вологда — Шексна.

— По шоссе идут танки, — шепнула вдруг встревоженная Елена. — Много. Не могу сосчитать, но больше пяти.

— Откуда знаешь, что танки? — сразу же заинтересовалась Мария. — Я к тому, что «вижу» только плотные тени. По мне, так это могут быть автобусы или грузовики. Сколько не скажу, не знаю. Просто одна слитная тень, но есть ощущение, что тень не сплошная, а составная, как велосипедная цепь.

— Я «вижу» тяжелые машины, — пожалала плечами Елена. — Если это грузовики, то только самосвалы с пятью-шестью тоннами битого камня. Автобусы — легкие. Когда они идут по шоссе, то рассекают воздух, а эти его продавливают, уминают.

«Магия похожая, а результаты разные, — отметил Бармин, не перестававший исследовать все еще удивительные для него феномены колдовства и ведовства. — Мария сильнее, но Лена все равно „видит“ лучше. Дальше и точнее».

Сам он точно знал, что по шоссе на Шексну идет колонна, состоящая из пятнадцати танков прорыва «Вепрь-11М», оснащенных гладкоствольной 125-мм пушкой, трех десятков бронетранспортеров с десантом и шести БМП. Ни грузовиков с пехотой, ни машин других типов в этой колонне не было. И еще один любопытный нюанс: этой бронетехнике просто неоткуда было взяться так близко от Усть-Углы и Шексны, и значит, правдивы были все эти салонные «шу-шу» о том, что кто-то из магов способен открывать по-настоящему большие порталы и держать их открытыми достаточно долго, чтобы пропустить через них довольно много боевой техники.

«Знать бы еще, кто это у нас такой умный! И кто, разрази его молния Всеотца, продал в частные руки новейший танк прорыва?»

— Колонна большая, — сказал он вслух. — Пятнадцать новейших «вепрей» и тридцать «лóдий» с десантом по одиннадцать бойцов в каждом бронетранспортере. Большая сила.

— Почему их никто не заметил раньше? — удивилась Мария.

— Тут же от ближайшей границы километров семьсот по прямой! — Поддержала княгиню Полоцкую герцогиня Бирон.

— Вопросов много, но сейчас не время искать ответы, — охладил их пыл Ингвар. — Надо сообщить в штаб и выдвигаться на перехват колонны...

Он хотел предложить женщинам возникший у него план засады, не предусматривавший, впрочем, использование «оружия судного дня», — кольца «Рука бога»^[94], - но именно в этот момент Ингвар «почувствовал» колдунов. Черт его знает, как это у него получилось, но там, где еще мгновение назад никого не было, вдруг появилась мерцающая жемчужная пелена. Магия была нестандартная, то есть, не такая, к какой он привык. Но при всем при том, это была классическая магия, а не стихийная. Так что Бармин «увидел» эманацию колдовства только с помощью перстня-артефакта с печаткой из черного оникса. Однако, если мерцающая завеса была чем-то, вроде маскирующего полога, прикрывшихся ею тварей Ингвар увидел уже своим собственным колдовским взглядом. Их было семеро. Пять мужчин и две женщины. Большого он о них сказать не мог, поскольку видел сквозь завесу лишь смутные контуры их тел, по которым возможно было определить лишь пол, рост и примерный вес. Но большего, если честно, и не требовалось. Бармин знал о них достаточно, чтобы убить без угрызений совести. Они пришли за его жизнью, так что он был в своем праве. Другое дело, получится ли? Все семеро, надо полагать, являлись по-настоящему сильными магами. Оттого Источник и встревожился. Почувствовал, видать, что на его территорию зашли чужаки, обладающие большой силой.

— Вот что, дамы, — повернулся он к своим женам, замолкшим вдруг, что называется, на полуслове, — Сейчас, я перенесу вас к железнодорожному переходу. Знаете, где это?

Женщины знали. Только кивнули в ответ и смотрели сейчас на Бармина с неммым вопросом в глазах. Ночь или нет, он все это видел, как днем.

— Дождетесь колонну там. Позицию лучше всего выбирать на фланге. Там, близ дороги есть, кажется, невысокий холм. Он вам подходит просто идеально. Обзор будет хороший, и бить сможете не прицельно, а по площадям. Постарайтесь уничтожить танки и уходите по обстоятельствам или в сторону города, или к замку. Рации у вас есть. Порталы открывать умеете. Свяжетесь со штабом, они по обстоятельствам скажут вам, где нужна помощь или где вас смогут прикрыть. И не зарывайтесь! Вы мне еще детей родить должны, так что, сами понимаете.

— А ты? — спросила Елена, как только он завершил свой краткий спич.

— Что ты увидел? — практически одновременно с напарницей задала свой вопрос Мария.

— То, что я увидел, не для вас, — покачал Ингвар головой, зная, что и женщины видят в темноте не хуже него. — И не спорьте! Это приказ. Вопросы?

Вопросов не было. Обе знали, что Бармин своей властью никогда не злоупотребляет, но это не значит, что можно забыть, кто в доме хозяин. Тем более, во время боя, когда единоначалие — это фактор выживания.

«Высадив» девушек в виду железнодорожного перехода, Бармин кивнул им на поросший соснами холм и коротко объяснил, как, на его взгляд, лучше атаковать.

— Время терпит, — поглядел он на пустынное в этот час шоссе. — Успеете сделать себе окопчик, оттуда и ударите. Дальше по обстоятельствам, но долго на одном месте оставаться нельзя. Лена прикрывает, Маша бьет и тут же открывает портал метров на сто-двести в сторону или на ту сторону шоссе, в березняк, — указал он на темнеющее пятно древесных крон. — Перешли, теперь бьет Лена, а ты, Миа, держишь щит. Принцип прост: одно место — один удар, затем смена локации и смена функций. Иначе или противник пристреляется, или от боли сами форму быстро потеряете!

Что есть, то есть. Магия, порой, бывает весьма болезненна, так что для того, чтобы колдовать, нужно иметь не только хорошую выучку, но также выносливость и способность терпеть боль. Щит, в этом смысле, сущая ерунда: «укус шершня» в начале и ноющая боль в мышцах, как бывает после серьезных физических усилий. А вот атакующие заклинания требуют настоящего мужества, даже если работаешь с помощью артефакта. Удар средней силы может ощущаться, как сердечный приступ или почечная колика, и всей разницы, что боль от колдовства проходит достаточно быстро. Однако два-три таких выступления подряд, и организм может выдать какой-нибудь неожиданный эффект. Потерю сознания, например, или острый приступ вертиго^[95]. Бармин называл такое положение дел хитрым самопальным термином «закон сохранения благодати». А, если упростить еще больше, то боль компенсировала могущество, наверное, чтобы маги прочувствовали, что здесь им медом не намазано. Сам Ингвар тоже испытывал боль, хотя его магия сильно отличалась от классической, но, видимо, это действительно было что-то вроде универсального закона природы или справедливостью Фьельнира^[96].

— Постарайтесь не потерять контроль и не подставиться, — закончил он свои наставления. — И, как только начнет припекать, сразу же уходите. Оно того не стоит!

«Мои б слова, да Одину в уши! — вздохнул он мысленно, глядя в широко открытые честные-пречестные глаза двух „хороших девочек“. — Обманут ведь, как пить дать, обманут, но и на привязи их держать глупо. Какая же это жизнь, если отказывать им в праве на подвиг?»

Но Ингвар все-таки еще раз попробовал убедить своих «*повернутых на сто восемьдесят градусов*» баб, чтобы не лезли на рожон! И, что любопытно, обе две клятвенно обещали в ответ быть пай девочками и тотчас отправились сооружать с помощью магии укрытие на холме, а Бармин проводил их тоскливым взглядом, — рисковать этими чудесными девушками не хотелось от слова «совсем», — и одним переходом вернулся назад. Туда, где десять минут назад наткнулся на группу скрытно передвигающихся магов.

Итак, эти люди двигались по тропинке, тянущейся вдоль дороги, и прикрывались магической завесой. Такого Бармин еще не видел, но, даже восхищаясь эффектом, не забывал о главном. Это были враги. И за то время, что он отсутствовал, опасные чужаки продвинулись больше, чем на полтора километра, хотя его, к слову сказать, так и не обнаружили.

«Бегут они, что ли?» — удивился Ингвар, но времени разгадывать загадки у него не было. Не приведи, Всеотец, эти сукины дети доберутся до замка или до въезда в город, где

держали оборону бойцы полицейского спецназа, всех снесут подчистую. Никого не пожалеют, потому что все, кто с Менгденом, враги по определению и подлежат уничтожению. Однако резня практически безоружных людей, — если сравнивать их возможности с силой колдунов, — была последним, что Бармин был готов допустить.

«Не в мою смену, господа-товарищи! Не в мою смену!»

Ингвар быстро нагнал идущих в сторону города магов, — он двигался явно быстрее, — удивляло, однако, то, что они его, словно бы, не замечали. Шли и шли себе, игнорируя погоню, и обнаружили только тогда, когда Бармин был уже всего в полусотне метров от замыкающего группы. Вот тут они и среагировали. Вернее, один из них. Тот, что нес дозор правой руки. Видно, почувствовал что-то, обернулся на ходу, и Бармин поймал направленный на него взгляд. А дальше все было, как в американских вестернах. Два ганфайтера один напротив другого — глаза в глаза, и у каждого правая рука, зависшая над рукоятью револьвера в кобуре. Кто быстрее, тот и победитель, а проигравшего обычно хоронят. Так вот, на этот раз, быстрее оказался Ингвар, мгновенно, — едва встретились их взгляды, — метнувший в своего визави полноценный «звездный файербол».

Прадед Ингвара писал в своих дневниковых заметках, что нанятые им физики измерили температуру такого файерболо и установили, что речь идет о небольшом количестве плотно сжатой низкотемпературной плазмы, имеющей температуру около 7000 К ^[97], ну или чуть меньше, если не в Кельвинах, а в Цельсиях. И летит эта штука, если ее правильно запустить, со скоростью пули, выпущенной из того же ганфайтерского длинноствольного кольта ^[98]. С дистанции пятьдесят метров — эта болезнь практически не лечится. Впрочем, противник Бармина оказался тем еще орлом. Успел, подлец, поднять щит и сделать что-то еще, чего Ингвар просто не понял. Однако парировать удар все-таки не смог, и в результате, хоть и не погиб на месте, улетел сука, ломая деревья, метров на сто, пылая в полете, как какой-нибудь гребаный болид.

Полыхнуло, ударило громом по перепонкам, и маскирующая завеса лопнула, как мыльный пузырь, открыв взгляду Бармина еще шестерых магов, только-только начавших реагировать на внезапную атаку. А в следующее мгновение произошло сразу несколько событий, разобраться в которых было сложно, но возможно, если остановить время. Именно так и поступил Ингвар. Едва послав в полет свой чудовищный снаряд, он ускорился, а мир вокруг него, соответственно, замедлился. И в этом времени, утратившем обычную для него скорость, прямо из «неоткуда» возникла вдруг стремительная тень. Проявилась в полете, принимая облик зависшей в прыжке большой кошки, и окончательно материализовалась, когда леопард обрушился на одну из двух входивших в отряд магинь. Женщина закричала, но было слишком поздно: зверь уже ломал ее тело и рвал ее плоть когтями и клыками. Находившийся поблизости маг хотел, по-видимому, прийти магине на помощь, но успел скастовать только основу заклятия. Бармин ударил его воздушным тараном и, понимая, что уже просто не успеет переключиться на остальных магов, воспользовался кольцом «Рука бога», обрушив на всех оставшихся невредимыми магов высокоэнергетические молнии. От боли, прокатившейся по всему телу, Ингвар едва не потерял сознание. Он все-таки устоял, но на несколько драгоценных мгновений выпал из реальности. В такой момент он был уязвим и практически беспомощен. Бери голыми руками и делай, что вздумается. Барсы, — а их, как вскоре выяснилось, было двое, — были оглушены грозовыми раскатами и ослеплены вспышками невероятной силы. Однако, на счастье Бармина, те маги, кто не был ранен или убит, а таких оставалось трое, тоже были оглушены и дезориентированы. Их щиты

выдержали удары молний, но сами диверсанты испытали шок невероятной силы и тоже находились в состоянии прострации.

«Грогги^[99]... - неожиданно всплыло в мозгу Бармина. — Один, два, три...»

Он пришел в себя на счет «семь», но один из барсов очухался чуть раньше и как раз в этот момент набросился на «подранка». Маг — высокий седой мужчина, одетый во что-то, сильно напоминающее костюм нинзя, — был ранен. Вся левая сторона его тела сильно обгорела, но мужчина оставался на ногах и даже пытался сопротивляться, но куда там. Барс обладал огромной, во истину, нечеловеческой силой, и явно побеждал, компенсируя магию противника своей особой магией и невероятной физической силой.

Однако, в целом, бой еще не закончился. «Оттаявшая» магесса ударила с двух рук. Virtuозная сука, она всадила воздушное копьё в бок все еще прибывающему в полубеспамятстве второму барсу и одновременно попыталась обрушить щит Ингвара, — по-видимому, Бармин выставил его автоматически, — напором жидкого огня. Щит устоял, хотя его и пришлось укреплять, уже находясь под ударом, а вот барсу не повезло. Копье пробило большую кошку насквозь и отбросило ее метров на пятнадцать назад, швырнув на росшие поблизости деревья. Бармин попытался разделить свою силу на потоки, чтобы держать щит и одновременно наносить ответные удары, — надо было отвлечь магессу от раненого барса, — но у него ничего не вышло. Похоже, он совершил классическую ошибку всех начинающих героев: переоценил свои силы. Состояние грогги не прошло для него бесследно, да и боль во всех подряд мышцах, вызванная работающим на предельной мощности щитом, не добавила ему ни бодрости, ни сил. А между тем, пришел в себя еще один враг, — этот был молод и сложен, как отлет-десятиборец, — но прежде, чем мужчина успел что-нибудь сделать, неподалеку от места боя открылся небольшой портал и, выскочившая на дорогу княгиня Полоцкая всадила в грудь мага очередь из автомата. Вернее, это Елена, действовавшая из-за Машкиной спины, сначала продавала щит вражеского мага своим воздушным тараном, и тогда уже экспансивные пули, выпущенные из автомата Марии, разворотили ему грудь.

Что ни говори, но подмога прибыла вовремя, и последнего уцелевшего мага они добивали уже в шесть рук в то время, как барс наносил «удары милосердия» раненым врагам. А потом бой кончился, и выяснилось, что по ходу дела Бармин получил три ранения в грудь, — неопасные, но болезненные и с приличной кровопотерей, — плюс одно довольно неприятное в правое предплечье и еще одно, попросту фантасмагорическое — в левую часть спины чуть выше поясницы. Он совершенно не помнил, как это случилось, кто именно нанес ему эти удары и чем именно, ради Тора защитника, его так потрепали. Тем не менее, по факту, Ингвар мало того, что вымотался, как последняя собака, так он еще и крови потерял чуть ли не пол-литра.

«Вот ведь хрень какая!» — устало подумал он, когда силы вдруг покинули его, заставляя осесть на землю.

— Инг! — обеспокоенно воскликнула Елена, на глазах которой ему так наглядно поплохело.

— Эх, Варвары нет, она б тебя... — горестно всхлипнула Мария. — Что же теперь делать?

— Угомонитесь, обе! — попросил или, скорее, приказал слабым голосом Ингвар. — Я сам справлюсь. Помогите лучше барсу.

Но помощь барсу, к сожалению, не потребовалась. Женщина-оборотень погибла,

вернувшись в посмертии к своей человеческой ипостаси. Немолодая, но по-девичьи стройная она лежала на земле там, где настигла ее смерть. Магическое копьё пробило барса насквозь, а удар об дерево довершил дело, сломав женщине шею. Даже оборотни неспособны компенсировать своими силами такие тяжелые повреждения. Впрочем, целители тоже вряд ли смогли бы ей помочь. Она умерла почти сразу после удара о дерево, и времени на исцеление просто не осталось.

— Ее звали Чулпан Фетх Тухчар, — дочь-наследница обернулась человеком и, не стесняясь своей наготы, стояла теперь над телом своей родственницы. — Она моя родная тетка. Не самая сильная в прайде, но зато абсолютно бесстрашная... Поможете мне перенести ее ближе к дому?

— Я могу открыть портал в Липин двор, — неуверенно сказала Мария, — но оттуда до вашего детинца...

— Я знаю, — кивнула женщина-оборотень. — Вокруг Рысьего крома сейчас идет бой. Липин двор меня устраивает. Я знакома с местными, они посторожат тело, пока я воюю.

— Сможешь ее поднять одна или нужна помощь? — по-деловому спросила Елена.

Обе они, и Лена, и Маша выглядели ужасно. Усталые, изможденные, вымотанные подчистую. Они выдержали короткий, но крайне напряженный бой, а до утра, когда, возможно, подоспеет помощь, оставалось еще очень много времени. Сражение пока не закончилось, — оно бушевало, судя по докладам штаба, практически по всему графству, — и колонна бронетехники, как несложно догадаться, все еще перла по шоссе в сторону Шексны и Усть-Углы. А у Бармина, как назло, не осталось сил, да и женщины не в лучшей форме.

Впрочем, имелся выход из положения, он просто не нравился Бармину своими последствиями. Разрешить возникший кризис можно было, применив одно очень древнее и крайне неприятное колдовство, от использования которого Бармина удерживало ровно два обстоятельства. Во-первых, он этого никогда еще не делал. Только читал в записях, оставленных ему предками. А во-вторых, даже если получится, откат будет таким, что мало не покажется ни ему, ни всем остальным. Однако других вариантов попросту не было, и, в конце концов, как «старшему по команде», Бармину опять пришлось взять всю ответственность на себя. Инициатива наказуема, и последствия будут, но все это случится потом, — где-то через пятнадцать-двадцать часов, — а до того времени надо еще дожить, а то переживать о сделанном или не сделанном будет некому.

— Хатун, — позвал он. — Помоги мне, пожалуйста, встать. И... спасибо тебе! Век не забуду!

— Вам, родные, тоже спасибо, хотя вы и нарушили мой приказ, — добавил, посмотрев на своих жен.

— А я тебе, значит, не родная? — вроде бы, обиделась женщина-барс, в один момент оказавшись рядом с сильно «расслабленным» после всех своих геройств Ингваром. — Я, между прочим, твою дочь ношу!

Скорее всего, Хатун издевалась над ним на свой диковатый оборотнический лад, но Бармину сейчас было не до ее подколов. Впрочем, в ее словах имелась доля правды. Причем, не одна.

— Молодец! — попробовал улыбнуться Бармин. — Носи, *родная!* А теперь помоги мне дойти до вон той сосны, — указал он на дерево, росшее поблизости.

— У нас будет пополнение в семье? — отмерла вдруг Мария, до которой, пусть и с опозданием, дошел смысл сказанного.

— Что, с первого раза? — поддержала ее Елена. — Один раз отыгел и сразу ребеночка заделал?

Они знали, разумеется, о том, что он провел обряд «заклучения союза», переспав с дочерью-наследницей, но, естественно, без подробностей. И уж точно не знали, что у барсов ожидается пополнение в прайде.

— Завидовать вредно! — отрезала Хатун и «под локоток» повела Бармина к указанному им дереву. Шел он, следует отметить, с трудом, едва передвигая ноги и пошатываясь.

— Да, я... — смутилась получившая отпор Мария. — Ну, то есть, слушайте! Мы здесь треплемся, а там, — махнула она рукой в сторону города, — между прочим, танки по шоссе прут.

Этой репликой она, по-видимому, предполагала разрушить возникшую было неловкость, переключив внимание присутствующих на другой, гораздо более злободневный вопрос.

— Не волнуйся, — остановил ее Ингвар. — Я сейчас кое-что сделаю, тогда и за танки возьмемся. Ты, Миа, собери пока с трупов перстни и артефакты, они нам потом понадобятся, когда будем выкатывать Союзной рати предьяву!

— Что, извини, будем выкатывать? — не поняла Мария.

— Дойдет до дела, объясню, — с трудом выдавил из себя Бармин, последние силы которого уходили, как вода в сухой песок. — Лена, ты ведь умеешь накладывать стазис?

— Да, а что?

— Тела надо бы сохранить, — Бармин дошел наконец до дерева и тяжело оперся о ствол. — Обменивать будем... На деньги и услуги... Так что надо наложить стазис и спрятать. Не тащить же их сейчас с собой...

— Не потащим, — кивнула Елена. — Иди уж, болезный, делай, что должно. Мы здесь сами как-нибудь разберемся.

— Ко мне не подходить ближе, чем на двадцать метров, — из последних сил предупредил Ингвар, показав Хатун кивком головы, чтобы оставила его одного. — Что бы ни происходило, держите дистанцию. Это приказ! И он не обсуждается!

1. Пятнадцатое ноября 1983 года

Классическая магия оперирует заклинаниями на живых и мертвых языках, жестовым кастованием и прочими техническими приемами. Овладеть ими непросто, но, если у тебя есть Дар и ты достаточно упорен в изучении магического инструментария, — не говоря уже о наличии хороших учителей и подходящей литературы, — выучиться на мага, в принципе, несложно. Терпение и труд, как говорится, все перетрут. В особенности, если имеешь сильный Дар. Однако со стихийной магией дела обстоят совсем по-другому. В ней бесполезны вербалистика и техника жестикулирования. Какая, к демонам, распальцовка, если требуются совсем другие таланты и навыки: обостренная интуиция и развитое невербальное воображение, тонкое чувство момента и способность к визуализации нематериальных сущностей, умение оперировать ощущениями, наитием и интенциями, лежащими вне границ конкретизации. Такой вот джентельменский набор, и не сказать, чтобы Бармин хорошо понимал, о чем в этой зауми идет речь. Предки писали о том, что знали и умели делать сами, а он прежде научился колдовать и только теперь, дорвавшись до тайного знания своих предшественников, пытался связать теорию с практикой. Но сейчас, ему впервые предстояло сделать нечто, о чем он знал пока только теоретически.

Бармин обнял древесный ствол, прижавшись к нему всем телом, закрыл глаза и попытался почувствовать силу, растворенную в жизненных токах сосны. Ингвар Старший — его прадед, — называл эту силу на латинский манер витой^[100]. Но, что бы он там ни писал, как передать словами то, что должен был почувствовать сейчас Ингвар Младший? Вита не похожа ни на воду, ни на электричество, одним словом, это не жидкость, не газ и не движение электрических зарядов. У нее нет температуры и плотности, нет массы и размеров, и, тем не менее, ее может быть много или мало, и она может быть мощной или едва выраженной. И вот это нечто Бармин должен был найти, почувствовать и, «открыв иллюзы», впустить в себя. Что-то похожее на эффект сообщающихся сосудов. Если все сделать правильно, вита сама «потечет» оттуда, где ее много, туда, где ощущается ее нехватка. И, если не остановить процесс волевым усилием, то она будет поступать до тех пор, пока «пустой сосуд» не заполнится до предела. Именно это и предстояло сделать сейчас Ингвару, потому что он должен был, как можно скорее, восстановиться и вернуться в бой. А значит, ему необходимо было срочно залечить раны и восполнить израсходованную в бою энергию, а затем еще и «полечить» своей силой Елену, Марию и Хатун. Разумеется, он не мог просто поделиться с ними тем, что собирался получить извне, слишком разными были их таланты. Но он мог исцелить женщин от усталости и боли, вдохнуть в них волю к жизни и активировать их собственные внутренние резервы, при том, что все это следовало сделать очень быстро, потому что враг ждать не будет и форы им ни за что не даст.

Мысли путались. Перед внутренним взором мелькали образы прошлого и настоящего, — одной жизни и другой, — а потом он, по-видимому, окончательно забылся, перейдя из состояния не слишком уверенного бодрствования в то состояние, которое психиатры называют гипнагогией^[101]. Именно этот переход, похоже, был необходим, чтобы сработала интуиция колдуна, и он смог открыться растворенной в природе жизненной силе. Впрочем, не имея в этом ни малейшего опыта, Ингвар открыл все свои «шлюзы» разом, —

практически мгновенно, — и сразу на максимум. В результате, вита хлынула в него бурным потоком, и Бармин просто «захлебнулся» в этом всем. Энергии было слишком много, и от ее бешеного напора, Ингвара начали бить судороги. Во всяком случае, что-то такое он смог потом вспомнить, но это случилось после, а тогда он довольно быстро ухнул в беспамятство, и очнулся только через пять минут, когда ослабла мертвая хватка, с которой он держался за ствол дерева. Во всяком случае, так ему описали происходившее присутствовавшие поблизости женщины.

Потеряв опору, Бармин упал навзничь. Вот от этого удара он, собственно, и очнулся. Открыл глаза, увидел над собой звездное небо и, улыбнулся, ощутив и телом, и духом, что заповедное колдовство ему вполне удалось. Несмотря на то, что он едва пришел в себя после долгого обморока, — а Бармин твердо знал, что находился «*по ту сторону ночи*» не менее пяти минут, — голова у него была ясная. Думалось привычно легко и быстро, переполненная энергией кровь едва не кипела в жилах, а тело ощущалось сильным и готовым на любые подвиги.

«И это просто замечательно! — обрадовался Бармин. — Всеотец, мне это удалось! У меня получилось!»

Ощущая невероятный душевный подъем, Ингвар сел, огляделся и форменным образом обалдел. Краткие записки прадеда-тезки не подготовили его к тому зрелищу, которое предстало перед его глазами. Вокруг расстилалась мертвая земля, причем мертвая в самом прямом смысле этого слова. Черная, спекшаяся в шлак почва, трава на которой не просто высохла, а обратилась в невесомую пыль, с которой играл сейчас холодный ночной ветер. Мертвые деревья, от которых остались лишь почерневшие, лишенные коры стволы, превратившийся в труху кустарник.

«Зрелище не для слабонервных... — признал Бармин, поднимаясь на ноги. — Я что, вытянул отсюда всю виту? Из земли, растений, животных...»

«Женщины!» — похолодел вдруг Бармин, вспомнив о своих спутницах.

Но, к счастью, с женщинами все обстояло более или менее благополучно. Они были живы и здоровы, хотя и вымотаны прошедшим боем. Стояли метрах в пятидесяти от него, сбившись в тесную группу, и не то, чтобы дрожали от страха, но явно были не на шутку напуганы. И было отчего. Вокруг Ингвара, — в радиусе, как минимум, этих самых пятидесяти метров, — лежала мертвая земля, на которой мумифицировались даже трупы вражеских магов.

«Да уж... — признал Ингвар. — Не зря старик писал, что с этим надо быть очень осторожным...»

— Живы? — спросил вслух. — Все, все! Все уже закончилось!

Он быстро подошел к женщинам, успокоил, как мог, и следующие десять минут приводил их в порядок. Снял усталость, «взбодрил» — чем бы это ни было на самом деле, — и заодно отрегулировал, тоже, к слову сказать, впервые в жизни, работу центральной нервной системы. Затем еще столько же времени занял сбор трофеев и «прикапывание» мумий. Этим занимались Ингвар и Елена, а Мария в это время помогала Хатун переносить в Липин двор погибшего оборотня. Ну, а затем, они уже втроем переместились, — Бармин перенес, — к месту пока еще не реализованной атаки, и вовремя, потому что как раз в тот момент, когда они появились на вершине холма, голова колонны показалась из-за поворота.

— Убивать буду я, — объяснил Ингвар диспозицию. — Лена прикрывает меня щитом, а ты, Маша, ударь пару раз по центру колонны и держи периметр. Пресекай любую попытку

зайти нам в тыл или во фланг. Лучше всего, вообще не давай им сойти с дороги на нашу сторону.

Женщины согласились, что план хорош, и следующие три минуты они молча наблюдали за тем, как колонна бронетехники выезжает на хорошо просматриваемый с холма отрезок трассы. Потом, когда от головного БМП до мостового перехода оставалось чуть больше полутора сотен метров, Бармин нанес первый удар. Лупил, особо не прицеливаясь, бил наотмашь, взяв за основу тот поток огня, которым полгода назад уничтожил кортеж датских наемников, штурмовавших замок Надозерье. Впрочем, с тех пор он значительно вырос, как боевой маг. Теперь он умел бросать огонь, четко дозируя расход силы, да и восстанавливался куда быстрее, в особенности, сегодня, после мощного вливания виты. Ну, а дальше классика. Бронетехника в узком дефиле между заболоченной низменностью и поросшим лесом склоном холма, на котором, собственно, и находится «артиллерийская позиция». Поэтому первый удар Ингвара пришелся по голове колонны, а второй — по хвосту. И, пока он выбирал третью цель, Мария Полоцкая взорвала что-то в середине колонны и еще успела «выбросить» один из танков прямо в болото. То есть, его снесло так, словно, он игрушечный, а по нему ударили настоящим молотком. Однако и на дороге не дураки находились. Уже через пару секунд кто-то там «выстрелил» по вершине холма каким-то чрезвычайно мощным боевым артефактом. Удар получился сокрушительный, громкий, — в смысле, с грохотом, как от взрыва, — и с фейерверком во все стороны. Елена его все-таки отразила, но Бармин почувствовал, что сейчас они прошли буквально по краю. Щит Елены ощутимо прогнулся и едва выдержал, поскольку противник применил крайне серьезный артефакт. Наверняка, что-то выше 3-й категории. И, в особенности, неприятно то, что не знаешь, один он там был или их несколько припасено.

«Вот же дурость! — мелькнуло в голове. — Опять я переоценил свои силы!»

— Маша, ставь щит! — гаркнул он, кидая третий заряд огня.

Маша, дай ей Идунн^[102], здоровья, успела буквально в последний момент. Выставила щит, и в него тут же ударил второй артефакт, а еще секунд через сорок, в течении которых Лена, а затем и Маша отражали удары слабосильных магов, — а их во вражеских порядках оказалось от трех до пяти, — начали стрелять танковые пушки и крупнокалиберные пулеметы, установленные на БМП и бронетранспортерах. Все это сильно перегружало выставленные женщинами щиты, и, если сейчас по ним применяют еще что-нибудь зубодробительное, это может иметь фатальные последствия. Понимание этого, заставило Бармина второй раз за ночь использовать свое оружие Судного дня. Удар высокоэнергетических молний сразу по всем машинам в колонне, — даже по тем, которые все еще оставались за поворотом, — разом прекратил стрельбу. Если на шоссе, — среди пылающей и разбитой вдребезги техники, — еще оставался кто-нибудь живой, ему явно стало не до того, чтобы стрелять или применять боевые артефакты.

«Дело сделано...» — устало отметил Бармин, а в следующее мгновение его скрутило болью отката.

Ему и от первого-то применения «руки бога» неслабо поплохело, что уж говорить о втором круге. К сожалению, у стихийной магии есть одна крайне неприятная черта: кумуляция эффекта. Второй откат от такого колдовства, какое применил Ингвар, всегда будет болезненнее первого. Это правило. И, если бы, Ингвар не запасся заранее витой, сейчас ему стало бы совсем худо. Вплоть до комы на сутки-другие. А так, отлежался, пока корежило от боли, и все, собственно. *Встал, отряхнулся и пошел дальше*, но состояние,

правду сказать, было не очень. Скверное, хотя и не смертельное.

— Определимся! — кивнул он женщинам. — Будьте готовы отступить, я связываюсь со штабом, а значит нас могут запеленговать.

— Пара минут у тебя точно есть, — пожалла плечами Мария, — а потом, в зависимости от ситуации, или к замку, или еще куда. Я округу неплохо изучила, Еля тоже. Откроем портал и всех дел.

— Как скажешь, — усмехнулся Бармин, оценив по-настоящему только сейчас, какое, на самом деле, чудо — эта княгиня Полоцкая. Про Лену и Варвару он уже давно знал, видел обеих в бою. Ольга/Хельга вела себя безукоризненно и вряд ли окажется хуже, чем он ожидал, когда наступит время разбора полетов. Но Мария показала себя, и вовсе, из ряда выдающейся особой.

«Что-то с чем-то!» — усмехнулся Бармин, делая вызов.

— Здесь первый, — сказал он, когда штаб откликнулся голосом оперативного дежурного. — Мы целы. Отряд колдунов уничтожен. Танковая колонна на подходе к Шексне разгромлена вчистую. Давайте отчет, но коротко. Самое главное. Время пошло!

— Возвращайтесь в замок, — попросил генерал, которому сразу же перебросили канал связи. — Надо поговорить лично. Сможете?

— Сможем, — подтвердил Бармин, понимавший, разумеется, что не все можно сказать по открытой линии и надеясь, что речь идет не о гибели близких ему людей. Впрочем, об этом ему бы, наверное, все-таки сказали. — Скоро будем.

— Девочки, кто откроет портал в замок? — спросил он, думая о своем.

— Инг, — покачала головой Елена.

— Точно! — сообразил Бармин. — Извини! Я сам нас перебросу.

Замок был защищен от открытия порталов, и только Ингвар мог беспрепятственно входить на территорию Усть-Углы, и покидать ее, когда вздумается.

Так что, в очередной раз сыграли в обнимашки и практически мгновенно оказались не просто в замке, а сразу в Медвежьей башне. А конкретно, в холле перед лестницей в штабной бункер. И уже через пару минут они сидели вместе с генералом Горбатовым-Шуйским и майором Злобиной в маленькой комнате для совещаний, пили кофе, курили и слушали доклад. Честно сказать, отчет соратников Бармина не порадовал, хотя и не разочаровал. С одной стороны, дела были не так, чтобы хороши. Бой шел едва ли не по всей территории графства, и не надо быть пифией, чтобы предсказать, без потерь — материальных, но главное, людских, — в вооруженном конфликте такой интенсивности не обойдется. Но, с другой стороны, Усть-Углу и Шексну удалось отстоять. Ольга жива, только вымотана до последней степени и, хотя сейчас лежит в госпитале под капельницей, через три-четыре часа, по мнению целителя, снова будет в норме. Варвара уцелела, хотя бой у Кубенского озера был жарче некуда. Петр ранен и воевать в ближайшие пять-шесть дней не сможет. Впрочем, Устье все-таки удалось отстоять, как, к слову сказать, и Рысий кром. В Вологде продолжают уличные бои, но, в целом, стратегически важные объекты, — например, мосты через реку Вологду и аэропорт, — остаются под контролем графских дружинников. И получается, что, не будучи профессионалом и не имея никакого опыта в подобного рода делах, Бармин совсем неплохо организовал оборону графства. Подобрал правильных людей и не пожалел денег. Однако и то правда, что наверняка наделал достаточно много ошибок. А уж как лопухнулся ночью, вообще, стыдно вспоминать. Два раза наступить на одни и те же грабли, надо уметь.

«Герой, блин, доморощенный! Супермен хренов!» — Но самобичеванием, как известно, делу не поможешь, только нервы на ноль помножишь. Другое дело, что надо уметь признавать ошибки и стараться их впредь не совершать.

— Помощь идет, — продолжал, между тем, докладывать генерал. — Подробностей нам в связи с секретностью не сообщили, но от Глинских по зашифрованному каналу пришел запрос на посадку в Череповце четырех транспортных «Титанов», а это порядка пятисот тонн груза. Официально по линии Управления воздушным движением сообщено, что товарищество с ограниченной ответственностью «Восток-Запад» перебрасывает из Полоцка в Череповец тяжелую технику для строительства новой ТЭЦ. Руководит перелетом боярыня Дарена Менгден.

— Кто? — не поверил своим ушам Бармин.

— Ваша супруга, господин граф.

— Так...

Что ж, как прикрытие для всех, кто не знает Дарену лично, это звучало вполне здраво. Жена графа руководит поставками строительной техники или что там еще могут перевозить «титаны»? Похоже на операцию Нестора, и по тоннажу выходит, что в Череповец перебрасывают большой отряд с бронетехникой.

— Из Полоцка? — уточнила Мария.

«Умничка!» — отметил Бармин.

— Наверное, из Могилева в Череповец ближе лететь через Полоцк, — усмехнулась Елена. — Или это потому что в Полоцке к Дарене присоединились твои землекопы с лопатами и кирками?

— Думаю, это папенька подсуетился, — кивнула Мария. — Напрямую ему вмешиваться нельзя, но там моя вотчина, а я твоя, Инг, жена. Имею право, ведь так?

— Совершенно с вами согласна, Ваше Сиятельство! — устало улыбнулась майор Злобина.

— Когда ожидается прилет? — уточнил Бармин.

— Через час, — внес ясность генерал Горбатов-Шуйский.

— Что-то еще?

— Да, — кивнул генерал. — Мы получили еще один странный запрос, но на этот раз через Центральную Диспетчерскую имперского ГВФ. — В 9.15 утра из Тихвина в Череповец прибывают два чартера с вахтовыми бригадами лесорубов. Формально придраться не к чему, так что их пропустят даже враждебные нам ПВО, — война войной, но бизнес не должен пострадать, — однако, сами понимаете, лесорубы нам в Череповце, вроде бы, не нужны. Мы тут подумали даже о том, что это попытка захвата аэродрома, но Ия Ильинична получила от коллег в Новгороде клятвенное заверение, что это добровольцы из Приладожья.

— Может быть, Менгдены? — задумался Ингвар. — Но мы с ними не настолько дружны. Что ж... Кто у нас там держит аэродром?

— Местное ополчение, — пояснил генерал. — Сто семь человек, — взглянул он в записную книжку. — Шесть станковых пулеметов, две базуки, четыре гранатомета. Среди сотрудников аэропорта трое — маги.

— Ладно, тогда, — решил Бармин. — Подождем развития событий. Нам, — кивнул он на женщин, — нужно около часа, чтобы привести себя в порядок, но, если будет что-то срочное, выдергивайте сразу. А, если ничего экстраординарного за этот час не произойдет, решите, куда нам потом направиться.

— Думаю, час у вас есть, — заверил генерал.

— Тогда, мы пошли, — встал Ингвар из-за стола. — Дамы!

* * *

В результате, только и успели, что принять душ, перекусить и влить в себя штук пять разных эликсиров и снадобий, чтобы снять напряжение и усталость, ускорить восприятие и компенсировать многократное применение сильной магии. В обычных условиях, процессы, индуцированные в организме мага болью и волшебной силой, нивелируются обычными средствами: сном и отдыхом, калорийным питанием и физическими нагрузками. Плаванием, например, или бегом. Еще хороши в этом смысле прогулки верхом. Тут тебе и отдых, и спорт в одном флаконе, да еще и благотворное влияние жизненной силы и животной ауры самой лошади. Однако сейчас, все это было невозможно, — не было у Бармина времени на сон и отдых, на плотный обед и минеральные ванны, — а им еще воевать, как минимум, сутки. А, может быть, и больше, но это уже без Ингвара. Если ему удастся остаться в тунусе хотя бы до следующей ночи, уже хорошо, но мог, разумеется, спечься и раньше. Так что, по любому, следовало попытаться завершить всю эту компанию за один день. И, похоже, противник желал того же, хотя и по совсем другим причинам.

Не успели Ингвар и его женщины перекусить и запить горечь эликсиров крепким кофе с толикой коньяка, — только для вкуса и запаха, и не более того, — как с Барминым связались из штаба. Оказывается, началось новое наступление на Череповец и Вологду, не говоря уже о том, что радар ПВО замка засек новую группу воздушных целей, идущих, как и прежде, с юго-востока с выключенными транспондерами и погашенными навигационными огнями. А когда, добежали до Центрального поста, как снег на голову упали свежие новости: в окрестностях Усть-Углы лесниками и егерями, выполнявшими функции полевой разведки, замечены то ли две, то ли даже целых три группы парашютистов-десантников, каждая численностью до взвода.

— Вот что, — сказал Бармин, выслушав новости, — Хельга и Кержак лежат под капельницами и вставать им сейчас нельзя. Портнов не так силен, как хотелось бы, да к тому же тоже устал. В одиночку он мало что сможет, а замок и город сдавать нельзя. Поэтому вы, барышни, — повернулся он к Елене и Марии, — оставайтесь в Усть-Угле, а я прогуляюсь в Вологду, да и в Череповец надо бы заглянуть. Вернусь часа через три-четыре. Радиосвязь только в случае чрезвычайной необходимости.

Удивительно, но на этот раз женщины с ним спорить не стали. Прониклись, наверное, сложностью момента. Так что из Усть-Углы он ушел без долгих разговоров и через три «клика» был уже в здании Вологодской ратуши, где размещался штаб обороны города. Когда выбирали здание под штаб, бои шли на окраинах. К тому же здание ратуши было построено лет двести назад, а это означало среди прочего, толстые кирпичные стены, узкие окна и глубокий подвал. Сейчас это оказалось более чем кстати, поскольку стрельба приблизилась вплотную к Ратушной площади. Противник, как понял Ингвар из краткого отчета командовавшего в здании полицейского лейтенанта, наступал сразу по двум улицам: по Константиновскому проспекту и Рыночной улице, а Судебный переулок, проходивший по задам ратуши насквозь простреливался снайперами, засевшими на колокольне церкви

Вознесения. В общем, дело было швах, и штаб отсюда уже эвакуировался, — люди ушли через связанные между собой древние подвалы, — и в ратуше оставался только заслон. Однако лейтенант был в курсе последних событий и смог достаточно толково все объяснить и показать на карте. Узким местом обороны города стал, в частности, Старообрядческий мост, захваченный атакующими буквально полчаса назад, что создало угрозу с фланга и тыла Речному району.

— Так где теперь штаб? — спросил Бармин, изучая карту.

— В 1-й Городской гимназии.

— А почему было не засесть в кремле?

— Так, в кремле губернатор заперся.

— Заперся, значит... — Ингвар почувствовал, как им овладевает гнев, что было не слишком хорошо, поскольку воевать, как он помнил, надо на холодную голову. — В кремле... Отлично!

— Сильные маги в городе отметились? — спросил напоследок, планируя «ответный ход».

— Да, нет, — помотал головой полицейский. — Откуда?! У них, как и у нас, на улицах одни слабосилки, да и те не боевые маги.

— Спасибо, лейтенант, — улыбнулся Бармин. — Готовь людей. Я вам сейчас Рыночную улицу вычищу до самого кремля. Разберусь там с делами и вернусь по Константиновскому. А уж затем, займусь Старообрядческим мостом.

На этот раз, он был осторожен, как минер на минном поле. Не геройствовал, не лез на рожон и ни на мгновение не опускал щит. К счастью, однако, ничего экстраординарного не произошло. Рыночную улицу, как выяснилось, удерживали всего трое боевиков с пулеметом, но засели они более чем удачно, — в далеко выступающем наружу эркере третьего этажа, — и контролировали сразу оба направления: к Ратушной площади и к Кремлю. Бармин «прислушался», выискивая опасность, но больше ничего интересного не обнаружил. Дома по обе стороны улицы были полны попрятавшихся кто где перепуганных до смерти людей. Ингвар их чувствовал, но нигде, кроме пресловутого эркера, никого, излучающего прямую, направленную вовне агрессию не нашел. Проверившись дважды, чтобы не совершить ненароком ошибку, Бармин попросту снес эркер вместе со стрелками и одного из них даже допросил. Парень, как ни странно, уцелел, свержившись аж с третьего довольно высокого этажа. Приятели его убились, а он поломался, конечно, но был жив и, что характерно, помирать явно не спешил. Зато сильно нервничал по поводу того, что местные его, болезного, найдут и добьют. Оттого, быть может, и заговорил сразу и без наводящих вопросов. Оказалось, костромич. Служит десятником в малой дружине князя, а до того отслужил срочную в императорской пехоте. Сержант запаса, и никаких подробностей, разумеется, не знает. Кроме общего количества костромичей, — в Вологде их в начале ночи было полста, но теперь, скорее всего, стало сильно меньше, — и имевшегося у них в распоряжении оружия. В основном, это были штурмовые винтовки и гранаты, пять ручников и пара станковых пулеметов калибра 12.5 мм, да еще две трубы для пуска противотанковых ракет.

Бармин обещал оставить его в живых и слово свое сдержал. Связал страдальцу руки и, запустив зеленую ракету, открыл улицу для своих. Сам же отправился к кремлю. Ворота оказались закрыты, и впускать его охрана губернатора отказалась. Поэтому Ингвар вошел сам, благо территорию кремля знал хорошо и прыгнул прямо за спины сгрудившихся у ворот

жандармов.

— Кто я знаете? — спросил спокойно, но люди, живо обсуждавшие вопрос, пускать в кремль графа Менгдена или нет, его поначалу не услышали. Или проигнорировали, не сообразив, что за спинами у них стоит именно тот, о котором идет речь. Пришлось гаркнуть, но реакция оказалась, сказать попросту, несколько чрезмерной: известно же, пуганая ворон куста боится. Вот эти герои тоже перепугались и сдуру, видимо, решили по Ингвару пострелять. Но это они зря, Бармин заранее предполагал подобный исход и поставил щит.

— Значит, так, — сказал он, когда они уgomонились, — ты, ты и ты, — указал он рукой, сдать мне удостоверения. Вы обвиняетесь в покушении на жизнь владетельного графа и, скорее всего, будете расстреляны.

— Документы! — гаркнул, видя, что они медлят. — Поручик, сейчас же заберите у них оружие и документы, или я всех вас разом положу. Мне повторить?

Повторять не пришлось.

— Молодцом! — похвалил Бармин офицера, который был лет на пять его старше. — А теперь идите к губернатору и доложите, что я приказал очистить кремль не позднее, чем через час. Кремль является моей собственностью, и я требую, чтобы через час здесь не было ни одного жандарма или имперского чиновника. Вы нейтралы, вот и идите, куда хотите, а кремль военный объект, который вы лично, поручик, сдадите командиру ополчения. Я ясно выразился?

— Господин граф, вы должны понять, нам приказали...

— Вот и выполняйте приказ!

— Но у нас тут женщины и дети...

— Поручик, ты как, дурак или прикидываешься? А у меня в замке что? У вас женщины и дети, а у полиции? У пожарников? Пошли вон все! Так и передайте. И знаете, что? Добавьте, что вам всем лучше вообще покинуть графство. Особенно женщинам и детям. Я-то вас понимаю, приказ и все такое. Но вот рядовые граждане могут не понять, а разъяренные женщины и осиротевшие дети могут наломать много дров!

Возможно, не стоило доводить конфликт с губернатором и жандармами до такого накала страстей, но Ингвар был взбешен их поведением. До императора ему не добраться, — разные весовые категории, если что, — а губернатор, между прочим, такой же владетель, как он, только безземельный, иначе бы не пошел на службу. Но уж раз пошел, значит должен думать головой. Приказ приказом, но ты же живешь в графстве и кормишься здесь же, в прямом смысле этого слова, с руки графа Менгдена. Неужели так трудно было втихую слить информацию? Но губернатор решил сыграть свою партию, в которой Ингвар мальчишка и, вообще, фигура незначительная. Молокосос и пентюх, которому не удержать власть, да и жить, судя по всему, недолго осталось. Недооценил. Вот и подставился. И жалеть его Бармин не собирался.

«И не забыть, — сделал Бармин заметку в уме, — после всего, надо будет озадачить прокуратуру делом о взяточничестве и мздоимстве самого губернатора и его окружения. Все, суки, на Колыму пехом попрете!»

Следующие два часа он вместе с ополчением и своими дружинниками выбивал из города разрозненные отряды ярославцев и ростовчан. Конечно, война на этом не закончилась, но контроль над столицей графства был восстановлен, а это много значило не только в военном, но и в моральном плане. Люди должны видеть, кто в доме хозяин, и они теперь об этом не забудут. Губернатор ведь предал не только Ингвара, он оставил горожан

на произвол судьбы, и это, если честно, всего лишь частный вопрос. Потому что преданными в той или иной степени оказались все жители графства. Бармину теперь даже напрягаться не надо. Через день-два, когда слухи о том, как губернатор и жандармы заперлись со своими семьями в не принадлежащем им кремле, а граф лично руководил зачисткой города, — дойдут до окраин графства, ни губернатору, ни офицерам жандармского корпуса жизни в этом городе не будет. Их семьям, к слову, тоже. Люди зачастую несправедливы и безжалостны, — особенно дети, — и Бармин плохо представлял себе, как жена какого-нибудь жандармского офицера пойдет по лавкам за покупками или заглянет в кондитерскую, чтобы выпить чашечку кофе и съесть пирожное. Убить не убьют, но поколотят непременно даже при том, что ни ее муж, ни, тем более она сама, ни в чем не виноваты. Детям, надо полагать, тоже придется нелегко. Жалко их горемычных, но Бармин вступится за них при одном условии. Публичное покаяние. Не жен и детей, разумеется, а офицеров. Пусть публично признаются, какой получили приказ, от кого, и почему стали его исполнять. Публично — это значит, с трибуны, и чтобы в газетах: портрет и покаяние. Кто не хочет, пусть уезжает. Но те, кто покается, получают полную его защиту.

Бармин начал умирать где-то в начале пятого. То есть, он заранее знал, что так все и случится, не знал только когда. А «когда», как на зло, оказалось гораздо ближе, чем он думал, и наступило еще до первых сумерек. Сначала он не понял, что происходит, но вскоре до него дошло: наступает час расплаты. В этот момент он находился на южной границе графства, но, почувствовав, как холодеют руки и ноги, как накатывает волна слабости, Бармин рванул назад. Наскоро распрощавшись с дружинниками, дожимавшими отступающих галичан, он «прыгнул» в Грязовец. Вроде бы, и недалеко, каких-то жалких сорок километров, но после перехода он почувствовал себя буквально опустошенным. Было желание остановиться, присесть и отдохнуть, но Ингвар знал, время на исходе, а потому «прыгнул» снова. Юровское — еще сорок километров, Аксеново — запредельные шестьдесят. Голова кружилась, мысли начали путаться, но ему надо было успеть в замок до того, как ухнет в омут беспомыслия. Яковцево, Большое Назарово и, наконец, Шексна. Там он и упал. Силы кончились, и перейти прямо в замок уже не смог.

Однако Шексна — это, считай, отчий дом. Здесь все его знали и понимали все правильно. Поэтому очнулся он уже в замке. Лежал, судя по ощущениям, в своей собственной постели. Слабый, как больной ребенок, сухой, как почва в Рейстрек-Плайя в Долине Смерти^[103]. Очень хотелось пить, но не было сил, чтобы об этом сказать. К счастью, кто-то рядом с ним умел читать мысли, потому что не успел он моргнуть, — а он, и в самом деле, моргнул, пытаясь открыть глаза, — как этот кто-то смочил его губы водой с какой-то явно лечебной кислинкой. А вот напиться по-настоящему не удалось. Попытка влить в него немного жидкости через носик поильника ни к чему хорошему не привела, поскольку Бармин сейчас не то, что пить, и кашлять не мог.

— Потерпи! — сказала где-то над ним Варвара. — От обезвоживания не умрешь. Мы тебе уже четыре часа вливаем физраствор и глюкозу.

Терпеть? А что, спрашивается, ему оставалось делать? Какой выбор?

— Я знаю, ты меня слышишь, — продолжила между тем Варвара. — Слышишь и понимаешь.

«Вот и еще один талант, о котором я раньше не знал, — отметил Ингвар. — Эмпатия? Телепатия? Еще какая-нибудь хрень?»

— Говорить ты сейчас не можешь, и это даже хорошо, потому что, фиг, меня заткнешь!

«Это точно, — согласился Бармин. — Придется слушать. Слушать и терпеть».

— Значит так, — Варвара еще раз смочила ему губы и явно села рядом с кроватью, — ты, Инг, идиот безмозглый! Жить надоело? Так это ты зря! Жизнь по-настоящему только сейчас начинается. У тебя, у меня, у всех. Даже у Дарены, будь она неладна! И ты не имеешь права спустить все это в унитаз! Герой нашелся! Берсеркер хренов! Не знаю, что за колдовство ты там сотворил, но по рассказу Маши и Ели догадываюсь, что ничего хорошего. А, если судить по твоему нынешнему состоянию, то это, вообще, что-то запредельное. Себя не жалеешь, так хоть нас пожалей! Куда мы без тебя? Мало того, что ты, Инг, любовь всей моей жизни, так нас без тебя просто перебьют всех. Вот, что ты должен уразуметь. Ты нас с Ленкой третий раз спасаешь, Ольгу и Марию — в первый, но сразу по большому счету.

«А вы, значит, не рисковали? Не дрались?»

— Знаю, о чем ты сейчас думаешь, — словно, прочитав его мысли или, в самом деле, прочитав, продолжила Варвара. — Все верно, мы тоже дрались, потому что есть за что. Даже Дарена — сука драная, — и та опомнилась и взялась за ум. Ну, или ей Нестор мозги вправил.

Помолчала. Похоже, разнервничалась, вот и пришлось замолчать, чтобы отдышаться. А у Бармина появилось время сказать себе, что, во-первых, она права: не хрен строить из себя героя. А во-вторых, ему просто запредельно повезло, что он встретил таких женщин, как Варвара, Ольга, Мария и Елена. Если еще и Дарена подтянется, тогда, вообще, будет рай на земле.

— Переходим к новостям, — снова заговорила Варвара, и в следующие четверть часа Бармин узнал много такого, что, с одной стороны, приятно его удивило, а с другой — внушило отнюдь не осторожный оптимизм.

Начать, наверное, следовало с Глинских. Нестор узнал о начале войны от Петра в 01.46, а уже в 02.10 была сыграна тревога по всем базам Большой и Малой дружин Глинских, расположенных вокруг Сморгони и Могилева. В 3.35, по согласованию, с кастеляном Верхнего замка в Полоцке, вертолетами, автомобилями и конвертопланами на аэродром Лозойка прибыло 120 срочно вышедших в отставку бойцов и командиров Малой и Большой дружин, а также резервисты из запасного полка князей Глинских. Они привезли с собой все необходимое оружие и снаряжение, включая восемь легкобронированных внедорожников с КПВ 14.5 мм, три 120 мм^[104] и четыре 82 мм^[105] автоматических миномета. Здесь к ним присоединились внезапно перешедшие под руку княгини Марии Полоцкой 70 «варнаков» — бойцов и командиров десантно-штурмовой бригады «Крепь», находящейся в прямом подчинении Тайного Приказа. А в 03.50 на Полоцкий аэродром прибыла баронесса Дарена Менгден с двенадцатью телохранителями и тремя боевыми магами. К этому же времени в Лозойке приземлились зафрахтованные в Вильна и Менске тяжелые транспортные самолеты. Официально они перевозили в Череповец оборудование для строительства новой ТЭЦ. Поэтому могли лететь совершенно свободно, не скрываясь, не погасив бортовые огни и не выключив транспондеры.

В 05.10 самолеты приземлились в Череповце. И вовремя. Наступление Союзной рати от Ярославля и Рыбинска как раз достигло муниципальных границ города. Так что свежие силыгодились. А две группы диверсантов, сброшенные во время перелета на парашютах, в 7.00 взорвали в Рыбинске железнодорожный и шоссейный мосты через Волгу. Операция дерзкая, но уверенный в своих силах противник охраной стратегических объектов в Рыбинске не озаботился. Это была операция возмездия в чистом виде, поскольку никакой оперативной ценности во взрыве мостов не было. Но вот напомнить кое-кому, что начавший военные действия на чужой территории рискует закончить их на своей, стоило. И раз так, напомнили.

Не оплошали и Менгдены. Понятное дело, что никакого специального оповещения не существовало, но Конрад Менгден, с которым в два часа ночи связалась Варвара, сумел уже к шести часам утра сосредоточить на аэродроме в Юрьеве^[106] около полусотни волонтеров из числа Балтийских Менгденов и родственных им семей. В 8.20 они были уже на аэродроме Устюжна в шестидесяти километрах на юго-запад от Череповца. Ближе было не подобраться, потому что аэрополя в Кадуе и Хохлово были уже заняты отрядами Союзной рати.

Но нет худа без добра, за двадцать минут до них, в Устюжне высадился довольно крупный отряд, — 107 человек, — прибывший из Тихвина и состоявший из Приладожских

Менгденов и новгородских повольников и ушкуйников ^[107], в срочном порядке нанятых Великим князем Русским и Литовским Михаилом Ягеллоном.

И, наконец, около 9 часов утра на аэродроме Вологды один за другим произвели посадку четыре огромных транспортных «басилевса» ^[108]. Эти самолеты, вылетевшие из Ростова-на-Дону, прошли над территорией Союзных княжеств с транспондерами Хазарского Каганата, имевшего, как союзная автономия, куда больше прав, чем удельные княжества. Так что пришлось их пропустить. Так в Вологду попали полтораста наемников, проплаченных князем Северским-Бабичевым. И, разумеется, они прибыли туда не с пустыми руками. Привезли бронетехнику и гаубицы, и все те же автоматические минометы.

Об этих событиях Бармин знал только по косвенным данным, получая в течение дня сообщения о вступающих в бой подкреплениях. Теперь же ему стала понятна подоплека событий, и он порадовался в душе, что сдружился с Федором, — *«Интересно, он знает, что мы братья?»*, — не поругался с Глинскими и приблизил к себе Менгденов, четко обозначив планы по возрождению клана. Интригой оставались лишь действия Михаила Ягеллона и князя Псковского. Их помощь, как, впрочем, и помощь Новгородского посадника, в нынешних обстоятельствах дорогого стоила и прямым текстом «намекала» на возможность возобновления исторически существовавшего между ними военно-политического союза.

Не успел Бармин об этом подумать, как Варвара вывалила на него новую порцию новостей, как раз из этой самой «военно-политической» области. Оказывается, в то время, когда он геройствовал, освобождая от врага Вологду, — а точнее, в девять часов утра, — по приглашению Михаил Ягеллон на чрезвычайное совещание в Вильна собрались Наместник Ревельский боярин Петр Саковский, князь Псковский Дмитрий Миркинич, князь Изборский Иван Игнатович, Посадник от руки княгини Полоцкой боярин Борис Бороздин, князь Глинский, Наместник Торопецкий князь Александр Литвин, председатель союза Балтийских Менгденов барон фон Лагна и несколько менее известных лидеров Северо-Запада. Собрание проходило бурно и закончилось тем, что все его участники без единого исключения подписали челобитную государю императору с просьбой разрешить военные действия против Ярославского, Ростовского, Галицко-Дмитровского, Суздальского и Костромского княжеств на основании того же закона *«О разрешении взаимных претензий»*, используя который перечисленные княжества напали на графство Менгден.

«Ничего себе! — удивился Ингвар. — Они что, готовы за меня вписаться?»

Получалось, что так и есть, ведь кое-кто из этих людей оказал ему, — пусть и негласно, тихой сапой, так сказать, — ощутимую военную помощь. Но, если так, возникал вопрос, с чего вдруг такая благотворительность? Или у них имеется в этом деле свой интерес? То есть, это даже не вопрос. Интерес просто обязан быть, иначе никто даже пальцем не двинет. Любопытно было так же, как отреагирует на этот демарш государь-император. Запретить он им не может, ибо закон един для всех. Но, и разрешать нельзя, потому что это означало бы устроить на северо-западе империи полномасштабную войну. Значит, что? Остановить военные действия *«в связи с вновь возникшими обстоятельствами»*? Вопрос, однако, будет ли этого теперь достаточно?

«Боюсь, что Его Императорское Величество заигрались в свои политические игры, никак не рассчитывая получить в ответ такой дружный отпор».

Однако и придаться не к чему. Формально никто из Виленских подписантов и слова не сказал против самого императора. Все филиппики были направлены против одной лишь Союзной рати. Однако при всем при этом абсолютно не проясненным оставалось одно

немаловажное обстоятельство: что именно заставило их всех объединиться и встать на защиту графства Менгден? А между тем, ларчик открывался просто, достаточно было взглянуть на карту и вспомнить дела не таких уж давних дней. Если вывести за скобки Нестора Глинского и Великого князя Русского и Литовского Михаила Ягеллона, все остальные участники нынешнего Виленского комплота так или иначе входили когда-то в пресловутую Северную марку.

«Вот оно! — понял Бармин. — Они решили воспользоваться ситуацией и возродить марку, а император, выходит, или знатно им подыграл, или, напротив, эпически лоханулся, не подумав о последствиях данной им „отмашки“».

Но тогда возникали новые вопросы. В чем интерес Виленских подписантов? За каким, извините, хреном сдалась им эта долбаная марка? А император? Нужна ему такая головная боль, как новое-старое княжество, едва не ставшее когда-то независимым королевством? Это вряд ли. Так что вопрос о подыгрывании можно с повестки дня снять. Слишком сложно и, по большому счету, незачем.

— Думаю, император сейчас в большом затруднении, — продолжала между тем Варвара. — Союзники наверняка обещали ему блицкриг, а сами мало того, что получили по носу, так еще и притащили на хвосте Северную марку, о которой все даже думать забыли. Союзники, понятное дело, горят желанием с Менгденами по квитаться, но, если им разрешить, то придется разрешить и западникам, тем более, что по закону, они в своем праве. И получается, что император без какой-либо выгоды для себя своими руками развяжет войну на своей собственной территории.

«Тут не поспоришь!»

Удивительно, но при том, что телом он был немог и убог, голова у Бармина работала нормально, и Варвара это по-видимому чувствовала. Оттого и продолжала рассказывать о событиях минувшего дня. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. И в какой-то момент, Ингвар почувствовал, что окно возможностей закрывается. Речь Варвары сначала стала невнятной, а затем и вовсе превратилась в едва модулированный шум. Мысли застопорили свой бег, перейдя на шаг, а затем и вовсе остановились, так что в следующий раз Бармин пришел в себя только назавтра ближе к обеду.

2. Шестнадцатое ноября 1983 года

Беспамятство, — поскольку полноценным сном это состояние не назовешь, — продлилось почти десять часов. Прошлый раз очнулся в половине четвертого ночи, продержался, со слов Варвары, около часа, — хотя так и не смог открыть глаза и толком попить, — а сейчас было уже около трех пополудни. Во всяком случае, так сказала ему Ольга.

— Привет! — сказала она. — Чувствую, что ты очнулся. Говорить ты пока не можешь. Целитель полагает, еще день-два, как пойдет восстановление, помолчишь. Но попить сегодня попробуем.

Сейчас Бармин хорошо слышал ее речь, понимал ее, мог на ней сосредоточиться. Думать тоже мог. Но вот с моторикой дела обстояли, прямо сказать, хреново. Мало того, что нет сил, — слабость, немог и прочая ерунда, — так он к тому же не владел своим телом. Не парализован, не попустите боги, но временно не «дееспособен».

— Сейчас почти три, — продолжила объяснять ему Ольга. — Часам к шести обещала прийти Хатун. Она, вроде бы, может тебе помочь. Я так поняла, что в зверином облике она

эмитирует^[109] вовне жизненную силу. Обещала полежать рядом с тобой час-другой.

— Барсом, — внесла рассказчица ясность. — Так что на многое не рассчитывай. Интимы не будет. А завтра из Сибири прилетит какой-то эльфийский врачеватель. Это Катя Северская постаралась, нашла через родню. Говорит, лучшее, что можно придумать, учитывая, что ты стихийный маг. Так что, вытащим тебя, никуда не денешься!

«Хлопочут, стараются, а ведь сами тоже лиху хватили...»

— А теперь давай попробуем попить.

Что ж, попробовали. Получилось чуть лучше, чем ночью, но много выпить не удалось, потому что и рот толком не открыть, и глотать получалось через раз, да и то наперстками. Но все-таки, это было явно лучше, чем ничего.

— Переходим к выпуску новостей, — подражая какой-то дикторше телевидения, объявила Ольга, отставив поильник в сторону. — Из родни, как твоей, так и нашей, отзвонились практически все. Даже моя маменька сподобилась расспросить о твоём здоровье. Но я бы пока остановилась на трех звонках. Во-первых, телефонировали из императорской канцелярии. Справились о твоём здоровье и пожелали скорейшего выздоровления. Во-вторых, твоя кузина Стефания. Буквально обрывает телефон, бедная. Еле уговорили не приезжать. Ну и, наконец, как вишенка на торте: вчера вечером, как только прошел слух о том, что ты то ли ранен, то ли убит, из Швеции позвонила твоя подружка — баронесса Эбба фон Кнорринг. Теперь звонит регулярно. Каждые два часа, и заметь, сама. Никаких секретарей. Похоже, хорошая баба. И, если уж мы заговорили о бабах. Должна тебе сказать, что Дарена смогла нас всех удивить. В Череповце, в самом начале, когда только прибыли, командовала вполне себе грамотно и даже в бой пару раз сходила. Один раз отметилась в обороне, — ставила щиты, защищая артиллерийскую позицию, а второй раз — в наступлении. Там ее кое-кто видел за работой, так говорит, некоторые ее заклинания не ниже седьмого уровня. Так что, исправляется девочка. Здесь еще не была, только звонила несколько раз. Осталась по нашей просьбе в Череповце, как представитель семьи. В Вологде Елена, Дарена в Череповце, а здесь я за старшую. И не спрашивай, почему. Так решил женсовет.

«Славные у меня жены! — отметил Бармин. — Мало, что красавицы и умницы, так они в придачу героические бойцы и неглупые руководители, а это дорогого стоит».

— А вот теперь главное, — сообщила Ольга, в очередной раз попробовав его напоить. — Войну император остановил. Как раз сегодня в полдень. Союзная рать подтвердила остановку боевых действий в 13.00 и обещала начать вывод войск завтра в 8.00 утра.

«А я в такой момент лежу здесь и даже слова сказать не могу! — горестно вздохнул про себя Ингвар. — Что за жизнь!»

Однако жизнь оказалась богаче на свои проявления, чем можно было ожидать, исходя из имеющего место модуса вивенди^[110].

— Ты, наверное, хочешь спросить, а что же мы? — явственно ухмыльнулась Ольга, которая, на самом деле, Хельга. — Не напрягайся, милый. Все в порядке, потому что мы выкрутились. Мы ждали такого развития событий. Ну, пусть не мы, а твоя сестра, но мы все приняли ее точку зрения, и Елена составила несколько пресс-релизов на все случаи жизни. В 12.15 сразу после того, как императорская канцелярия опубликовала «Указ о прекращении военных действий», Варвара, как графиня Менгден выступила с заявлением, что ее брат, то есть, ты тяжело ранен, вследствие чего управление графством временно перешло к

коллективному органу управления — Властительному Совету в составе графини Менгден, княгини Полоцкой, герцогини Бирон и графини фон Нойвид. Совет уполномочил ее заявить, что графство Менгден принимает волю императора и готово к немедленному прекращению огня. Однако, пока войска Союзной рати остаются на территории графства, вооруженные силы, находящиеся под управлением Совета, будут неукоснительно отвечать на огонь противника в соотношении три к одному. При массивном обстреле, войска получили приказ вести огонь до полного уничтожения противника.

«Жестко! — отметил Бармин. — Но абсолютно правильно. Молодцы!»

— В 15.00 с нами через посредников связался князь Ростовский Николай и попросил выдать тела погибших на территории графства родичей правящих семей всех пяти княжеств. В переданном списке значатся двенадцать имен. Однако мы ответили отказом, сославшись на то, что подобные переговоры можешь вести только ты, но ты сейчас сделать этого не можешь. Будем дурить им голову и тянуть время. А потом ты сам решишь, что с этим делать.

3. Двадцать седьмое ноября 1983 года

Ингвар провел в постели пять долгих дней, и это при том, что его вытаскивали из псевдокомы магического истощения лучшие целители, каких только удалось найти, не говоря уже о жизненной силе оборотней. Но быстрее восстановиться не получилось, а когда он все-таки встал, его шатало от слабости, как ту несчастную осинку на ветру. Но теперь Бармин хотя бы мог говорить, самостоятельно читать документы и лично вести переговоры. Однако начал он не с переписки или дискуссий с оппонентами, а с пресс-конференции, на которой заявил, что примирение с врагами, то есть, с Коалицией Пяти, возможно только после возмещения графству причиненного военными действиями ущерба.

— Не я начал эту войну, — стоять было тяжело, но Бармин держался, ни жестом, ни словом, не выдав своего состояния журналистскому пулу, — но, если понадобится, я ее закончу там и так, где и как сочту необходимым.

На самом деле, эта речь была обращена не к напавшим на Менгденов князьям, — им его угрозы были, что называется по барабану, — а к императору, попытавшемуся спустить это дело на тормозах. Что же касается князей, то переговоры с ними начались уже на следующий день после его условного выздоровления, но проводились они в тайне и не напрямую, а через доверенных представителей, и касались всего двух принципиальных вопросов. Во-первых, князья хотели вывезти с территории графства свою побитую технику, — в первую очередь ту, что еще можно было починить, — но Бармин был непреклонен. Что с возу упало, то пропало. Неподлежащую ремонту технику он приказал сдать в металлолом, — гроши, конечно, но тоже на дороге не валяются, — а то, что можно отремонтировать, является его законной военной добычей. Тут не поспоришь. А вот второй вопрос Ингвар обсуждал с каждым князем по отдельности. Речь шла о погибших на территории графства и числящихся пропавшими без вести сильных магах, в большинстве своем являвшихся членами великокняжеских семей. Семь тел он захоронил сам, а остальных, как выяснилось, убили Варвара с Петром и большие кошки.

— Нет, — сказал он в телефонном разговоре князю Галицко-Дмитровскому Андрею, — об этом не может быть и речи. Ваш племянник пришел на мою землю, имея целью убийство членов моей семьи и, прежде всего, меня и моей сестры. Он был взрослым мужчиной и магом восемнадцатого ранга, и значит, не мог не знать, что война — это всегда риск, даже если ты думаешь, что с твоей силой ты ничем не рискуешь. Он ошибся и теперь мертв.

Хотите забрать тело, платите выкуп. Хотите получить назад его владетельские регалии и семейные артефакты выкупайте.

— Выкуп платят за живых пленников, — возразил собеседник. — Тела погибших обычно выдают без выкупа.

— Верно, — согласился Бармин. — И поэтому мы разрешили вашим людям собрать и вывезти тела павших. В некоторых случаях мы даже помогли им с транспортом и охраной, потому что местное население крайне озлоблено, что, согласитесь, нестранно, и могло поднять ваших людей на вилы. Ваш племянник — совсем другая история. Он не солдат, которого послал в бой командир. Он сильный боевой маг и аристократ, член правящей фамилии и действовал по собственной инициативе. Целью его действий было убийство членов моей семьи. Я в своем праве.

— Этим правом уже лет двести никто не пользовался.

— Очень зря, — холодно ответил Бармин. — Мне этот закон кажется совершенно оправданным.

— Я буду вынужден обратиться с челобитной к его императорскому величеству.

— Обращайтесь. Мое решение неизменно.

— Есть еще вопрос пленных, — напомнил князь Андрей.

— Нет, — объяснил Ингвар, — это два разных вопроса: вопрос о военнопленных и вопрос об уголовных преступниках. Как вы уже знаете от моего посланника, мы готовы обменять всех пленных на всех захваченных вами людей. По нашим предварительным данным вы увели с территории графства семь военнопленных и порядка пятидесяти гражданских лиц. В основном, женщин и специалистов. У нас сейчас находятся в плену тринадцать ваших солдат и офицеров, и мы готовы обменять их на всех тех, кто находится у вас в полоне. Должен отметить в этой связи, что, если женщины были изнасилованы, то мы требуем суда над насильниками не по гражданскому праву, а военно-полевым трибуналом. Вы ведь знаете, князь, в чем отличие?

Князь знал, оттого и скрипел зубами. Обычный гражданский суд определил бы денежную компенсацию и назначил насильнику относительно небольшой срок заключения, в особенности, если речь идет о крепостных. А вот военно-полевой суд, учитывая обстоятельства преступления, мог приговорить насильника к повешению.

— Хорошо, — согласился собеседник. — Всех на всех, и я прикажу провести расследование обстоятельств угона. Гарантирую военно-полевой суд в случае изнасилований и денежную компенсацию.

— Суд в присутствии моего наблюдателя и наблюдателя от императорской канцелярии.

— Ваше требование легитимно, — согласился князь Андрей. — Согласен. Но по моим данным у вас в плену находится не тринадцать, а девятнадцать моих людей.

— Все верно, — подтвердил Бармин. — Поэтому я разделил один вопрос на два. Тринадцать человек — это военнопленные. Шесть других — военные преступники, обвиняемые в убийствах нонкомбатантов, мародерстве и изнасилованиях. Их будет судить военный трибунал, на который будут приглашены наблюдатели от Галицко-Дмитровского княжества и от императорской канцелярии.

С этим было трудно спорить, но князь Андрей попробовал. Вот только Ингвар, не видевший в этом вопросе предмета спора, остался непреклонен.

Подобные разговоры, — к тому же повторявшиеся не раз и не два, — состоялись у Бармина со всеми пятью контрагентами и с директором императорской канцелярии

бароном Климентьевым. Однако Ингвар был непреклонен и по истечении шести дней, — в течении которых он, более или менее, пришел в себя, — император вызвал его к себе в Новгород. Отказаться Бармин не мог, тем более, что ему гарантировалась неприкосновенность и охрана императорской гвардией. Сослаться на нездоровье тоже. Его уже видели появляющимся на публике, поэтому пришлось дать согласие.

В общем-то, это было даже удачно. Сегодня встреча в кремле, а завтра можно прямо из Новгорода вылететь в Гетеборг на коронацию Карла Августа. Императору, наверняка, уже известно и про то, что Ингвар является одним из всего лишь трех частных лиц из Великорусской империи, получивших персональное приглашение на коронацию, и о том, что он собирается жениться на шведской кронпринцессе. Возможно, поэтому он и дал зеленый свет Союзу пятерых. Но вот как он будет выкручиваться теперь в той ситуации, которую создал граф Менгден? Положение не из простых, и Бармин предполагал воспользоваться моментом, что называется, на все сто. Поэтому на семейном совете было решено, что в Новгород и Гетеборг сопровождать Бармина будет только одна жена — княгиня Полоцкая. Для императора она, прежде всего, племянница и дочь всесильного князя Северского, а для шведского двора она, во-первых, владетельная княгиня, а во-вторых, девушка, по возрасту годящаяся Ульрике Катерине в дочери.

«Так что всем сестрам по серьгам...»

1. Двадцать седьмое ноября 1983 года

В Новгород прилетели в два часа дня. Спасибо Глинским, конвертоплан типа «Кран»^[111], доставшийся Ингвару в качестве приданного Дарены, был просто великолепен. Современный дизайн, улучшенная аэродинамика и более мощные, — по сравнению с другими машинами этого класса, — двигатели, сверхсовременное навигационное оборудование, мощное вооружение, включающее четыре турельные установки спаренных 22 мм автоматических пушек и восемь ракет класса воздух-воздух, и просторный, удобно устроенный и великолепно декорированный салон. В «люксе», расположенном близ кабины пилотов, могли со всеми удобствами разместиться шесть пассажиров. К нему примыкал крошечный отсек для двух стюардов с кухонькой, холодильником и прочими необходимыми в дороге вещами, а дальше — в центральной части фюзеляжа и в хвосте, — располагался служебный отсек: двадцать кресел для десяти телохранителей обоего пола, двух камеристок княгини и камердинера графа, а также для секретарей, советника, референта и фотографа. За «краном» следовали тяжелый конвертоплан-квадрокоптер «Орлан»^[112] с автомобилями кортежа и дополнительной охраной и два истребителя сопровождения, выделенные специально для этого перелета имперскими ВВС. Все-таки времена были непростыми, и формальный мирный договор с Союзом пяти все еще не был подписан.

Садись не на новом аэродроме в Кречевицах, а ближе к центру города, в старом аэропорту Юрьево, где их уже ожидали машины сопровождения, высланные императорским двором, так что через Новгород ехали большим кортежем и с громким полицейским сопровождением. И, наконец, в четыре часа дня, не заезжая домой, в принадлежащее Ингвару Ковенское палаццо, расположенное совсем недалеко от Новгородского кремля, Бармин и Мария прибыли в императорский терем. Впрочем, княгиню Полоцкую тут же пригласили на женскую половину, а Ингвар — разумеется, не сразу, а после получасового ожидания, — предстал пред грозные очи Его императорского величества Иван VIII. Император практически не изменился с их первой встречи в Ливадийском дворце. Был все так же монументален, грозен и несколько отчужден, словно бы и не венценосец, а земное воплощение бога-отца. Сидел на троне с прямой спиной, смотрел на стоящего перед ним Бармина и молчал. Смотрел, оценивал, что-то решал, если конечно решение не было принято заранее.

— Как вы себя чувствуете, граф? — Вопрос, которого Ингвар, если честно, никак не ожидал.

— Спасибо, Ваше Величество, — поблагодари Бармин, склонив голову в поклоне. — Гораздо лучше, но, увы, в идеальную форму я пока еще не пришел.

— Это было магическое ранение?

«Может быть вам, Ваше Величество, еще и ключ от комнаты, где деньги лежат?»

— Да, Ваше Величество, — ответил Бармин вслух.

— Правда ли, что вас лечил эльфийский заклинатель? — Любопытный вопрос, вернее, не вопрос даже, а намек на то, что *«высоко сижу, далеко гляжу»*. Все вижу и обо всем осведомлен.

— Да, это так, — подтвердил Ингвар, которому в этом вопросе нечего было скрывать.

— С оборотнями, как я слышал, у вас так же сложились доверительные отношения? — продолжил расспросы император.

— На моей территории живет всего одна семья кавказских барсов, — объяснил Ингвар. — С ними у меня действительно сложились, можно сказать, дружественные отношения, а позавчера я получил официальное обращение еще трех семей, желающих переселиться на территорию графства. У них отличные рекомендации, имеются так же заслуживающие доверия поручители. Все три семьи небольшие, но зажиточные, имеют свои бизнесы. К тому же, оборотни великолепно показали себя в бою, так что, скорее всего, я соглашусь. Графству от их присутствия станет только лучше.

«Но надеюсь, — добавил он мысленно, — что трахать их баб ради дружбы и взаимного процветания мне не придется. Достаточно одной Хатун».

— Кстати о войне, — сменил тему император. — Почему вы возражаете против подписания соглашения о мире?

«Любопытная интерпретация, — отметил Бармин. — Но это вы зря, Ваше Величество!»

— Я не возражаю, — сказал он вслух. — Наши переговорщики сошлись во мнении практически по всем пунктам. Дело упирается в суд над военными преступниками и выдачу тел погибших магов. Однако именно по этим вопросам не удастся договориться.

Положение было даже хуже того, о чем он сказал, и Бармин отлично понимал, откуда ветер дует. Ольга организовала утечку информации, и сегодня с утра тайна переговоров перестала быть тайной. Менгдену в глазах обывателей и простого народа это создаст популярность, а вот его противникам — напротив. Темный пиар еще никому не принес счастья.

— По вопросу о военных преступлениях, — веско заметил император, — нет места для дискуссии. Преступники должны быть осуждены по всей строгости закона.

Сейчас уже сам император набирал очки за счет тех, кому прежде разрешил разделаться с нелюбезным ему графом. А то, что он Ингвара на дух не переносит, Бармин уже знал от своего тестя. Строго конфиденциально, разумеется, но был поставлен в известность. Неясной оставалась лишь причина нелюбви. Неужели все это из-за одних только религиозных разногласий?

— Благодарю вас, Ваше Величество! Я тоже думаю, что в этом вопросе нет места для компромиссов.

— Но я слышал, что вы не выдаете родным тела погибших в бою магов, — продолжил император излагать свою мысль.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но кто-то явно злонамеренно ввел вас в заблуждение, — спокойно ответил Бармин. — Я готов передать тела магов хоть сейчас, но древний обычай требует, чтобы противная сторона заплатила выкуп. Маги погибли на моей земле, в честном бою, вернее, в бесчестном с их стороны, ибо они напали на меня без объявления войны. Но убиты они обороняющимися, то есть пали в честном бою. Тела их, регалии и артефакты находятся у меня. Мое предложение более, чем щедрое: за каждое тело с регалиями я хочу полмиллиона золотом. Артефакты остаются мне, как законная военная добыча. Но я готов рассмотреть возможность их выкупа по рыночной цене.

Император молчал не менее трех минут. Обдумывал ситуацию, принимал решение. А ситуация была не из лучших. Ингвар стоял перед тронем, а вокруг толпились придворные, и, значит, информация об этом разговоре попадет уже в вечерние выпуски новостей.

— Что ж, меня действительно ввели в заблуждение, — заговорил наконец

венценосец. — Корона поддерживает ваши требования, граф, и устанавливает выкуп в размере двухсот пятидесяти тысяч в золотых рублях за каждого. Вы согласны?

«Вот же сука!»

— По вашему слову, Ваше Величество! — поклонился Бармин.

— Отлично, — чуть улыбнулся император. — А теперь, граф подойдите, пожалуйста, ближе, а вы, господа, отойдите, пожалуйста, подальше. Нам с графом предстоит конфиденциальный разговор.

Придворные, похоже, к таким фокусам были привычны, и через минуту Бармин остался один на один с императором.

— Почему вас пригласили на коронацию Карла Августа? — Закономерный вопрос, и от ответа на него зависит сейчас столь многое, что выбор адекватной реакции приобретает стратегическое значение. Поэтому стремительно перебрав варианты, Бармин ответил так, чтобы разом расставить все точки над «і».

— Полагаю, — сказал он вслух, — это потому что я сделал предложение кронпринцессе Ульрике Катерине герцогине Сконе стать моей женой и получил ее согласие. Карл Август этот брак одобрил. Ульрика Катерина станет моей первой женой.

Судя по мгновенной реакции на его слова, о скорой свадьбе Его Императорское Величество все еще не знал. Знал лишь о переговорах на этот счет.

— Даже так... — протянул император в раздумье. — Значит, это все из-за них... Сами шведы прийти к вам на помощь не могли, но зато подняли на вашу защиту весь Старый Запад...

«Любопытная интерпретация событий, но лучше разъяснить ситуацию сейчас, чем разруливать последствия потом!»

— Прошу прощения, Ваше Величество, — возразил Ингвар, — но это не так. Северо-запад самоорганизовался без всякой помощи извне. Я сам удивился, но мне намекнули, что на западе империи князья Острожские^[113] не забыты.

Это был рискованный ход, но кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— Какой титул готова вам предоставить шведская корона? — А вот это был ожидаемый вопрос, в особенности, в контексте слов Бармина.

— Частью приданного, — сообщил он императору, — являются титул герцога Даларна, Вадстенский замок, имения, приобретенные королем Олафом VI в Крыму и генуэзская крепость Судак.

— По-видимому, королю Швеции будет неловко, если его сестра станет всего лишь графиней Менгден...

— Графство приравнено законом к удельным княжествам...

— Но кто об этом знает в Европе? — поморщился император. — Разве что узкие специалисты...

— Ну, с этим, как я понимаю, ничего уже не поделаешь, — с максимальной искренностью пожал плечами Бармин.

— Вы невероятно удачливый... человек, граф, — покачал головой самодержец, очевидно хотевший назвать Бармина сукиным сыном, — или же, несмотря на свою молодость, невероятно ловкий интриган. Но в сложившихся обстоятельствах мне придется сделать то, чего, видит бог, я делать не хотел. Я возвращаю вашему роду право именоваться князьями Острожскими вместе со всеми прилагающимися к этому титулу правами и собственностью, находящейся сейчас в государственном управлении. Поздравляю вас,

молодой человек. Похоже, мой брат в вас не ошибся, вы далеко пойдете. Но хочу вас предостеречь, князь, не зарывайтесь!

Честно сказать, и в мыслях не было. Направляясь в Новгород, Бармин надеялся выторговать кое-какие преференции, например, восстановление клана Менгденов, или хотя бы гарантии неприкосновенности. Однако император пошел куда дальше его самых смелых ожиданий. Северная марка — это ведь государство в государстве, огромная власть, если, конечно же, правильно себя поставить. И колоссальная головная боль, потому что теперь ему уж точно придется заниматься политикой. А ответственность-то какая?

«Но, с другой стороны, а чего ты ждал, дорогой? Назвался груздем — полезай в кузов! Хотел справедливости — получи!»

И неважно, что он не планировал такой стремительный взлет, просто так звезды сошлись. Фортуна провернула свое колесо, и совершенно неожиданно для себя Бармин оказался в самой высокой точке обода. Не успел стать графом, а уже князь. Будет и герцогом, женившись на кронпринцессе Швеции, а там, глядишь, и еще какой-нибудь титул отвалится.

— Что он тебе сказал?! — вернула его к действительности Мария, присоединившаяся к Бармину на выходе из Приемного зала.

— Не здесь, — шепнул ей в ответ Ингвар. — Не сейчас. Потерпи до дома. Нам тут недалеко ехать.

— Уверен, что не лопну от любопытства? — озабоченно поинтересовалась молодая жена.

— Уверенности нет, — пожал он плечами, — есть надежда, а она, мой друг, умирает последней.

— Посмотрим... — чуть покривила губы княгиня Полоцкая. — Поглядим. Возможно, тебе это даже понравится.

— Что именно? — насторожился Бармин, уже успевший узнать и по достоинству оценить эту особую интонацию Марии Полоцкой.

— Я в гневе, — объяснила женщина. — И кстати, я в истерике — это тоже зрелище не для слабонервных!

Однако до дома она все-таки дотерпела, и, слава богам, что так. Там в изящном внутреннем дворике Ковенского палаццо, он ей все-таки раскрыл главный секрет сегодняшнего дня.

— Император передает мне титул князей Острожских, — поведал он своей юной жене. — Не знаю теперь, что делать, то ли радоваться, то ли горевать. Но там, к слову, сказать, и собственности дофига и больше. И резиденция, как мне рассказывали, не хуже, чем Усть-Угла. Замок Тарха^[114] на берегу озера Сестрорецкий разлив.

— Ну да, ну да, — согласилась с ним Мария. — С одной стороны, считай, восстановлены и Северная марка, и клан Менгденов. А с другой стороны, врагов прибавится, да и количество проблем прирастет в геометрической прогрессии.

— Умная ты, Маша, — улыбнулся Бармин юной красавице. — Сразу все по полочкам разложила.

— Не преувеличивай! — отмахнулась княгиня Полоцкая. — Расклад мы разберем с тобой вместе, но позже. А конкретно сейчас я мечтаю отдаться князю. Со светлейшим князем я еще не спала...

Ковенское палаццо — это именно дворец, а не городская крепость, и оборонять его, если в этом возникнет необходимость, будет довольно сложно. Однако люди, сопровождавшие чету Менгденов в поездке, хорошо знали свое дело. Учитывая немногочисленность свиты, они устроили Ингвара и Марию в старой части дворца, в так называемом Свевском флигеле, в котором цокольный этаж выглядел выше обычного, окон по фасаду было относительно немного, да и те — узкие, ланцетовидные^[115] в подражание готическому стилю.

К тому времени, когда кортеж Менгденов прибыл из кремля, — было бы куда лучше прогуляться пешком, но кто бы позволил им так рисковать, — все приготовления были уже завершены, и супруги попали в хорошо проветренные и протопленные помещения и, быстро переодевшись, сели за поздний обед. Никаких особых изысков только что начавшая работать кухня им не предложила, но блюда, пусть и простые в приготовлении, были, как всегда безупречны с точки зрения вкуса и сбалансированности белков, жиров и углеводов. Это было принципиально важно для женщин, но самому Бармину все эти хлопоты были пока безразличны. Его могучий организм безупречно перерабатывал всю поглощаемую пищу, так что, сколько бы и чего бы он ни съел, все шло в дело.

«И не надо думать о чертовом холестерине!» — неожиданно вспомнил он свою прежнюю жизнь, в которой с возрастом пришлось исключить из рациона нежно любимые им жареный бекон, жирные сыры и хлебобулочные изделия в ассортименте.

В новой жизни Бармин успел уже об этом забыть, поскольку все эти ограничения перестали быть актуальными в тот момент, когда он стал молодым увальнем Ингваром Менгденом, но вот сейчас, сидя за великолепно сервированным столом и с завидным аппетитом уплетая калабрийский пирог «Murseddu» с начинкой из мясного рагу, вдруг вспомнил. Воспоминание это его, однако, не порадовало, потому что, начав с обычных для его прежнего возраста «диетических» ужасов, он обратился мыслью к тому, что составляло там и тогда смысл его жизни. Вспомнил о семье, друзьях и коллегах, о работе и пациентах, о недописанных статьях и о книге, которая как раз сейчас должна была выйти из печати, и даже о такой глупости, как его очередная платоническая любовь — новая аспирантка из Харькова Леся по мужу Израилит. Впрочем, никаких особых планов на счет этой льняной блондинки Бармин не лелеял, — не тот возраст, да и обстановка со всеми этими задолбавшими его «#MeToo» не благоприятствовала, — но ему было приятно смотреть на эту юную фемину, щедро демонстрировавшую окружающим свои длинные, «растущие от коренных зубов» ноги в традиционно обтягивающих их, как чулки, джинсах и немалых размеров бюст под, — скажем так, — недостаточно плотной тканью футболки и кружевного бюстгальтера.

«Только глазками!» — ухмыльнулся Бармин, вспомнив эту сексапильную красотку, и автоматически переводя взгляд на свою красавицу жену.

«А вот Машу можно не только глазками, — подвел он итог своим размышлениям. — И... и даже неоднократно!»

— Судя по твоей улыбке, ты явно думаешь не о том, о чем следует, — перехватила его взгляд Мария.

— Два вопроса, — улыбнулся еще шире Бармин. — О чем я должен думать, и о чем я

думаю на самом деле?

— Думать ты должен о том, что произошло сегодня в кремле, а сам вместо этого раздеваешь меня взглядом. Ты не подумай, Инг, я не против, но, во-первых, раздевать женщину нужно не взглядом, а руками, а во-вторых, сам же учил, что делу время, потехе час.

— Предлагаю совместить приятное с полезным.

— Это как, — широко открыла глаза любимая жена, — на письменном столе среди деловых бумаг?

— Чем тебе не нравится ванна? — как бы, в удивлении поднял бровь Бармин. — Там можно все, даже поговорить о делах.

— Все-таки ты очень умный, — притворно вздохнула юная женщина. — Но, увы, как ни соблазнительно звучит твоя идея, вынуждена отказаться. Лезть в горячую воду сразу после такого обеда, вредно. А для тебя, милый друг, даже опасно. И не пытайся меня переубедить. Мне Варвара все четко объяснила, что тебе можно, а чего нельзя.

— А про сколько и куда, она тебе ничего не говорила? — съязвил Бармин, но тут же получил заслуженную «обратку».

— Вообще-то, объяснила, но не она, а Еля, и не сейчас, а сразу после того, как ты сделал меня женщиной. Ничего нового, как ты уже знаешь, я от нее не узнала. В книжках и не про такое пишут.

— То есть, мы еще не все попробовали? — попытался Бармин, раз уж такой случай вышел, уточнить позицию Марии.

— Не думаю, — уклончиво ответила княгиня. — Думаю, нас ожидает еще много открытий чудных...

В результате, говорить о по-настоящему серьезных вещах они сели в крошечной, похожей на табакерку из поделочного уральского камня гостиной, примыкающей к их спальне. Слуги разожгли дрова в камине, поставили поближе к огню два кресла и сервировочный столик между ними, подали шоколадный ликер для Марии и по-настоящему старую псковскую старку для Ингвара, засахаренные фрукты и орехи в меду, и, наконец, оставили супругов наедине.

— Вот, собственно, и все, — подытожил Бармин, пересказав в подробностях свой короткий разговор с императором, на который Марию совершенно по-хамски не допустили. — Полагаю, никаких спонтанных решений император не принимал. Все продумал и решил заранее, но, возможно, раскрыл карты раньше, чем планировал. Такое, думаю, возможно.

— Да, пожалуй, — согласилась Мария, — но только в случае, если он не знал заранее про нашу волчицу Рикке^[116].

— Мог и не знать, — высказал свое предположение Бармин. — Он знал про коронацию и был явно раздосадован тем, что я туда приглашен. Его, кажется, раздражало даже не то, что это именно я. Хотя, думаю, ему это было неприятно. Он не понял, почему меня вообще пригласили, и вот это, пожалуй, главное. Когда же я рассказал о помолвке, его, я думаю, чуть Кондратий не хватил. Зять Шведского короля — это фигура, с которой, по крайней мере, следует считаться.

— В особенности, когда речь идет о союзнике, ведь Швеция наш стратегический союзник, — добавила свои пять копеек Мария. — Начнись мировая война, твой брак с Ульрикой может стать для империи критически важным.

— Да, это серьезный довод, — согласился Ингвар, не устававший удивляться талантам

этой совсем еще молоденькой женщины. Быстрый ум, сильный интеллект, обширные познания в области геополитики и способность делать правильные выводы на основе ограниченного объема данных.

— Но думаю, — продолжил Ингвар, — первым побудительным мотивом было не упасть в грязь лицом. Рикке кронпринцесса и герцогиня, не считая иных титулов, ты удельная княгиня, а я всего лишь граф.

— Приравненный в правах к удельным князьям, — воспользовалась Мария доводом, уже испробованном на императоре самим Барминым.

— Об этом знают только те, кто специально занимается империей, — ответил Ингвар словами венценосца. — А для большинства европейцев граф — это граф, и времена, когда это было не так, давно прошли, и никто о них не помнит^[117]. И таких европейцев на коронации будет большинство.

— Выглядит логично, — кивнула женщина. — Второй довод мог прийти ему в голову и позже.

— Скорее всего, так и произошло. Но само решение... Хотелось бы услышать твое мнение.

— Империей уже четыре поколения подряд руководят представители южных и восточных княжеств.

— Не сказал бы, что Старый запад страдает под пятой поработителей, — возразил Бармин. — Столица-то в Новгороде.

— И что с того? — удивленно взглянула на него Мария.

И в самом деле, что с того?! Бармин уже совсем неплохо знал историю вопроса. Конечно, Киев — мать городов русских и все такое, но, правду сказать, последние пятьсот-шестьсот лет империю создавали и двигали вперед именно западные княжества, столь тесно связанные с Европой, что у любого князя, — да у того же Менгдена, к слову сказать, — половина европейских аристократов в ближних и дальних родственниках ходит. В Литве, Новгороде и Пскове, в Новогрудке и Вологде — университеты уже лет по пятьсот-шестьсот существуют, а еще у них, у западников, развитая промышленность, порты на Балтике и на Белом море, колонии на Дальнем и Ближнем востоке, в Центральной Азии и в Экваториальной Африке. Старый запад образованнее и богаче восточных княжеств, но власти у него гораздо меньше. Династия — Ягеллоны только по названию. Тот же Михаил намного больше Ягеллон, чем князь Андрей Северский или сам император. А перенос столицы в Новгород обкорнал и ослабил само княжество. Одно название, что Новгородское, княжеский-то стол находится теперь в Старой Руссе. Недовольство давно копится, переходя порой в самый настоящий гнев. И тут каждое лыко в строку, но не все это понимают. Вот князь Северский не дурак, он видит, куда ветер дует, а что касается его брата...

Прошлый император был злобным идиотом, потому что еще пару раз самодержцу, может быть, и удастся подавить недовольство, как получилось с неудачным мятежом, в котором участвовали Менгдены, но, если однажды запад поднимется весь и по-настоящему, династия может и не устоять. Андрей Северский это понимает и дочь свою воспитал правильно и отдал замуж за правильного человека, а вот императора, хоть он и не похож, вроде бы, на своего дядю, временами заносит. Не следовало ему разрешать столь откровенно грубый наезд на Менгдена — сына и внука хорошо известных на западе мучеников, которому ты сам же передал титул. Но не удержался, слишком велик был соблазн «укоротить мальчика». Вот Запад и показал зубы. Пока еще не фронда и не мятеж. Все в рамках имперских

законов, но по факту Старый Запад впервые за много десятилетий выступил единым фронтом. Оттого и щедрость императорская: чтобы заткнуть рот тем, кто станет говорить, что император не любит и не уважает западные княжества. Вот и бросил кость: Менгдену компенсация за «нечестное судейство», западу — возвращение к статус-кво, в котором среди прочего есть место и для Западной пятины.

— Получается, нам повезло, — резюмировал Бармин свои размышления.

— Знаешь, что говорит по этому поводу Федор?

— По поводу везения? — уточнил Ингвар.

— Да, — кивнула Мария. — Он говорит, что везет только тем, кому положено, хотя и через раз.

— Прогноз с пятидесятипроцентной вероятностью? — усомнился Бармин.

— Лучше, чем ничего, — улыбнулась княгиня.

— Вопрос, чем придется платить?

— Смотря кому, — Мария стащила у него сигарету и хотела было прикурить от свечки, но Ингвар ее опередил, щелкнув зажигалкой.

— Западникам... Императору... Он ведь тоже с нас свой процент требует.

— Лучше заплатить с того, что есть, чем не платить и не иметь, — философски заметила Мария, выдыхая дым. — Видишь, на этот раз даже не закашлялась!

— Молодец! — похвалил Бармин. — Но лучше не начинай, чтобы потом не надо было бросать!

— Что тебя тревожит? — неожиданно спросила Мария.

— Как-то все слишком просто... Знаешь, есть такая народная песня... Не помню, где-то я ее слышал. Может быть, на Груманте? Не суть. Слова в ней простые:

Я тихо шла, шла, шла

пирожок нашла.

Я села, поела,

опять пошла.

Я тихо шла, шла, шла

пирожок нашла.

Я села, поела,

опять пошла^[118]...

— Ты это к чему? — нахмурилась красавица.

— К тому, что вот жил я на острове без имени и без будущего. Потом случилась эпидемия, и все умерли. Кроме меня. Потом я жил там один. Довольно комфортно по тем обстоятельствам, если не считать конечно факта одиночества. Но затем меня нашли и вывезли на Большую землю. А там... Сначала замок бабушки и, какое ни какое, но имя. Да и бытовые условия резко улучшились. Ольга организовала мне ночное кино... Никогда не видела ее снов?

— Видела.

— Ну, и как?

— До костей пробирает, — улыбнулась Мария.

— Что приснилось-то?

— Неважно! — смутилась женщина. — Это наше, девичье. Тебе не надо.

— Как скажешь, — усмехнулся в ответ, Бармин, пытаясь представить, что же такое могла наворожить Ольга, что Марии теперь об этом рассказывать стыдно. — Вернемся ко мне...

— Можешь не продолжать, — перебила его Мария. — Титулы, невесты, деньги... Все само идет в руки. Ты об этом?

— Скажешь, нет?

— Тебя дважды убили, — напомнила жена. — А сколько раз покушались? Ты сам договаривался с людьми. Даже с моим отцом... Я... В общем, я знаю, о чем вы говорили на охоте. Подслушала, когда он маменьке рассказывал. Ты его отлично сделал, и это при том, что ему все равно деваться было некуда. Он должен был отдать тебе графство.

— Он мне ничего не должен, — возразил Бармин.

— Должен, — поморщилась, как от оскомины, Мария. — Полагаю, ты знаешь, в каких отношениях состояли моя мать и твой отец? Только не ври мне, пожалуйста, что не знаешь!

— Знаю, — признал Ингвар, немало удивленный тем, что Мария тоже знает предысторию истории.

— Ты, Инг, брат моих братьев, как никак. Спасибо, еще, что не мой.

— Ты знаешь, кто твой настоящий отец? — Раз уж зашел такой откровенный разговор, так отчего бы не спросить.

— Как ни странно, мой отец — мой отец. Просто к тому времени, как маменька захотела еще одного ребеночка, технология ЭКО^[119] была уже доведена до ума, а рожать от кого-нибудь, кроме твоего отца, мать не захотела. Такая, знаешь ли, история любви. Так что, и тут тебе не с неба свалилось. Это история троих близких друг другу людей: женщины и двух мужчин, один из которых не мог быть с ней точно так же, как Петр не может быть с Варварой.

— И тебя это не расстраивает? — осторожно спросил Бармин, удивленный тем, что эта молоденькая женщина так спокойна, даже при том, что знает все про всех.

— Сначала, когда мама рассказала, я, было, пришла в ужас. А потом успокоилась. Это жизнь. Что тут скажешь?

«И в самом деле, что ты скажешь? — покачал Бармин мысленно головой. — Это жизнь!»

2. Двадцать восьмое ноября 1983 года

Обычно, колеса государственной машины вращаются так медленно, что тот, кто дал им ход, успеваешь состариться и умереть, — или, как минимум, забыть, в чем там было дело, — пока они наконец завершат полный цикл своего вращения. Однако, если такова воля самодержца, дела пойдут куда быстрее. И Бармин смог в этом убедиться уже на следующий день после исторической встречи в Кремле. Первым делом, уже в 8.00 утра в Ковенское палаццо прибыл нарочный из императорской канцелярии. В доставленной им депеше, адресованной лично графу Менгдену, содержалась *настоятельная* рекомендация задержать отлет на коронацию в Гетеборг до двух часов пополудни. Причина задержки, — а Ингвар и Мария действительно собирались покинуть Новгород как можно раньше, — была Бармину, в принципе, понятна, но, если у него еще оставались на этот счет какие-либо сомнения, они были рассеяны утренними выпусками новостей.

Сначала в коротком коммюнике императорской канцелярии, опубликованном во всех центральных газетах, а затем, — со всеми подробностями, — в выпуске девятичасовых новостей по 1-му Новгородскому каналу телевидения, гражданам империи было сообщено, что императорским указом от 25.11.83, — то есть, не вчера, конечно же, и даже не позавчера, — графу Ингвару Менгдену четвертому своего имени возвращены его второе родовое имя и наследственные титулы, в связи с чем отныне он официально именуется следующим образом: Его Светлость Ингвар IV князь Острожский, граф Менгден, посадник Ревельский и Юрьевский, хёвдинг^[120] Карелы, Орехова и Выборга. В контексте этого сообщения становились понятны и другие новости: об официальном признании императором Иваном VIII притязаний графа Менгдена на первенство в обоих ветвях клана Менгден — Балтийской и Ладожской с передачей ему замка Тарха на озере Сестрорецкий Разлив, а также о подтверждении прав князя Острожского на корону Северной марки, именуемой так же Западной пятиной с резиденцией в замке Тоомпеа в городе Ревель. Ну, а в 14.00 в палаццо прибыл офицер императорской фельдъегерской службы и передал Бармину спешно подготовленные тексты императорских указов, — пергамент из телячьей кожи, черная, красная и золотая тушь, шелковые ленты трех цветов и печати красного, коричневого и золотого сургуча, — сопровождаемые длинными списками передаваемого Ингвару имущества, находившегося до сих пор под управлением Короны, и картами возвращаемых ему наследственных вотчин, а также положенные Бармину по новому статусу регалии. Всего этого было много: указы лежали в специальных плоских шкатулках из полированного красного дерева, инкрустированного резной костью и эмалевыми медальонами с изображением императорских регалий: короны, скипетра и державы, а сопроводительные документы, — подробные описи имущества, карты, архитектурные планы и прочее все, — в папках из красной с золотым теснением кожи. Изучать их сразу не стали, — на это просто не было времени, — ограничились лишь телеграммами и телефонными звонками всем лично заинтересованным в этом деле людям: женам Бармина, Варваре и другим его родичам, а также князьям Ягеллону, Северскому, Северскому-Бабичеву и Глинскому, кронпринцессе Ульрике Катерине, барону фон Лагна и некоторым другим важным адресатам. А за сами бумаги засели уже в конвертоплане, вылетев в пять часов вечера из

Новгорода в Гетеборг. Лететь было далеко, — почти тысяча километров, — и времени хватило на все.

— Вокруг Тархи, в основном, или свободные поселения имперского подчинения, или лес и болота, — подытожила Мария, закончив исследовать кроки [\[121\]](#), приложенные к акту о передаче прав собственности. — Пахотной земли немного. Только в треугольнике между Сестрорецком, Западной Лицей и Белоостровом, но зато тебе теперь принадлежит пятнадцать километров пляжной зоны от Разлива до Зеленогорска, а там сплошные дачные поселки, санатории и туристские базы, и все они стоят на твоей земле. Рента, наверняка, будет большой или даже очень большой. Золотой берег!

По прошлой своей жизни Бармин неплохо знал эти места и, хотя за давностью лет многое забылось, хорошо представлял себе, какие именно земли находятся теперь в его владении. Этот мир, конечно, не похож, на тот, в котором он школьником и студентом ездил отдыхать в Репино и Комарово, гулял с девушкой по Зеленогорску и ездил с друзьями-пионерами к шалашу Ленина и Зиновьева в Разлив [\[122\]](#). Однако, если верить карте, тут это тоже было любимое место отдыха горожан, только уже не ленинградцев или петербуржцев, а ниенцев. Так что, права Маша, хороший кусок популярного морского побережья — это всегда стабильный доход.

«Там же еще, наверняка, полно кафе и ресторанов, — прикинул в уме Бармин, — кинотеатров, театров, баров и борделей, яхт-клуб, теннисные корты и много чего еще, за что хозяева платят тому, кому принадлежит земля, а заодно и власть».

— К востоку от Выборга нормальные пахотные земли, — сказал он вслух, ткнув пальцем в район, обведенный красной линией.

— Доля в Выборгских судостроительном и судоремонтном заводах выглядит гораздо заманчивее, — озабоченно нахмурила брови Мария, перебиравшая доставленные фельдъегерем документы. — А там еще порт, между прочим.

— Деловая ты моя! — улыбнулся Бармин, неожиданно растроганный ее скрупулезностью. — Хорошо тебя родители учили!

— Я готовилась принять стол в Полоцке, — пожалала плечами Мария. — Правящая княгиня должна соответствовать, а не то все разворуют, к бесовой матери, и никакой статус не поможет.

— Ната! — окликнула она свою камеристку. — Скажи там, пусть сварят кофе, как я люблю.

— Мне тоже, — поддержал супругу Бармин. — И что-нибудь эдакое к кофе, пожалуйста. Может быть, чуточку граппы?

— Тогда, мне тоже! — тут же оживилась Мария. — Граппа — это хорошо! Стравеккья [\[123\]](#), да? — повернулась она к мужу.

— Да, — кивнул он, — но только совсем немного. — Нас же в аэропорту встречать будут. Негоже пьяными к хозяевам выходить!

Под кофе и граппу они рассмотрели план Выборгской крепости, так же перешедшей во владение Бармина, и список принадлежавших Бармину, как князю Острожскому, произведений искусства, временно, — до особых распоряжений, — выставленных в музеях Ревеля, Ниена [\[124\]](#) и Выборга. Большинство художников и скульпторов были Ингвару незнакомы, и этот пробел в образовании тоже следовало закрыть, как можно скорее. Однако, другие таланты появились, как в том мире, так и в этом. Дюрер, например, Питер Брейгелл

Старший или Кранах.

«Достойные имена, — отметил Бармин мысленно. — Дорогая коллекция...»

В общем, они с Марией так увлеклись исследованием своих новых богатств, что даже забыли о времени. Но им, разумеется, напомнили. Первый пилот вышел к ним в салон и сообщил, что через полчаса они будут садиться в аэропорту Ландветтер, где их ожидает торжественная встреча.

— Спасибо, Август Борисович, — поблагодарил своего шеф-пилота Бармин и сразу же объявил «аврал».

Ему-то самому одеться и десяти минут не возьмет. Другое дело Мария. Ей, тем более, по зимнему времени, — а конец ноября в этих широтах вряд ли сильно отличается в этом смысле от начала декабря, — чтобы выглядеть достойно, требовалось гораздо больше времени. Однако Мария его удивила. Не в первый раз, впрочем, и снова по-хорошему. Оделась быстро, и к тому моменту, как конвертоплан замер на бетоне аэрополя, двигатели замолкли, и бортинженер распахнул люк, к которому тут же подъехал трап, она уже стояла рядом с ним. Сам Бармин одел поверх костюма-тройки длиннополое черное пальто из кашемира, которое не стал, впрочем, застегивать, и белый шелковый шарф, а голову оставил непокрытой. Мария была в мантио из мангазейского соболя и тоже с непокрытой головой, но в ее случае на то имелась более веская причина, чем нежелание надевать шапку. Ее голову украшала княжеская корона, — облегченная, а не церемониальная, — украшенная изумрудами и жемчугом, но все-таки корона.

— Ну, что, красавица, готова?

— Пошли уж, — улыбнулась Мария.

— Тогда, за мной!

Бармин спускался по трапу первым, Мария шла следом за ним, а на бетоне посадочного поля их ожидала представительная делегация, в которой затянутых в мундиры мужчин было гораздо больше, чем штатских. Женщина же была всего одна. В центре композиции и несколько впереди остальных встречающих стояла герцогиня Сконе. Она снова была в парадном мундире офицера ВМФ Швеции и, как и все остальные военные, в фуражке, но без шинели. Зато орденов на ней сегодня было столько, что глаза разбегались от блеска золота и бриллиантов. Впрочем, Бармин знал, боевых орденов у нее всего два, и это более, чем достаточно для человека, являющегося всего лишь офицером-резервистом. Остальные ордена прилагались к ее высокому титулу или были иностранными наградами, вручаемыми членам королевской семьи из уважения, а не за заслуги.

Обмен приветствиями занял совсем немного времени, поскольку всем было холодно, и вскоре Ингвар и Мария уже ехали в резиденцию шведских королей, в которую их пригласила Ульрика Катерина, не желавшая, по-видимому, принимать жениха хуже, чем он принял ее, при том, что у него времени на подготовку практически не было, а она имела возможность решить все логистические вопросы загодя. Впрочем, она в своем дружественном гостеприимстве пошла даже дальше, сев с Барминым и его второй женой в один автомобиль.

— Как ты себя чувствуешь? — подозрительно посматривая на Ингвара, спросила она, как только машина тронулась и толстое звукоизолирующее стекло отделило пассажирский салон от водителя и офицера охраны.

— Не волнуйся, Рикке! — успокоил ее Бармин. — Как видишь, я жив, и по мнению врачей, в ближайшее время не умру, если не убьют конечно.

— Я же тебя спросила о другом!

— Чувству себя, как вполне здоровый человек. Правда, сплю пока несколько больше, чем обычно, но зато аппетит вернулся к своему исходному состоянию. Так что волноваться не о чем. Лучше расскажи, что происходит у вас. Слухи, знаешь ли, и до нас доходят.

— У нас... — задумалась кронпринцесса. — У нас все, как и у вас. Одна попытка покушения за другой, и все, в основном, против меня. На Карла Августа тоже насакивают, но на меня чаще.

— Вывод напрашивается, — кивнул Ингвар, — не правда ли?

— Наша разведка утверждает, что кроме обычных врагов династии, против нас действуют также лютеране, поскольку язычники сейчас оказались в стране в численном меньшинстве, но по-прежнему обладают всей полнотой власти. Нашу династию церковь практически открыто сравнивает с римским поганством, угнетавшим и истреблявшим первых христиан. Есть основания полагать, что недавно они каким-то образом узнали об Источнике, и боятся теперь нашего усиления, если я выйду за тебя замуж и рожу от тебя наследника престола. К сожалению, это не все. Есть кто-то еще, и боюсь, что это кто-то из тех, на ком лежит благословение богов. Сейчас таких семей в Европе осталось всего одиннадцать, но они все несут благословение именно богов, а не богинь. И, возможно, для них это что-то значит. Знают ли они обо мне и о тебе, это открытый вопрос. Но, если знают, и все обстоит именно так, как я думаю, это может объяснить часть покушений, как на меня, так и на тебя.

— Воевать со всем миром — занятие не для слабонервных. — Как ни странно, Бармин не испугался. Ему надоело бояться, но, с другой стороны, у него не было ни одной конструктивной идеи, как переломить негативную тенденцию. Главное, от такой охоты даже на краю земли не спрячешься. Все равно найдут. Тут уж лучше принимать бой на хорошо оборудованных позициях. В собственном замке, окруженным преданными людьми. И более того, в свете последних событий, Ингвар начинал думать, что брак с Рикке — не такая уж плохая идея. Вместе они сила, и при том немалая сила.

— К сожалению, нас не спрашивают, хотим мы воевать или нет, — чуть пожала плечами кронпринцесса.

— Тогда вопрос, — кивнул Бармин, соглашаясь с позицией своей будущей невесты. — Вернее, группа взаимосвязанных вопросов. Первое. Когда объявим о помолвке? Второе, когда свадьба? Спрашиваю тебя, поскольку готов согласиться с твоим видением ситуации. Но, по мне, так чем быстрее, тем лучше. Но это тебе решать. Однако место проведения свадебных ритуалов не обсуждается. Я муж, значит, у меня в замке. И наконец, четвертый вопрос: ты согласишься хотя бы какое-то время после свадьбы пожить со мной в Усть-Угле?

— О помолвке, если нет возражений, можно объявить послезавтра на коронационном балу. Свадьба... Самое раннее, если не нарушать приличий, через три месяца. Свадьбу придется играть в два этапа. Король Швеции не может приехать к тебе в замок. Без обид, но он мой старший родственник...

«Да, — согласился мысленно Бармин. — Тут я погорячился. Не учел с кем вздумал брачеваться».

— Хорошо, — сказал вслух. — Довод разумный, принимаю.

— Тогда, если хочешь, тайный брак, без публичного объявления, у тебя в Усть-Угле, а через неделю уже гласно у нас в Гетеборге или Стокгольме.

Что ж, женщина явно старалась сглаживать углы. Понимала, что отношения только-только начали налаживаться. И это она еще не знает, что он хочет представить ее своему

Источнику.

— Согласен.

— После свадьбы, сразу уедем к тебе, — продолжила между тем кронпринцесса. — Мне надо будет вернуться домой только за месяц перед родами, и... Как ты смотришь, если Сиф тоже переедет к тебе?

Сиф баронесса фон Фризендорф — шестнадцатилетняя внебрачная дочь кронпринцессы. Признанный бастард она получила от отца Ульрики баронский титул и, насколько было известно Ингвару, постоянно жила с матерью в Стокгольме, где у герцогини Сконе было собственное ателье от-кутюр. Бармин с этой девочкой знаком пока не был, но принимал ее в расчет, как часть брачной сделки.

— Я не против, — ответил он на вопрос. — Она захочет?

— Думаю, у тебя ей будет интереснее, чем в четырех стенах в Стокгольме.

— Стокгольм — большой европейский город...

— В котором ее никуда не выпускают без бонны и телохранителей...

— Значит, решено. А ты, как думаешь? — обернулся Бармин к Марии.

— Ну, я ненамного ее старше, — пожалала та плечами. — Дарена, вообще, считай, ровесница. Скучно ей у нас точно не будет.

— Спасибо! — Поблагодарил Бармин. — Ты добрая, Миа! Приезжайте вместе... — посмотрел он на Ульрику. — Дом у нас большой и удобный. Народу в нем живет много. Можно сказать, небольшой двор образовался. Родственники, кланники, воспитанники. Есть кинозал с круглосуточным обслуживанием. Библиотека, коллекции живописи, оружия и охотничьих трофеев. Бассейн, спортзал, теннисный корт... Охота вместе с барсами, конные прогулки и купание нагишом в озере после русской бани прилагаются. Велкомен [\[125\]](#)!

— У тебя ужасное произношение! — рассмеялась Ульрика Катерина.

— Но с твоей стороны это очень мило! — добавила через мгновение, возможно, испугавшись, что он обидится...

Но Бармин и сам знал, что его шведский оставляет желать лучшего. Другое дело, что ему понравилось откровенное желание сестры будущего короля Швеции развивать отношения. Не сориться по пустякам, не конфликтовать, не задевать его гордость, как мужчины, супруга и господина...

* * *

Разместили их в королевском дворце, в удобных или, лучше сказать, комфортабельных и великолепно декорированных покоех: гостиная в лучших традициях XVIII века, но с большим цветным телевизором, стереофонической радиолой и столь же роскошная спальня с огромной кроватью и примыкающими к покою гардеробной, комнатой для служанки и ванной комнатой. Ванная, следует заметить, по своему дизайну резко контрастировала с обстановкой других помещений. Пожалуй, и в XXI веке Бармин видел такое техногенное совершенство только в люксе одного пятизвездочного отеля в маленьком, — всего, кажется, пять миллионов жителей, — и вполне провинциальном китайском Нанкине. Ах, да еще в Сеуле. Про Корею-то он зря забыл. Там, вообще, все — буквально все, — было в стиле *сайенс фикшн*.

— Через час мы с братом ждем вас на частный ужин в узком кругу, — сказала кронпринцесса, входя вслед за Барминым и Марией в предназначенные для них апартаменты. — Есть несколько тем, которые необходимо обсудить сегодня, не откладывая на потом.

Сказав это, она улыбнулась какой-то весьма двусмысленной улыбкой, — одна Вёр ^[126] знает, что у женщин на уме, — и покинула гостей, оставив их приводить себя в порядок. Слуги в это время через другую дверь активно затаскивали в гардеробную хозяйский багаж, состоявший из множества чемоданов, сундуков и портпледов. Так что, выйдя из-под душа, Мария сразу же оказалась в руках камеристки и горничной, успевших приготовить ей подходящее случаю белье, «скромное» малахитового цвета платье, бронзовые туфли на высоких каблуках и совсем нескромную изумрудную полупарюру ^[127]. Бармину в этом смысле было проще: в большинстве случаев он раздевался и одевался сам, без помощи слуг. Наверное, Мария тоже смогла бы, но ее по-другому воспитывали. А он, как ни крути, маугли с заполярного Груманта, ему простительно. Другое дело — завтрашняя коронация, тут и Бармину придется соответствовать: фрак и брюки с атласными лампасами, сорочка с туго накрахмаленной манишкой, стоячим воротником с загнутыми углами и «скромными» бриллиантовыми запонками в два с половиной карата каждая, белый шелковый галстук-бабочка и белый же пикейный жилет. И это, не считая чёрных лакированных туфель, чёрного пальто с белым шарфом, белых перчаток и чёрной шляпы-цилиндра. И ведь все это только для того, чтобы дойти от апартаментов до храма, где будет проходить коронация, потому что там придется снять пальто, чтобы надеть темно-синю придворную мантию с вышитым на груди золотым медведем Менгденов ^[128] и накинуть на плечи подбитый мехом горностаея пурпурный владетельский плащ, а на голову вместо цилиндра водрузить золотую княжескую корону, которую ему передали только вчера. Мария будет одета практически так же, только ее мантия сшита из алого бархата, да корона у нее поменьше и не такая тяжелая. Однако сейчас, слава богам, Ингвар мог обойтись темно-серым твидовым костюмом и шелковым жилетом.

— Готов, милый?

«Я-то давно готов, — хмыкнул про себя Ингвар. — Одну тебя ждем».

Но вслух, разумеется, ничего такого не сказал. Напротив, улыбнулся и предложил даме руку. Во всяком случае, на ужин они опоздали всего на жалких семь минут, которые им, разумеется, великодушно простили. А между тем, частный ужин в кругу членов королевской семьи — событие отнюдь не рядовое, как и тот факт, впрочем, что их с Марией поселили во дворце Дроттнингхольм ^[129], резиденции королей Швеции. Приватность же ужина заключалась в том, что стол был накрыт всего на двенадцать кувертов ^[130]. И в этой практически интимной обстановке Бармин наконец познакомился с кронпринцем Карлом Августом, которому уже завтра предстояло стать следующим королем Швеции, с юной дочерью Ульрики Катерины Сиф, двумя младшими братьями и тремя младшими сестрами кронпринцессы и с двумя вдовами покойного короля Густава III Адольфа Маргаритой Померанской и Елизаветой Аксельдоттер Оксеншерна.

Ужин прошел ровно, без напряжения и с незначительным обменом репликами самого общего свойства. Все присутствующие были более, чем доброжелательны, в чем ощущалась серьезная предварительная работа, проделанная Ульрикой Катериной, а возможно, и самим Карлом Августом. Серьезный же разговор состоялся, когда кронпринц пригласил Ингвара и

Марию в курительную комнату. Туда вместе с ними прошли только кронпринцесса и их с Карлом Августом младший брат герцог Готландский Эрик.

— Обстоятельства меняются так быстро, что за ними никак не уследить, — сказал кронпринц, раскурив наконец толстую «гавану». — Угрозы множатся, растет количество и качество бросаемых нам вызовов. Полагаю, князь, сестра ввела вас в курс наших дел.

— Да, — не стал входить в подробности Бармин. От сигары он тоже пока отказался. Его вполне устраивали сигареты.

— Хорошо, — кивнул Карл Густав. — Однако в общем раскладе теперь следует учитывать так же войну, в которой вы недавно участвовали, и ваш новый статус. Встав во главе Северной марки, вы, князь, приобрели не только новых друзей и союзников, но и новых врагов, ожесточив заодно своих прежних недоброжелателей.

— Все так, — не стал спорить Ингвар.

Кронпринц излагал хорошо известные ему факты, однако особый интерес представляли сейчас не сами факты, а следствия, вытекающие из сложившихся ранее обстоятельств. Судя по всему, к этим следствиям Карл Август как раз теперь и подбирался.

— Исходя из сложившейся ситуации, я хотел бы предложить вам, князь, несколько изменить ранее обговоренные планы.

— А именно?

— Если вы не будете возражать, я хотел объявить завтра не только о помолвке, но также о свадьбе, первую часть которой предлагаю провести, не откладывая. Прямо здесь, в том же храме, где я коронуюсь, но не завтра, разумеется, а через два дня после этого, благо все гости уже здесь. А тех, кого не хватает, нетрудно пригласить прямо сегодня.

Не то, чтобы Бармин был против, — *«Умерла так умерла, как говорится»*, — но неожиданность предложения сыграла свою роль. Ему потребовались пара-другая минут, чтобы «переварить» идеи кронпринца и обдумать конкретные шаги, которых потребует изменение планов. Ничего ужасного в том, чтобы жениться на Ульрике Катерине, — хотя бы и этой ночью, — Бармин не видел. Конечно скоропалительность решений не их метод, однако, если он уже твердо решил жениться на кронпринцессе, то какая разница, когда? Сегодня или через две недели. Через месяц или три. Впрочем, различия все-таки имеются. Сделать это прямо сейчас гораздо безопаснее, чем когда-нибудь в будущем. Сейчас его личные враги еще не готовы действовать. А служба безопасности Швеции, напротив, более чем готова, чтобы отразить практически любую угрозу. Другое дело, что в этом случае придется все делать быстро. И, если в отношении Варвары и Петра это не проблема, как, впрочем, и в отношении его жен, то «высвистать» в Швецию вот так вот с сегодня на завтра того же Нестора Глинского или князя Северского — это, если и не скандал, то все-таки ужаснейший моветон. Однако сделать это, по-видимому, придется, и есть надежда, что, учитывая обстоятельства, они все поймут правильно.

— Я согласен, — нарушил он вызванную его размышлениями паузу. — Свадьба через три дня, считая с сегодняшнего.

— Спасибо за понимание, — пыхнул кронпринц сигарой.

— Это в наших общих интересах, — счел Ингвар нужным добавить самое простое объяснение из возможных.

— Тогда у меня к вам, князь, есть еще одна просьба. Сразу после свадьбы заберите, пожалуйста, к себе Ульрику Катерину, Сиф и Эрика, — кивнул он в сторону своего двадцатитрехлетнего младшего брата. Эрика было бы неплохо женить на ком-то из ваших

родственников. Как думаете, это возможно?

Самое смешное, что это было не просто возможно, а, в какой-то мере, даже нужно, причем именно Бармину. Некоторое время назад у него состоялся весьма примечательный разговор с двоюродной сестрой. Стефания носила теперь титул баронессы Менгден, и это ей, следует заметить, очень нравилось. Однако нет в жизни бочек меда без ложки дегтя. Став аристократкой и оказавшись близкой родственницей такого проблематичного человека, как Ингвар, она была вынуждена везде ходить теперь с охраной, а это плохо сказывалось, как на ее концертной деятельности, так и на любовных приключениях. То есть, бедная Натали вылетела из богемы, как пробка из бутылки шампанского. И, коли уж так сложилась ее жизнь, заявила Бармину, что не против выйти замуж за правильного мужчину и завести свой дом. Понятно, что под домом она подразумевала замок, а под подходящим женихом — аристократа голубых кровей. И надо же, вот он стоит перед Барминым. Высокий, широкоплечий, спортивного сложения, темноволосый и голубоглазый скандинав, лицом не дурен, хотя и не писанный красавец. Неплохо образован, — Каролинский институт^[131], факультеты «Информатики и менеджмента» и «Классической медицины и Магического целительства», — хорошо воспитан, титулован, и, по-видимому, отнюдь не беден. Герцог и брат шведского короля. Выглядит совсем неплохо, а, учитывая, что он младше Стефании всего на два года, так, вообще, просто замечательно.

— Не вижу в этом проблемы, — сказал Бармин вслух. — Есть даже невеста на выданье. Моя двоюродная сестра Стефания — баронесса фон Менгден. Ей двадцать пять, она наследница неплохого состояния и до последнего времени являлась довольно известной джазовой певицей.

— Не припомню, чтобы среди современных певиц был кто-то с фамилией Менгден, — впервые открыл рот Эрик.

— Следите за музыкальными новинками? — поинтересовался Ингвар.

— Да, пожалуй.

— Тогда имя Натали должно быть вам известно.

— Натали ваша сестра? — Надо было видеть, как повело молодого герцога.

— Двоюродная, — уточнил Бармин.

— И вы считаете, что у меня есть шансы на ней жениться? — опешил молодой человек.

— Оцениваю их в пятьдесят процентов, — пожал плечами Ингвар. — Приедете, познакомитесь, глядишь, дело и сладится.

— Ваше высочество, — обернулся он к кронпринцу, — я бы хотел в этой связи поднять три технических вопроса.

— Спрашивайте, князь! — Было заметно, что будущий король Швеции ходом разговора доволен и даже не пробует этого скрывать.

— Сколько и какой охраны вы отправите с братом и сестрой?

Было очевидно, что одних их Карл Густав не отпустит, и Бармин хотел знать подробности.

— Во-первых штат, — снова пыхнул сигарой кронпринц. — Сколько там у вас?

— У меня двадцать пять человек, — сразу же ответила Ульрика Катерина, — считая шесть моих телохранительниц, а также их старшую, и шесть человек внешней охраны.

— У меня весь штат четыре человека, — усмехнулся Эрик. — Своих телохранителей у меня нет.

— Тогда, так, — кивнул кронпринц. — Не будете возражать, если пошлю с ними

полностью укомплектованную оперативную группу службы безопасности? Это тридцать человек, обученные обеспечивать внутренний круг защиты и внешний периметр. Все они выйдут в отставку и присягнут лично вам и Рикке. Как смотрите?

— Положительно, — сказал Бармин вслух, прикинув, что по нынешним временам еще тридцать бойцов лишними никак не будут. — Еще один вопрос, Ваше высочество. Не могли бы специальные службы вашего королевства делиться иногда со мной теми данными, которые напрямую касаются нас с герцогиней Сконе?

Кронпринц не сказал нет, но задумался на целую минуту.

— Сделаем так, — сказал он, по-видимому, решив наконец вставшую перед ним проблему, — с вами отправятся несколько моих офицеров. Инкогнито, разумеется. Они будут обслуживать шифровальную машину и специальный передатчик. Им понадобится отдельное, надежно защищенное помещение и хорошая антенна. Это будет наш канал связи, вообще, и способ передавать вам конфиденциальную информацию. Если не возражаете, Рикке будет осуществлять за ними общий надзор в качестве старшего офицера.

— Благодарю вас, Ваше высочество, — поклонился благодарный кронпринцу Бармин, — возражений нет. Я выделю им башню, на всех этажах поставим стальные двери. Антенну вынесем на крышу. На первом этаже выставлю собственную охрану. Подниматься наверх и заходить в их покои никто не будет, даже убирать. Впрочем, я просто поручу руководителю моей службы безопасности договориться с ними и сделать так, как они сочтут нужным.

Бармин был готов обещать все, что угодно. И не только обещать. Канал связи с королем Швеции дорогого стоил.

— Значит, договорились, — усмехнулся Карл Густав. — Еще что-то?

— Да, — кивнул Ингвар, — еще один и при этом крайне деликатный вопрос. Насколько неуместным будет мой поединок с одним из ваших гостей?

— Дуэль? — нахмурился кронпринц, а его сестра едва ли не вздрогнула, уставившись на Ингвара совершенно ошарашенным взглядом.

— Скорее, судебный поединок, — объяснил Бармин, бросив искоса взгляд на Марию, но та ничем не выразила своего отношения к сказанному. Чертовски хорошо держала лицо.

«Железная женщина!»

Видят боги, Бармин этого не хотел. Совершенно не его стиль и к тому же в таком поединке никто не застрахован. Он это понимал и, честно сказать, боялся не справиться. Жить ему сейчас хотелось даже больше, чем в другие дни. Однако и оставлять все, как есть, тоже нельзя. Съедят!

— Судебный поединок... — задумчиво повторил за ним Карл Густав. — С кем и по какому поводу?

— С генералом-адмиралом князем Акселем Юль аф Верринге, — назвал Ингвар имя выбранной им жертвы. — Эта семейка, Ваше Высочество, совершила на меня и моих близких уже четыре покушения и, если их не остановить сейчас, потом может быть поздно...

То, что кто-то из датчан, — то ли Браге, то ли Юли, а может быть, и обе семейки вместе, — хотят сжить их с Варварой со свету, Бармин знал еще с того, самого первого покушения. Но буквально недавно он узнал больше. Во-первых, перекупленный Ходоками письмоводитель из РЕТ^[132] вынес в клювике некий секретный документ, из которого следовало, что семья Юль находится в состоянии войны с имперским родом Менгден. В принципе, трансграничный конфликт был возможен, хотя в последние полтора года лет

практиковались такие экзотические выверты крайне редко. Забавно, однако, было то, что Менгден о причине конфликта, как и о начале военных действий предупредить «забыли». Это многое объясняло, но было, в принципе, приемлемо. Однако, когда Ингвар находился в состоянии своей магической псевдокомы, подоспело «во-вторых». Выяснилось, что в ходе боевых действий в Союзной рати находились датские офицеры. Но и это было все еще нестрашно, хотя и неприятно. Все изменилось, когда безопасники Менгдена начали подводить итоги боев. Тогда и всплыли уже совершенно вопиющие факты. Оказывается, большие кошки перехватили и уничтожили шедшую через тайгу группу вражеского спецназа. Заметили, выследили, перехватили, уничтожили и по первости оставили покойников валяться там, где те «упали». Но потом начались разговоры о выдаче тел, и тут выяснилось, что погибшие боевики никакие не ростовчане, а самые, что ни на есть чистокровные датчане. Но не это главное. Среди их оружия нашелся противотанковый наплечный комплекс, вот только вместо тандемного боеприпаса в боеголовке ракеты находился артефакт мощностью 10 килотонн. Это было не просто запрещенное оружие массового поражения, применение таких артефактов согласно международному праву считалось военным преступлением. Однако и это не все. Когда безопасники изучали ракетную установку, кто-то из них вспомнил, что уже видел точно такой же девайс. Тоже разведгруппа. Только ее перехватили люди из таежного патруля. Такая же наплечная ракетная установка, и точно так же вместо тандемного боеприпаса артефакт огромной разрушительной силы.

— Оба артефакта сделаны в Дании, как и тот, между прочим, который пытался использовать против меня священник на моей собственной свадьбе, — закончил свой рассказ Ингвар.

— Уверены, князь, что это именно Юли? — спросил напоследок кронпринц.

— У них есть повод и причина, — пожал плечами Бармин. — И они известны своей крайней нетерпимостью к язычникам. Вот вам и мотивация.

— До свадьбы или после? — Это был уже вполне деловой вопрос.

— Хотелось бы сделать невесте достойный подарок... — улыбнулся Ингвар, коротко взглянув на построжавшую лицом Ульрику Катерину.

«Беспокоится за меня или волнуется о своем будущем?» — вопрос интересный, но сейчас Бармин не взялся бы отвергать ни один из двух вариантов, не говоря уже о третьем — «всего понемножку».

Конец третьей книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Ниен — С-Петербург.

Крестовский остров — остров в Санкт-Петербурге, находится в западной части города, на территории Петроградского административного района в дельте Невы, в историческом районе, называемом Острова.

Альфёдр — «всеотец», Вератюр — «повелитель людей» — имена бога Одина.

Статен-Айленд в этом мире то же самое, что Голливуд в нашем.

Статен-Айленд (остров Статен, «остров Генеральных штатов») — одно из пяти районов Нью-Йорка, расположенное на острове Статен. Наиболее территориально удалённый и наименее населённый из всех административных округов Нью-Йорка.

На самом деле, Норн (англ. Norn) — скандинавский язык, распространённый на Оркнейских и Шетлендских островах и вымерший еще в XVIII веке. Однако в этой реальности, это один из основных скандинавских языков, широко распространенный так же на северо-западе Великорусской империи.

Pro et contra (лат.) — за и против. Схоластический метод ведения дискуссии, при котором выдвигаются два ряда противоречащих аргументов.

Магнус Хенриксен (1125–1161) — король Швеции, правивший в 1160–1161 гг. Магнус Хенриксен был датским лордом, последним потомком Стенкиля (шведский король, основатель династии Стенкилей) на шведском престоле, его мать Ингрид была внучкой Инге Старшего (король Швеции, правивший во второй половине XI в).

Вар — асинья (одна из асов), в германо-скандинавской мифологии богиня истины. Она выслушивает и записывает клятвы и обещания людей, а также мстит тем, кто их нарушает. Также является богиней любовных клятв и брачных союзов.

Слот — замок, крепость.

Роннебю — населённый пункт, находящийся в лене Блекинге в Швеции. Права города Роннебю получил в 1387 году. В Средние века был важным морским торговым городом.

Покров день или просто Покров — день в народном календаре восточных славян, приходящийся на 1 (14) октября. В народной традиции этот день отмечал встречу осени с зимой, начало вечерних девичьих посиделок и осеннего свадебного сезона.

22 сентября (по новому стилю, 8–9 сентября — по старому стилю) — Праздник Лады. Славянский праздник. В данном случае, учитывается особый статус Лады — великой богини весенне-летнего плодородия и покровительницы свадеб и брачной жизни.

Осенины — русский народный праздник встречи осени, отмечаемый в сентябре.

Полоцкий детинец, позже Верхний замок — несохранившийся замок в городе Полоцке. Верхний замок с середины XI по XVIII вв. играл роль административного и культурного центра Полоцка.

Витебский Узгорский замок (Узгорский город, Острог) — несохранившийся замок в городе Витебске. Вероятнее всего, оборонительные сооружения здесь появились ещё во времена т. н. Киевской Руси.

Поселение Гольшаны с деревянным замком известное по летописям с XIII века, возникло на высокой самородной горе над рекой Корабель, на северо-востоке от местечка Гольшаны. Деревянный замок был построен князем Гольшей. Князья Гольшанские владели замком до 1525 года, а потом, после брака княжны Елены Юрьевны Гольшанской с Павлом Сапегой, он перешёл во владения Сапег. Гольшанский каменный замок, возведён в первой половине XVII века.

Устье (Устье-Кубенское) — село в Вологодской области, административный центр Усть-Кубинского района. Расположено в 70 км к северо-западу от Вологды при впадении реки Кубены в Кубенское озеро.

Кревский замок — замок-кастель в Крево (Белоруссия) из камня и красного кирпича, первый полностью каменный замок в Великом княжестве Литовском.

Нау́з (нау́зд) (от глагола «вязать») — в славянском язычестве нарочно изготовленный магический предмет (артефакт) в виде узла, завязанного определенным образом. В Древней Руси их изготовление и применение были одним из известных способов колдовства. Наузы делали обычно из кожаных ремешков или из шерстяных нитей. Изготовлением наузов занимались особые умельцы — «наузники» и «наузницы». Для усиления обережного действия в науз могли вплетать различные предметы (камни, деревянные или металлические фигурки животных, птиц, рыб, изображения предметов оружия и домашнего обихода).

Брисингамен — в нордической мифологии — золотое ожерелье, сделанное четырьмя братьями-гномами Брисингами. В переводе означает «сверкающее», «искра».

Дебора — героиня библейской книги Судей, четвёртая по счёту судья Израилева (единственная женщина); одна из семи пророчиц эпохи Судей (XII–XI вв. до н. э.).

Поморська говоря — смесь новгородского диалекта русского языка с финно-угорскими словами и выражениями.

Краслава — город в Латвии. Примерно до 1239 года Краславский край входил в древнелатгальское Ерсикское княжество, в котором правил Всеволод. Оно, так же, как и Кукейносское княжество (совр. Кокнесе), находилось в вассальной зависимости от Полоцкого княжества.

Семендер (Самандар) — ранняя столица Хазарского каганата (в первой половине VIII в.). Крупный средневековый город на территории прикаспийского Дагестана.

Мильфлёр — особый вид шпалер XV–XVI вв. с однотонным фоном, усеянным цветами или листьями.

Ad notam (лат.) — к сведению.

Валькирии: Гондукк — «Волчица» и Регинлейв — «Всадница Бури».

Марена — в западно- и в меньшей степени восточнославянской традиции женский мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресения природы. Славянская Марена иногда отождествляется с Гекатой — древнегреческой богиней лунного света, преисподней, всего таинственного, магии и колдовства.

Невозможная фигура — один из видов оптических иллюзий, фигура, кажущаяся на первый взгляд проекцией обычного трёхмерного объекта, при внимательном рассмотрении которой становятся видны противоречивые соединения элементов фигуры. Создаётся иллюзия невозможности существования такой фигуры в трёхмерном пространстве.

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) — нидерландский художник-график. Известен прежде всего своими концептуальными литографиями и гравюрами, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии.

Балта́ — название топора с узким лезвием и боевого топора в период XV–XVII веков.

Самкерц — хазарское название Тмутаракани — средневекового города, отождествляемого со средневековыми слоями городища в дельте реки Кубань на территории нынешней станицы Тамань Краснодарского края.

Хазарский каганат в границах VII века.

В этой реальности Хамзин — хазарско-савирское княжество.

В РИ Хамзин (по Артамонову) — Царство гуннов (савир) или царство Сура в Дагестане существовавшее в V–X веках на территории в приморской полосе Дагестана.

Скрелинги — собирательное название, данное скандинавами народам Гренландии и Северной Америки.

Эфенди — титул и офицерское звание в Османской империи и в некоторых других государствах Востока в XV–XX столетиях. В современной Турции — вежливое обращение наподобие английского «сэр».

Адон — на иврите господин; владыка, хозяин.

Нижняя Мондома — посёлок в Белозерском районе Вологодской области.

Белозерск — город в России, административный центр Белозерского муниципального района Вологодской области. Под именем город Белоозеро упомянут в «Повести временных лет».

Ухтома — село в Вашкинском районе Вологодской области. Основано в XI веке. В X–XIV веках через Ухтому пролегал один из путей из Новгородских земель к Белому морю.

Дворовый — русский аналог шляхтича.

Шляхта — дворянство в Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском. Кроме того, имело место в Российской империи до конца XIX в.

Переднеазиатский леопард или кавказский барс — хищное млекопитающее из семейства кошачьих, подвид леопарда, обитающий на Кавказе, а также в Западной и Центральной Азии.

Джунгарское ханство — ойрат-монгольское государство, существовавшее в XVII–XVIII веках на территории, которая в настоящее время относится к Казахстану, Киргизии, Китаю, России (часть Хакасии и Тувы) и Монголии.

The Medici Bank — финансовое учреждение, созданное семьей Медичи в Италии в 15 веке. Это был крупнейший и наиболее уважаемый банк в Европа в период расцвета.

Лучше перебдеть, чем недобздеть — афоризм Козьмы Пруткова.

Герб Менгденов — вставший на задние лапы медведь, держащий в передних лапах северянскую секиру и нормандский круглый щит.

Алерион — вымышленная птица, фигурирующая в мифологии и геральдике.

Блистер — выступающий из корпуса транспортного средства обтекатель или защитный кожух какого-либо прибора.

Ар-деко — стилевое течение в изобразительном и декоративном искусстве стран Западной Европы и Америки второй четверти XX века.

Некий российский заменитель бара. Шкафчик, в котором стоят бутылки и графины с напитками и необходимая для распития посуда.

Жан Огюст Доминик Энгр (1780–1867) — французский художник, живописец и график, общепризнанный лидер европейского академизма XIX века. Известны его полотна с изображением жизни в восточных гаремах.

Полиамория — форма согласованной немоногамии, система этических взглядов на любовь, допускающая возможность существования любовных отношений у одного человека с несколькими людьми одновременно с их согласия. Полиаморией также называют практику любовных отношений, воплощающую эти взгляды, а людей, участвующих в таких отношениях, — полиаморами.

Стиляги — молодёжная субкультура в СССР, получившая распространение в крупных советских городах с конца 1940-х по начало 1960-х годов.

Когда-то Менгдены носили так же титул князей Острожских и правили на правах удельных князей всей Северной маркой, в которую входит и северная Карелия.

Великий боярин — высший титул родовой феодальной знати на Руси, в Великом княжестве Литовском, а также на Балканах, Украине, Румынии и Молдавии. Боярские титулы Владимирской и Московской Руси в период первой половины XIII — первой половины XVI веков можно распределить примерно в таком порядке: великий боярин князя Великого — ландграф или лендлорд; великий боярин князя удельного — владетельный барон. Петр Глинский, стало быть, барон.

Севрюки — потомки северян, половцев, хазар и других степных народов, в Русском государстве с конца XVI века оставшаяся после разгрома во время Смуты часть считалась служилым сословием из Северской земли. Проживали в бассейне рек Десны, Сейма, Ворсклы, Сулы, Быстрой Сосны, Оскола и Северского Донца. Упоминаются в письменных источниках с конца XV века до XVII века. В XVI веке считались представителями (древне)русской народности. После Смутного времени имя севрюков практически исчезает из истории

Устье (Устье-Кубенское) — село в Вологодской области, административный центр Усть-Кубинского района. Расположено в 70 км к северо-западу от Вологды при впадении реки Кубены в Кубенское озеро.

Вепсы (официально до 1917 — чудь) — малочисленный народ финно-угорской языковой группы, традиционно проживающий на территории Карелии, Вологодской и Ленинградской областей в России.

В нашей реальности прайдом называют только большую семью африканских львов, но автору понравилось слово.

Кавалерственная дама — женский аналог рыцаря (кавалера, шевалье, риттера).

Девана — в западнославянской мифологии богиня, покровительница зверей и охоты. Юная, прекрасная и бесстрашная богиня. Девана, была весьма почитаемая народами, промышлявшими охотой и звероловством. Богине молились, испрашивая у неё удачи в охоте, а в благодарность подносили часть добычи. Ее представляли в виде красивой девушки, одетой в нарядную кунью шубу, отороченную белкой. Поверх шубы красавица надевала медвежью шкуру, а голова зверя служила ей шапкой. С собой дочь Перуна носила превосходный лук со стрелами, острый нож и рогатину, с какой ходят на медведя.

Stormfågel (швед.) — буреветник.

Штормтрап (штормовой трап) — разновидность верёвочной лестницы с балясинами, опущенная по наружному борту или подвешенная к выстрелу и служащая для подъёма на военный корабль или торговое судно.

Товарищество с ограниченной ответственностью — вид хозяйственной организации, создаваемой по соглашению юридических или физических лиц путём объединения их вкладов в денежной или натуральной форме.

Коллизия — в данном случае, — это столкновение противоположных сил, взглядов, стремлений, интересов.

Хоф (др. — сканд. hof) — существительное, использовавшееся северными язычниками для обозначения храма. Хофы находились в частном владении и во главе них стояли ховгоди.

Mundr — свадебный подарок от семьи жениха, переходивший в личную собственность невесты.

Ховгоди — храмовый жрец (годи) именно этого определенного храма (хофа).

Вар — асинья (одна из асов), в германо-скандинавской мифологии богиня истины. Она выслушивает и записывает клятвы и обещания людей, а также мстит тем, кто их нарушает. Также является богиней любовных клятв и брачных союзов.

Фрейр — в германо-скандинавской мифологии бог плодородия, мира, процветания и мужской силы, податель солнечного света, ясной погоды и доброго урожая.

Фрейя — в германо-скандинавской мифологии богиня любви.

Мьельнир — в германо-скандинавской мифологии молот бога Тора.

L'amour à trois (фр.) — любовь втроем, тройничок.

Триолизм, или секс втроём — сексуальная практика с участием трёх человек (независимо от пола), является минимальной формой группового секса.

Поленица, поляница — удалая — дева-воительница в русских былинах, женщина-богатырь.

Пролегомены — рассуждения, формулирующие исходное понятие и дающие предварительные сведения о предмете обучения; разъясняющее введение в изучение той или иной науки, имеющее целью предварительное ознакомление с её методами и задачами и обозначение статуса науки, дисциплины в системе рационального знания.

Косой дождь или косохлёт (устар.) — общепринятое название для дождя, при котором капли падают на землю не вертикально, а под отчётливо видимым углом.

На самом деле, максимальная температура воды в Шексне в конце сентября — начале октября — 9°.

Кастель — тип оборонительного сооружения (замка).

В этой (альтернативной) реальности, Северная марка или Западная пятинна — древнее надгосударственное образование на северо-западе Великорусской империи, которое едва не стало королевством, наподобие Швеции или Дании, но не сложилось. Однако императоры всегда соблюдали ее права на автономию. Территория марки огромна: от Ревеля на юго-восток до Юрьева и на юг через Изборск на Полоцк, затем на северо-восток на Торопец и наконец на север через Старую Руссу, минуя Новгород на Орехов и Корелу, а затем на запад до Выборга. Во главе марки стоял не маркграф, как это принято на западе Европы, а хёвдинг (племенной вождь у германских и скандинавских народов), которого позже стали называть конунгом, а еще позже — князем Острожским. Острожские же породнились с Менгденами, так что Ингвар имеет право на титул князя Острожского (см. книгу I).

Сохранить статус-кво — значит оставить всё так, как есть.

В данном случае подразумевается немецкий язык. Алеманны — союз древнегерманских племён.

Нагази — грузинская национальная порода собаки, одна из древнейших пород собак в мире.

Счислитель — компьютер.

Речь о крупнокалиберных пулеметах (КПВ). Один, возможно, является аналогом пулемёта Владимирова — станковый 14,5 мм крупнокалиберный пулемёт разработки С. В. Владимирова. Удачно сочетает в себе скорострельность станкового пулемёта с бронбойностью противотанкового ружья и предназначен для борьбы с легкобронированными целями, огневыми средствами и живой силой противника, находящейся за лёгкими укрытиями, а также в качестве зенитного пулемёта.

Второй пулемет, возможно, является аналогом Корда — российского крупнокалиберного пулемёта с ленточным питанием под патрон 12,7×108 мм. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями, уничтожения живой силы противника на дальностях до 2000 м и поражения воздушных целей на наклонных дальностях до 1500 м.

Скрывать — делать незаметным, невидимым.

Нодья — таёжный долго- и слабо горящий, тлеющий костёр, сложенный из брёвен. Слово «нодья» является заимствованием из финно-угорских языков.

Юха — азербайджанские тонкие лепёшки, похожие на лаваш.

Бонтон — хороший тон; хорошие манеры, светская учтивость в словах и в обращении.

Устье (Устье-Кубенское) — село в Вологодской области, административный центр Усть-Кубинского района. Расположено в 70 км к северо-западу от Вологды при впадении реки Кубены в Кубенское озеро.

В этом контексте, можно перевести, как «милости просим».

Связка «бат» переводится с иврита, как «дочь». То есть, женщину зовут Чичак дочь Сарах.

«В 6 часов вечера после войны» — советский полнометражный художественный чёрно-белый фильм, снятый режиссёром Иваном Пырьевым на киностудии «Мосфильм» в 1944 году.

Кольцо «Рука бога» описано во второй книге Последыша. С помощью этого золотого колечка, которое носят на мизинце, можно не только «видеть» во всех подробностях — вид сверху, — территорию площадью в полторы квадратные версты, но и наносить точечные удары молниями, бьющими с небес, по выбранным «на глазок» объектам.

Вертиго (головокружение) — это не самостоятельное заболевание, а симптом, который может возникнуть на фоне различных патологий. При приступе у человека появляется ощущение дезориентации в пространстве, вращения окружающих предметов вокруг тела или, наоборот, тела вокруг окружающих предметов.

Фьельнир — Мудрый, «Тот, кого много» — одно из имен бога Одина.

Низкотемпературная плазма имеет температуру меньше миллиона кельвинов. Для сравнения, температура внешнего слоя солнца 6000 градусов по шкале Кельвина или 5726.85 градусов Цельсия.

Например, у кольта Патерсон образца 1836 года начальная скорость пули была 270 м/с.

Грогги — одномоментное ухудшение состояния находящегося на ногах боксёра после получения им удара в подбородок. Происходит из-за сотрясения ушного лабиринта. Проходит быстро, но боксёр на короткое время теряет боеспособность. Рефери останавливает бой (команда «стоп!») и ведёт счёт до восьми. Если боксер после счёта «восемь» не восстановил своей боеспособности, то рефери продолжает считать до десяти, и боксёру засчитывается поражение нокаутом.

Вита (лат. Vita) — жизнь.

Гипнагогия — промежуточное состояние между явью и сном. Характеризуется сознательным восприятием образов из бессознательного. В этом состоянии возможно наличие слуховых, зрительных, тактильных и логических галлюцинаций, а также сонный паралич. Психической патологией не считается, однако некоторые врачи связывают частые гипнагогические галлюцинации с невротическим развитием личности и повышенным уровнем тревоги.

Идунн — в германо-скандинавской мифологии богиня вечной юности.

Плая (исп. playa) — дно высохшего озера в пустынях. Также известно, как такыр или сабха (араб.).

Долина Смерти — национальный парк Долина Смерти является наиболее засушливым национальным парком в США, расположенном к востоку от горного хребта Сьерра-Невада в штате Калифорния, США.

Рейстрек-Плайя — высохшее озеро, иногда заливаемое водой, расположено в северо-западной части национального парка Долина Смерти.

Что-то вроде 2С12. 2С12 «Сани» — советский буксируемый миномётный комплекс калибра 120 мм, обеспечивающий транспортировку миномёта как возимым, так и буксируемым способами.

Что-то типа известного в нашей истории 2Б9 «Василёк» — советского возимобуксируемого и самоходного автоматического гладкоствольного миномёта калибра 82 мм.

Юрьев — Тарту.

Ушкуйники — новгородские пираты, преимущественно речные. Летописи дают ушкуйникам имя поморов или волжан. Вольные люди, входившие в вооружённую дружину, снаряжавшуюся новгородскими купцами и боярами, разъезжавшую на ушкуях и занимавшуюся торговым промыслом и набегами на Волге и Каме; повольники (на Руси XIV-XV вв.), охраной приграничных территорий Великого Новгорода.

В микенскую эпоху слово «басилевс» относилось к некому мифическому грифоноподобному существу, очень мудрому и приносившему удачу. На среднем востоке в этот период словом «базилевс» называют существо, символизирующее мудрость и просвещение. Считалось, что это существо с львиным туловищем и головой орла, страж золота.

Эмитировать — излучать (излучить), испускать (испустить) элементарные частицы, ионы и т. п.

Модус вивенди — в данном случае — фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами.

Кран — журавль на многих европейских, в том числе славянских, языках.

Имеется в виду что-то вроде находящегося в разработке Bell Boeing Quad TiltRotor, сопоставимого по размерам и грузоподъемности с военно-транспортным самолётом C-130 Hercules.

Острожские — угасший в XVII веке западнорусский княжеский род, представители которого с конца XIV века занимали высокие государственные должности в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой.

Имеется в виду поселок Тарховка в Ленобласти.

Такое окно было очень узким и высоким. Оно характерно для времени расцвета готического стиля. Обычно располагались небольшими группами по соседству.

Ульрика — это более позднее женское имя, образованное от древнескандинавского мужского имени Ульрик. Имя Ульрик/Ульрих происходит от древнескандинавского *úlfr* (волк) + *ríkr* (могущественный, богатый; властелин, правитель). Мария обыгрывает часть имени Ульрики и его уменьшительно-ласкательный вариант Рикке.

В РИ графство Фландрия или графство Тулуза были больше и богаче иных герцогств.

Верка Сердючка — Пирожок.

Экстракорпоральное оплодотворение (от лат. extra — сверх, вне и лат. corpus — тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО) — вспомогательная репродуктивная технология, чаще всего используемая в случае бесплодия.

Хёвдинг — племенной вождь у германских и скандинавских народов.

Чертеж участка местности, выполненный глазомерной съёмкой, с обозначенными важнейшими объектами. Как базовый для кроки может быть взят аэрофотоснимок или топографическая карта, на которые наносятся важные ориентиры, а на полях карты — рисунки этих ориентиров. Поясняющие дополнительные данные, которые нельзя изобразить графически, записываются в «легенду» на полях или обороте чертежа.

Бармин знает большой питерский секрет Полишинеля, что в шалаше в Разливе от временного правительства скрывались двое: В.И. Ульянов (Ленин) и его друг, соратник и личный секретарь Г.Е. Радомысльский (Зиновьев).

Stravecchia (Стравеккья) — очень старая граппа.

Ниен — в нашей реальности Петербург.

Välkommen (швед.) — добро пожаловать.

Вёр — в скандинавской мифологии одна из асинь (Ассы), богиня всеведения. Она очень мудра и ничто не может укрыться от её проницательности и интуиции.

Парюра — набор ювелирных украшений, подобранных по качеству и виду камней, по материалу или по единству художественного решения. Малая парюра (полупарюра) — включает 2–3 предмета (например, ожерелье, брошь и серьги), пригодна для повседневного ношения.

Герб Менгденов — вставший на задние лапы медведь, держащий в передних лапах северянскую секиру и нормандский круглый щит.

В нашей реальности, этот дворец находится в Стокгольме.

Куверт — термин, обозначающий полный набор предметов для одного человека на накрытом столе. Выражение «стол на 55 кувертов» означает стол, накрытый на 55 персон. В куверт входят столовые приборы (ножи, ложки, вилки), тарелки, бокалы, салфетка.

Каролинский институт — крупнейший шведский и один из крупнейших в Европе медицинских университетов.

Politiets Efterretningstjeneste (PET) — Датская служба безопасности и разведки или DSIS.